

НЕЗНАКОМЦЫ В ПОЕЗДЕ

ДЕБЮТНЫЙ РОМАН ПАТРИЦИИ ХАЙСМИТ, КОТОРЫЙ ДАВНО СТАЛ КЛАССИКОЙ И ЛЕГ В ОСНОВУ ЗНАМЕНИТОГО ТРИЛЛЕРА А. ХИЧКОКА

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

OZON.ru

Незнакомцы в поезде
Патриция Хайсмит

Аннотация
Патриция Хайсмит. Незнакомцы в поезде
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Аннотация

«Незнакомцы в поезде» — дебютный роман Патриции Хайсмит, изданный в 1950 г. и сразу замеченный критикой. Знаменитый Альфред Хичкок также обратил на него внимание — его чрезвычайно заинтересовал мотив перекрестного убийства, на котором построен сюжет книги. В одном из интервью он сказал: «Разве эта задумка не восхитительна? Ее можно разбирать без конца».

Итак, в поезде встречаются двое — молодой архитектор Гай Хэйнс и весьма загадочный человек по имени Энтони Бруно. Энтони делает Гаю предложение, от которого тот не смог бы отказаться, даже если бы очень захотел. Отныне они, столь непохожие друг на друга люди, связаны самыми сильными узами — преступлением…

Патриция Хайсмит
Незнакомцы в поезде

1

Яростно отстукивая колесами рваный ритм, по прерии мчался поезд. Он притормаживал на станциях, которые делались все мельче и встречались все чаще, нетерпеливо выжидал положенные минуты и вновь продолжал свой натиск. Однако пейзаж за окном на протяжении часов был неизменным — прерия колыхалась огромным буро-розовым одеялом, что встряхивали небрежной рукой. Чем быстрее шел поезд, тем сильней расходились дразнящие волны.

Гай отвел взгляд от окна и откинулся на сиденье.

Мириам наверняка будет тянуть с разводом. Это в лучшем случае. Она вполне может решить, что ей не нужен развод, только деньги. Удастся ли ему вообще расторгнуть этот брак?

Гай чувствовал, как ненависть парализует его мысли. Все пути выхода из ситуации, казавшиеся такими логичными в Нью-Йорке, теперь превращались в тупики. Там, впереди, уже совсем близко, буквально чувствовалось присутствие Мириам. Мириам розовощекой и веснушчатой,

пышущей нездоровым жаром, как прерия за окном вагона. Мириам угрюмой и жестокой.

Он машинально потянулся за сигаретой, в очередной раз вспомнил, что в вагоне нельзя курить, и все же достал. Дважды стукнул ею по циферблату наручных часов, зачем-то посмотрел на время — пять часов двенадцать минут, как будто это имело какое-то значение, — зажал сигарету в углу рта и, бережно прикрывая ладонью огонек спички, закурил. Взгляд карих глаз то и дело устремлялся к окну, на раскинувшуюся за ним своенравную и удивительную прерию. Мягкий воротник рубашки слегка задрался, и отражение в оконном стекле с высоким белым треугольником у лица напоминало силуэт из прошлого столетия. Сходство усиливала и прическа — черные волосы пышной копной лежали на макушке, а сзади были коротко острижены. Прическа вкупе с длинным острым носом придавала профилю Гая решительную целеустремленность, а в фас это впечатление уравновешивалось тяжелыми, нависшими бровями, от которых веяло спокойствием и умением владеть собой. На нем были уже изрядно помятые фланелевые брюки, темный с фиолетовым отливом пиджак, свободно сидящий на худощавой фигуре, и небрежно повя-

занный шерстяной галстук помидорного цвета.

Вряд ли Мириам собралась бы рожать, если бы этого не хотела. Значит, они с любовником намерены пожениться. Но зачем она потребовала, чтобы он приехал? Для развода его присутствие не обязательно. И почему вот уже четыре дня, с того самого момента, как пришло ее письмо, он не может думать ни о чем другом? В письме было каких-то пять или шесть строчек округлым почерком: Мириам сообщала, что ждет ребенка и хочет встретиться. Ее беременность гарантирует получение развода, почему же он так нервничает? Самым мучительным было подозрение, что в нем говорит ревность: Мириам когда-то вытравила его ребенка и вот теперь собиралась родить от другого. Нет, дело не в этом. Его мучает стыд, только стыд за то, что он любил такую женщину. Он затушил сигарету о решетку радиатора. Окурок вылетел под ноги, и Гай пнул его подальше в угол.

Скоро все наладится. Будет развод, будет работа во Флориде. Руководство компании наверняка утвердит его проект, решение примут на этой неделе. И будет Анна. Они с ней уже могут строить планы на будущее. Больше года он мучительно ждал, когда же случится то, что освободит его, — и

вот наконец дождался. Гай ощутил взрыв счастья и расслабился в бархатном кресле. Пожалуй, он ждал этого даже три года. Конечно, развод можно было купить, но он не располагал необходимой суммой. Нелегко начинать карьеру архитектора без постоянного места в фирме. Мириам не требовала, чтобы он содержал ее, зато находила другие способы отравить ему существование. Например, говорила в Меткалфе, что они по-прежнему любят друг друга и Гай заберет ее к себе в Нью-Йорк, как только там устроится. Иногда она писала ему с просьбой прислать денег — понемногу, но это все равно раздражало. Деньги он отправлял, понимая, что с нее станется развернуть против него в Меткалфе военную кампанию, а ведь в этом городе живет его мать.

На сиденье напротив плюхнулся высокий светловолосый молодой человек в ржаво-коричневом костюме и, рассеянно улыбаясь, подвинулся в угол. Лицо у него было бледное, с мелкими чертами, и прямо посреди лба торчал огромный прыщ. Гай отвернулся к окну.

Новый сосед, похоже, не знал, то ли ему подремать, то ли завязать беседу. Его клонило в сон, локоть, на который он опирался, то и дело скользил по подоконнику, но стоило молодо-

му человеку разлепить короткие ресницы, и он снова с рассеянной улыбкой смотрел на Гая покрасневшими серыми глазами. Похоже, он был пьян.

Гай раскрыл книгу, однако сосредоточиться на чтении не смог. Он взглянул на мигающие люминесцентные лампы под потолком, на незажженную сигару в костлявой руке соседа, на монограмму «ЧЭБ», на зеленый шелковый галстук, вручную расписанный пальмами кричащего оранжевого цвета. Долговязая ржаво-коричневая фигура беззащитно обмякла на сиденье, голова запрокинулась, и здоровенный то ли прыщ, то ли нарыв возвышался посреди лба, как горная вершина. Интересное лицо, хотя и непонятно почему. Не юное и не старое, не то чтобы умное, но и глупым не назовешь. Оно постепенно сужалось от высокого, выпуклого лба к впалым щекам и тонкогубому рту, глубоко в синеватых тенях глазниц маленькими раковинами скрывались сомкнутые веки. Щеки были гладкие, как у девушки, — пожалуй, даже как восковые. Словно все возможные изъяны кожи слились воедино и приняли форму этого огромного прыща.

Гай снова попытался читать. На этот раз слова обрели смысл и даже начали понемногу унимать

беспокойство. Однако внутренний голос спросил, много ли толку от Платона, когда предстоит иметь дело с Мириам. Гай уже задавался этим вопросом в Нью-Йорке, но все равно взял книгу, старый учебник из университетской программы. Ему хотелось найти для себя в поездке к Мириам хоть что-то приятное.

Он поглядел в окно, увидел свое отражение, опустил торчащий угол воротника. Анна всегда поправляла ему воротник. Гай вдруг почувствовал себя беспомощным вдали от нее. Он поерзал на сиденье и случайно задел вытянутую ногу спящего соседа напротив. Ресницы у того дрогнули, покрасневшие глаза раскрылись, и Гай подумал, что сосед вполне мог все это время наблюдать за ним из-под век.

— Извините, — пробормотал Гай.

— Да ничего. — Сосед выпрямился и резко встряхнул головой. — Где это мы?

— Въезжаем в Техас.

Сосед извлек из внутреннего кармана золотую фляжку, откупорил и любезно протянул Гаю.

— Спасибо, не надо, — проговорил Гай.

Сосед отхлебнул, слышен был плеск жидкости о металлические стенки. Гай поймал неодобрительный взгляд женщины, сидевшей через

проход и с самого Сент-Луиса не поднимавшей глаз от вязания.

— Куда направляетесь? — Мокрые тонкие губы изогнулись в улыбке.

— В Меткалф.

— А… Хороший городок. По делу? — Сосед моргал красными глазами, изображая вежливый интерес.

— Да.

— И по какому же?

Гай нехотя оторвался от книги.

— Я архитектор.

— О… Дома, значит, строите?

— Да.

— Я ведь не представился. — Он чуть привстал. — Меня зовут Бруно. Чарльз Энтони Бруно.

Гай коротко пожал ему руку.

— Гай Хэйнс.

— Очень приятно. Вы из Нью-Йорка?

Хриплый баритон звучал фальшиво, словно Бруно говорил только для того, чтобы заставить себя проснуться.

— Да.

— Я сам с Лонг-Айленда. Еду в Санта-Фе отдохнуть. Бывали в Санта-Фе?

Гай покачал головой.

— Там можно расслабиться. — Бруно улыбнулся, обнажив гнилые зубы. — А касаемо архитектуры, дома там в основном индейские.

К ним подошел кондуктор.

— Это ваше место? — спросил он у Бруно.

— У меня купе в соседнем вагоне. — Бруно откинулся на спинку сиденья, всем своим видом показывая, что никуда не пойдет.

— Третий номер?

— Вроде да.

Кондуктор пошел дальше.

— Вот люди… — пробурчал Бруно.

Он оперся локтями на колени и с усмешкой стал глядеть в окно.

Гай хотел бы почитать, однако его отвлекало присутствие соседа — тот явно изнывал от скуки и в любой момент мог продолжить навязываться. Гай раздумывал, не пойти ли в вагон-ресторан, но отчего-то остался на месте. Поезд опять замедлял ход. Заметив, что Бруно собирается что-то сказать, Гай ретировался в соседний вагон и соскочил на гравий прежде, чем состав успел полностью остановиться.

В первую секунду у него перехватило дыхание от ночного воздуха, куда более живого, чем в

вагоне, густого и тяжелого от запахов. Пахло нагретым на солнце пыльным гравием, мазутом и горячим металлом. Гаю хотелось есть. Он размеренными шагами прогуливался вдоль вагона-ресторана, сунув руки в карманы и дыша полной грудью, хоть пахучий воздух и был ему неприятен. С юга на горизонте россыпью мерцали огни — красные, зеленые, белые. У Гая промелькнула мысль, что Анна наверняка тоже останавливалась здесь накануне по пути в Мехико. А ведь мог поехать с ней — она предлагала вместе доехать до Меткалфа. Он мог бы даже пригласить ее в свой дом на денек, познакомить с матерью… Если бы не Мириам. Да к черту Мириам, если бы сам он был другим человеком, если бы он мог на все это наплевать. Он рассказал Анне о Мириам почти все, но не хотел, чтобы они встречались. Сама мысль об этом была невыносима. Он хотел поехать один, чтобы спокойно подумать. И что же? Много он надумал? Что толку от размышлений, что толку от логики, если имеешь дело с Мириам?

Кондуктор прокричал, что поезд отправляется; Гай помедлил и в последний момент вскочил на подножку вагона, следующего за рестораном.

Не успел официант принять у него заказ, как в

дверях нарисовался тот самый навязчивый сосед. Он нетвердо стоял на ногах, а короткая сигарета в углу рта придавала ему несколько воинственный вид. Гай успел выкинуть его из головы, и теперь долговязая ржаво-коричневая фигура возникла перед ним, как неприятное воспоминание.

Заприметив Гая, Бруно улыбнулся и подвинул себе стул.

— А я уж боялся, вы от поезда отстали, — жизнерадостно сообщил он.

— Мистер Бруно, если вы не против, я бы хотел немного поразмышлять в спокойной обстановке.

Бруно затушил окурок, уже обжигавший ему пальцы, и тупо посмотрел на Гая. Он был пьянее прежнего. На небритых щеках грязными разводами темнела щетина.

— У меня в купе спокойная обстановка. Давайте там и пообедаем. Что скажете?

— Благодарю, я бы предпочел остаться здесь.

— Нет-нет, я настаиваю. Официант! — Бруно хлопнул в ладоши. — Пожалуйста, отправьте заказ этого господина в купе номер три, а мне принесите стейк средней прожарки и яблочный пирог. И еще два виски с содовой, если можно, побыстрее. — Он взглянул на Гая с рассеянной улыбкой. — Идемте?

Поколебавшись, Гай встал и последовал за ним. В конце концов, какая разница? Его все равно уже тошнит от себя и своих мыслей.

Заказывать виски не было никакой необходимости, разве что ради льда и стаканов. Четыре бутылки с желтыми ярлыками стояли рядком на чемодане крокодиловой кожи — единственная аккуратная композиция в форменном бедламе. Чемоданы, сундуки и портпледы громоздились в беспорядке, так что негде было шагу ступить, кроме маленького пятачка в самом центре этого лабиринта. Повсюду как попало валялись вещи — спортивная одежда, теннисные ракетки, набор клюшек для гольфа, пара фотоаппаратов, плетеная корзина с бутылкой вина и фруктами, уложенными на папиросную бумагу цвета фуксии. Сиденье у окна покрывала россыпь книг, журналов и комиксов. Гай также заметил коробку конфет, перевязанную алой ленточкой.

— У меня тут немного… по-спортивному, — констатировал Бруно с внезапным смущением.

— Ничего.

Гай заулыбался. Обстановка купе позабавила его, к тому же ему приятно было находиться в закрытом, уединенном пространстве. Улыбка преобразила его лицо — лоб разгладился, глаза

под темными бровями заблестели. Он ловко ступал по лабиринту из чемоданов, осматриваясь с кошачьим любопытством.

Бруно протянул ему теннисную ракетку.

— Новехонькая. Ни разу не касалась мяча. Мать заставляет меня возить с собой это барахло. Надеется, что спорт отвлечет меня от баров. Ну и ладно, зато всегда есть что заложить, если вдруг деньги кончатся. В путешествиях я предпочитаю пить. Так ощущения богаче, вы не находите?

Принесли виски с содовой в высоких бокалах, Бруно щедро долил их из бутылки с желтым ярлыком.

— Садитесь, — пригласил он. — И пиджак снимайте.

Но оба продолжали стоять в пиджаках. Пару неловких минут они не знали, что сказать друг другу. Гай отхлебнул из бокала теперь практически не разбавленного виски, посмотрел на пол. Подумал, что у Бруно странные ступни. Возможно, дело в ботинках — небольших светло-коричневых ботинках с длинными мысами, такими же вытянутыми, как подбородок хозяина. Выглядели они несколько старомодно. И, вопреки первоначальному впечатлению, вблизи Бруно не смотрелся тощим. Ноги у него были

тяжеловесные, да и сложение нехрупкое.

— Надеюсь, вы не в обиде, что я подсел к вам в ресторане? — осторожно спросил Бруно.

— Нет, что вы.

— Мне было одиноко.

Гай заметил, что, конечно, невесело ехать одному в купе, случайно зацепил что-то ногой — как выяснилось, ремешок фотоаппарата «Роллейфлекс». На боку кожаного чехла белела свежая царапина. Гай чувствовал на себе робкий взгляд Бруно. И зачем он только пришел, ясно же, что он умрет здесь со скуки! Надо было оставаться в ресторане. Но тут появился официант с накрытым подносом, разложил откидной стол, и от аромата жареного на углях мяса Гай немного приободрился. Бруно настоял, что счет оплатит он; пришлось уступить. Гаю принесли гамбургер, Бруно — стейк с грибной подливой.

— Что строите в Меткалфе?

— Ничего. У меня там мать живет.

— А, так вы в гости? — Бруно расспрашивал с неподдельным интересом. — Это ваш родной город?

— Да, я там родился.

— Со стороны и не скажешь, что вы из Техаса. — Бруно залил стейк и картошку кетчупом и

аккуратно взял пальцами стебелек петрушки. — Давно дома не были?

— Года два.

— А отец ваш тоже там?

— Мой отец умер.

— О… И какие у вас отношения с матерью?

Гай ответил, что хорошие. Вкус виски, хоть Гай и не любил его, был сейчас ему приятен, потому что напоминал об Анне. Если она вообще пила, то исключительно виски, напиток ей под стать — золотой, полный света, настоящее произведение искусства.

— Где вы живете на Лонг-Айленде? — поинтересовался Гай у Бруно.

— В Грейт-Неке.

Анна тоже жила на Лонг-Айленде, только подальше.

— Я зову свой дом конурой, — продолжал Бруно. — Он окружен зарослями собачьего дерева,[1] и все его обитатели чем-то напоминают побитых собак. Все, вплоть до шофера! — Он вдруг искренне захохотал и опять склонился над тарелкой.

Гай видел только его макушку с редеющими

[1] Примечания: 1

Собачье дерево — народное название кизила в англоязычных странах. — *Здесь и далее примеч. перев.*

волосами и торчащий на лбу прыщ — чудовищно большой и отвратительный прыщ, который как-то не бросался в глаза с момента встречи в ресторане, зато теперь буквально притягивал взгляд.

— И почему же? — спросил Гай.

— Папаша умеет обласкать. Ублюдок… А вот с матерью у меня, как и у вас, все хорошо. Она приедет в Санта-Фе на пару дней.

— Прекрасно.

— Да, прекрасно! — воскликнул Бруно так, будто Гай с ним спорил. — Мы с ней отлично ладим. Сидим болтаем, играем в гольф. Бывает, даже на вечеринках вместе появляемся. — Он хохотнул с немного смущенным, но гордым видом и вдруг показался совсем молодым и неуверенным в себе. — Вам, наверное, смешно?

— Нет, — ответил Гай.

— Одно плохо: своих денег у меня нет. Вообще-то, с этого года я уже должен получать собственный доход, но папаша меня его лишил! Переводит мои деньги себе в казну. Не поверите, денег у меня сейчас не больше, чем во время учебы на всем оплаченном. То и дело приходится у матери сотню просить.

— Ну почему же вы не позволили мне оплатить

счет!

— Да нет, я не к тому! Я говорю, меня грабит собственный отец, как вам такое? А ведь это даже не его деньги, это наследство матери!

Он явно ожидал от Гая поддержки.

— А что же ваша мама, почему она не вмешивается?

— Папаша записал все на свое имя, когда я еще ребенком был! — хрипло воскликнул Бруно.

— А… — Гай подумал, что он не первый случайный знакомый, которого Бруно потчует обедом за свой счет и этой историей. — Почему же он так с вами поступает?

Бруно с безнадежным видом развел руками и спрятал их в карманы.

— Говорю же, ублюдок. Все под себя гребет. Заявляет, что ничего мне не даст, потому что я бездельник. Нашел оправдание! Просто он считает, что мы с мамой слишком хорошо живем, и ищет способы, как бы нагреть на нас руки.

Гай представил себе Бруно рядом с матерью, наверняка моложавой светской львицей, которая злоупотребляет тушью для ресниц и, как и сын, умеет покутить.

— А где вы учились?

— В Гарварде. Меня оттуда выперли на втором

году. За пьянки и азартные игры. — Бруно передернул щуплыми плечами. — Вы-то небось не из таких. Ну да, я тунеядец, что с того?

Он разлил виски по бокалам.

— Я не называл вас тунеядцем.

— Зато папаша называет. Ему бы благоразумного сыночка вроде вас, все были б счастливы.

— Почему вы решили, что я благоразумный?

— Ну, вы серьезный, профессию себе выбрали, архитектором работаете. А мне вот не хочется работать. Мне это не нужно, понимаете? Я не писатель, не художник, не музыкант. Зачем человеку работать, если нет необходимости? Язву я себе наживу более приятным путем. Папаша вот уже нажил. Ха! Он все мечтает, что я продолжу его бизнес. А я ему говорю, что его бизнес, любой бизнес — это узаконенное перерезание глоток. Как брак — это узаконенный блуд. Разве я не прав?

Гай бросил на него ироничный взгляд и посыпал солью наколотый на вилку ломтик картошки фри. Он жевал не спеша, получая удовольствие от еды и даже в какой-то степени от общества Бруно — как будто наблюдал представление комедианта на далекой сцене. На самом деле мысли его занимала Анна. Временами мечты о ней, не оставлявшие Гая, казались более живыми и на-

стоящими, чем окружающая действительность, которая лишь иногда пробивалась в его сознание острыми краями, отдельными картинками — как, например, царапина на чехле дорогой фотокамеры, длинная сигарета Бруно, затушенная в куске сливочного масла, разбитое стекло в рамке отцовского портрета, который Бруно однажды демонстративно вышвырнул из комнаты и теперь гордо этим хвастался… А ведь можно успеть повидаться с Анной в Мехико перед поездкой во Флориду. Если побыстрее утрясти дела с Мириам, полететь в Мехико самолетом, а потом самолетом же добраться до Палм-Бич. Эта идея не приходила в голову раньше, потому что раньше Гай не мог позволить себе такие путешествия. Но если контракт в Палм-Бич с ним все-таки заключат, почему бы и нет?

— Он запер в гараже мою машину! Вы представляете, насколько это оскорбительно? — Голос Бруно сорвался на визгливой ноте.

— Зачем?

— Да просто потому, что она была мне в тот вечер нужна! В итоге меня забрали друзья, так что ничего он не добился!

Гай не знал, что сказать.

— А он что, держит ключи у себя?

— Он забрал мои! Прямо из комнаты! Вот почему он меня так испугался. Даже из дому удрал с перепугу. — Бруно сидел вполоборота и грыз ноготь, тяжело дыша; потные пряди волос топорщились надо лбом, как антенны. — А все потому, что матери не было дома, при ней он бы себе такого не позволил, конечно.

— Конечно, — сам того не желая, эхом повторил Гай.

Весь их разговор был прелюдией к этой истории, в которой Бруно наверняка многое умолчал. Вот что скрывалось за покрасневшими глазами попутчика, за его грустной улыбкой — еще одна история несправедливости и вражды.

— Значит, вы швырнули его фотографию в коридор? — зачем-то переспросил Гай.

— Да, вышвырнул ее из комнаты матери. — Бруно подчеркнул три последних слова. — Он ведь сам ее туда поставил. Мама любит Капитана не больше моего. Капитан!.. Нет уж, брат, я его так не зову!

— Но почему он так себя с вами ведет?

— Не только со мной, с матерью тоже! Он не такой, как мы, — вообще не такой, как нормальные люди! Ему никто на свете не нравится. Он любит только деньги. Он перерезал много глоток и раз-

богател. Ну да, он умный, признаю. Но совесть у него нечиста. Вот почему он так хочет втянуть меня в свой бизнес — чтобы я тоже резал глотки и чувствовал себя сволочью!

Бруно судорожно сжал кулак, стиснул зубы, закрыл глаза. Гай даже подумал, что он сейчас заплачет, но Бруно разлепил припухшие веки и снова робко улыбнулся.

— Что, навел я на вас тоску, а? Просто хотел объяснить, почему собрался в такой спешке, не подождав маму. На самом деле я веселый парень, честное слово!

— Разве вы не можете уехать от отца, когда пожелаете?

Бруно как будто не сразу понял вопрос, а потом ответил спокойным тоном:

— Конечно, могу. Но мне нравится жить с матерью.

«А мать, видимо, не уходит от мужа из-за денег», — предположил Гай и полез в карман.

— Сигарету? — Он протянул Бруно пачку.

Оба закурили.

— Знаете, он тогда сбежал от меня, а до этого, наверное, лет десять все вечера сидел дома. Даже не представляю, куда он пошел. Я был так зол, что вполне мог убить его. У вас никогда не возникало

желание кого-нибудь убить?

— Нет.

— А со мной случается. Иногда чувствую, что способен прикончить папашу. — Он посмотрел в свою тарелку, продолжая смущенно улыбаться. — А знаете, какое у него хобби? Вот угадайте.

Гай не хотел угадывать. Он хотел, чтобы его оставили в покое, ему вдруг стало невыносимо скучно.

— Собирает формочки для печенья! — не выдержав, захихикал Бруно. — Честное слово! Они у него всех сортов и калибров — и пенсильванские, и баварские, и английские, и французские, и венгерских целая куча. Ими вся его комната забита. А над письменным столом в рамке висят формочки-зверушки — знаете, такое детское печенье, в коробках продается? Он написал президенту компании, которая их выпускает, и ему прислали весь набор! Век машин, надо же! — Бруно расхохотался и опустил голову.

Гай смотрел на него не мигая. Вид у Бруно был гораздо комичнее того, что он говорил.

— Он печет?

— А?

— Ну, печенье-то он печет?

Бруно загоготал громче прежнего, стянул с

себя пиджак и бросил на чемодан. Когда веселье немного улеглось, он сказал неожиданно спокойно:

— Мать всегда его посылает: «Иди поиграй в свои формочки». — Гладкое лицо Бруно покрывал пот, как тонкая пленка масла. — Как вам обед?

— Превосходно, — искренне ответил Гай.

— Слыхали о компании «Бруно трансформинг» на Лонг-Айленде? Трансформаторы, инверторы, прочая электротехника?

— Да вроде нет.

— Ну, неудивительно. Хотя прибыль у нее немаленькая. Вы вот деньгами интересуетесь?

— Не особенно.

— Извините за вопрос, сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Серьезно? Я бы дал больше. А как по-вашему, сколько мне?

Гай окинул его взглядом и предположил:

— Двадцать четыре, может, двадцать пять.

По правде говоря, он решил польстить: на самом деле Бруно выглядел младше.

— Угадали, двадцать пять. Значит, я все-таки тяну на двадцать пять с таким-то украшением на лбу?

Бруно закусил нижнюю губу, в глазах у него

вспыхнул испуг и острый стыд. Прикрыв лоб ладонью, он вскочил и метнулся к зеркалу.

— Я же хотел пластырь наклеить!

Гай попытался заверить его, что ничего страшного, но Бруно продолжал разглядывать прыщ в зеркале, морщась от омерзения.

— Это не обыкновенный прыщ, — изрек он гнусаво. — Это нарыв. Во мне бурлит ненависть, и так она прорвалась наружу. Это испытание Иова!

— Да ну вас, — отмахнулся Гай со смешком.

— Он начал вылезать в понедельник, как раз после нашей ссоры. И с тех пор все растет. Наверняка шрам останется.

— Нет, вряд ли.

— А я говорю — останется. И вот таким красавцем я приеду в Санта-Фе!

Бруно опустился в кресло, сжав кулаки и вытянув в сторону толстую ногу, и погрузился в трагические раздумья.

Гай подошел к сиденью у окна, взял книгу. Книга оказалась детективом — как и все остальные, валяющиеся на сиденье. Шрифт расплывался перед глазами. Похоже, алкоголь сильно ударил в голову. Впрочем, сегодня Гаю было все равно.

— В Санта-Фе я буду кутить на полную катушку, — заявил Бруно. — Вино, женщины, все такое

прочее! Ха!

— И что же это — «такое прочее»?

— Что-нибудь. Все и сразу. — Бруно скривил рот в уродливой гримасе, напуская на себя бесшабашный вид. — Я считаю, что в жизни нужно попробовать все возможное. И, пожалуй, умереть, пытаясь совершить невозможное.

Эти слова всколыхнули что-то в душе Гая — на мгновение, пока обычная рассудительность не возобладала.

— Например? — тихо спросил он.

— Например, полететь на Луну. Разогнать автомобиль до рекордной скорости с завязанными глазами. Я, кстати, пробовал. Рекорда не вышло, но до ста шестидесяти разогнался.

— Что, прямо с завязанными глазами?

— А еще я провернул квартирную кражу. — Бруно посмотрел на Гая с непрошибаемым спокойствием. — Вполне успешно.

Гай недоверчиво улыбнулся, хотя слова Бруно звучали весьма убедительно. Этот человек мог быть способен на преступление. Он мог быть сумасшедшим. Хотя нет, скорее отчаянным. Отчаянная скука богачей… Гай нередко беседовал о ней с Анной. Скука, имеющая силу скорее разрушительную, чем созидательную. Она не реже,

чем нужда, толкает людей на злодейство.

— Мне это было нужно не для наживы, — продолжал Бруно. — Я нарочно украл совершенно неинтересные мне вещи.

— И что же вы украли?

— Зажигалку. Модельку автомобиля. Статуэтку с каминной полки. Цветной фужер. Какую-то ерунду. — Бруно пожал плечами. — Я еще никому, кроме вас, об этом не говорил. Я вообще не из болтливых. — Он улыбнулся. — Хотя у вас наверняка сложилось другое мнение.

— И как же вы это провернули? — спросил Гай, затягиваясь.

— Наблюдал за многоквартирным домом в Астории, выбирал время, а потом просто влез в окно с пожарной лестницы. Очень просто. Я это сделал, вычеркнул из списка и подумал: «Ну слава богу».

— Почему «слава богу»?

Бруно застенчиво улыбнулся.

— Да сам не знаю.

Он налил виски себе, потом Гаю. Гай смотрел на его неловкие, трясущиеся руки, которые воровали, на обкусанные до мяса ногти. Неуклюжие, как у младенца, пальцы вертели коробок спичек, пока не уронили его на засыпанный пеплом

стейк. Гай размышлял о том, как скучно на самом деле преступление. Как часто оно совершается просто так, без причины. И кто бы мог подумать при взгляде на руки Бруно, на его купе, на его некрасивое, грустное лицо — кто бы мог подумать, что этот человек воровал?

— А вы расскажете теперь о себе? — любезно предложил Бруно.

— Да мне и рассказывать нечего.

Гай достал из кармана пиджака трубку, постучал ею по подошве ботинка, посмотрел на кучку пепла на ковре и тут же забыл о ней. Опьянение сильнее давало о себе знать. Мыслями он уже находился в Палм-Бич. Если контракт все же заключат, две недели пролетят незаметно и можно будет приступить к работе. Если повезет, развод не потребует много времени. Перед глазами сама собой, без всякого напряжения памяти возникла картинка из законченного проекта: невысокие белые дома в окружении зеленых лужаек. Гай вдруг ощутил гордость за себя, глубокое спокойствие и уверенность, что судьба к нему благосклонна.

— Какие дома строите?

— Ну, знаете, в стиле модернизма. Пока спроектировал пару магазинов и небольшой деловой

центр.

Гай улыбнулся. Обычно он испытывал легкую досаду и желание закрыться, когда его расспрашивали о работе, но отчего-то сейчас был совсем не против.

— Женаты?

— Нет. То есть да, но мы расстались.

— О… Почему?

— Не сошлись характерами.

— И давно?

— Три года назад.

— А что не разведетесь?

Гай хмуро молчал.

— Она тоже в Техасе? — продолжал въедаться Бруно.

— Да.

— К ней едете?

— С ней я тоже намерен встретиться, чтобы обсудить развод.

Он стиснул зубы, тут же пожалев о сказанном.

Бруно осклабился.

— И что у вас там в Техасе за девицы?

— Хорошенькие. Некоторые.

— Но в большинстве ведь глупые, а?

— И такие встречаются. — Гай с улыбкой подумал, что Мириам, пожалуй, вполне соответствует

представлениям Бруно о техасских девицах.

— А ваша жена?

— Довольно симпатичная, — ответил Гай осторожно. — Рыжая. Склонна к полноте.

— А зовут?

— Мириам. Мириам Джойс.

— Хм. Умная или дура?

— Не интеллектуалка. Но я и не искал себе такую.

— И любили небось безумно?

Почему он это спросил? Неужели так заметно? Бруно смотрел цепко, не мигая, не упуская ни одной мелочи, — он будто перешагнул порог усталости, когда сон необходим, и у него открылось второе дыхание. Гай вдруг понял, что эти серые глаза так пристально следят за ним уже не первый час.

— С чего вы взяли?

— Вы хороший парень. Очень серьезный. И женщины даются вам нелегко, правда же?

— В каком смысле нелегко? — переспросил Гай сердито, хотя в душе был благодарен Бруно.

Попутчик искренне сказал ему то, что на самом деле о нем думал. Гай уже знал, что среди людей это большая редкость.

Меж тем ответа он не дождался. Бруно лишь

развел руками и вздохнул.

— Что значит «нелегко»? — повторил Гай.

— Ну, душа нараспашку, большие надежды. А они вас по зубам, да?

— Не совсем так.

Гай почувствовал укол жалости к себе и счел нужным встать, прихватив бокал. Но пройтись в купе было негде. К тому же вагон так трясло, что, даже стоя на месте, с трудом удавалось удерживать равновесие.

А Бруно продолжал смотреть на него, закинув ногу на ногу и подергивая старомодным ботинком. Он то и дело стряхивал сигарету, держа ее над тарелкой. Черно-розовый стейк медленно покрывался слоем пепла. Гай обратил внимание, что дружелюбия у Бруно поубавилось, как только он услышал про жену. Зато прибавилось любопытства.

— И что же, она начала изменять вам?

Проницательность Бруно действовала Гаю на нервы.

— Нет. Это все уже в прошлом.

— Но вы до сих пор состоите в браке? Ведь можно было успеть развестись?

Гаю внезапно стало стыдно.

— Раньше я не особо задумывался о разводе.

— А что теперь?

— Теперь она попросила. Думаю, ждет ребенка.

— О… Ну да, для развода самое время. То есть три года она спала со всеми подряд и наконец кого-то зааркани́ла?

Скорее всего, Бруно попал в точку. И зааркани́ла именно ребенком. Как он смог все это угадать? Наверняка просто распознал в Мириам черты другой женщины — той, кого лично знал и презирал.

Гай повернулся к окну, но не увидел в нем ничего, кроме собственного отражения. Удары сердца сотрясали его тело сильнее вагонной качки. Пожалуй, он так разволновался, потому что прежде еще никому не рассказывал так много о Мириам — даже Анне. Он только не объяснил Бруно того, что Мириам когда-то была другой — милой, верной, одинокой. Она всем сердцем стремилась к нему и к свободе от своей семьи. Завтра он ее встретит, сможет даже коснуться, лишь протянув руку… Впрочем, мысль о прикосновении к ее мягкому телу, некогда такому желанному, стала теперь невыносимой. Гай вдруг почувствовал себя очень несчастным.

— И что же у вас случилось? — мягко спросил голос Бруно за спиной. — Мне правда очень ин-

тересно. По-дружески. Сколько ей было, когда вы поженились?

— Восемнадцать.

— И она сразу наставила вам рога?

Гай рефлекторно повернулся, как будто пытаясь заслонить Мириам от нападок.

— Это, знаете ли, не единственное, что может разрушить отношения.

— Но именно это с вами и случилось?

Гай отвел взгляд, чувствуя злость пополам с удивлением.

— Да. — Короткое уродливое слово!

— Знаю я таких, рыжих южанок, — заметил Бруно, ковыряя кусок яблочного пирога.

Гая снова охватил острый и совершенно бессмысленный стыд. Бессмысленный, потому что ни один поступок, ни одно высказывание Мириам не смутило бы и не удивило Бруно. Он, похоже, вообще не умел испытывать удивление, только любопытство.

Бруно глядел в тарелку с видом напускного смирения. Глаза у него расширились и заблестели — насколько это было возможно, принимая во внимание полопавшиеся сосуды и темные круги.

— Законный брак, — проговорил он со вздо-

хом.

Эти слова эхом отозвались в ушах Гая. Они заключали в себе нечто величественное — величие таких изначальных понятий, как «святость», «любовь», «грех». В них был круглый терракотовый ротик Мириам, цедящий: «С чего это я должна перед тобой стелиться?» В них были глаза Анны, когда она сажала крокусы на лужайке и смотрела на него снизу вверх, откидывая волосы со лба. Была Мириам у высокого окна в чикагской квартире, она поднимала свое веснушчатое лицо-сердечко, чтобы взглянуть ему прямо в глаза — как всегда делала, намереваясь солгать. И был Стив с вытянутым лицом и наглой ухмылкой. На Гая нахлынули воспоминания, и ему захотелось вскинуть руки, чтобы отогнать их. Чикагская комната, где все произошло… Он помнил, как там пахло — духами Мириам и нагретой пылью с крашеных батарей. Он отдался воспоминаниям безучастно, впервые оставив попытки изгнать из них лицо Мириам, превратить его в розовую дымку. Что будет, если снова вспомнить, как все было? Придаст ли это ему сил или, напротив, сделает еще уязвимей?

— Я серьезно спрашиваю, что у вас случилось? — настаивал голос Бруно где-то вдалеке. —

Вам жалко рассказать? Мне правда интересно.

Стив случился. Гай поднял бокал. Он видел перед собой предвечерний час в обрамлении дверного проема, и картинка была черно-белой, как фотография. В тот день он обнаружил их в чикагской квартире. Тот день в его памяти имел свой собственный цвет и запах, он представлял собой чудовищное произведение искусства. День, навсегда застывший в истории. Или не застывший? Быть может, наоборот, этот день всегда и везде следует за Гаем? Вот же он, прямо сейчас перед глазами. И самое неприятное — Гай чувствовал желание выложить Бруно все, от начала до конца. Излить душу случайному попутчику, который выслушает, посочувствует и забудет. Эта идея сулила ему утешение. К тому же Бруно необычный попутчик. Он достаточно жесток и порочен, чтобы по достоинству оценить эту историю первой любви. Стив был лишь неожиданным ее окончанием, благодаря которому все предшествующие события стали логичными. Он даже не первый, с кем она изменила. Просто в тот вечер двадцатишестилетнее самолюбие Гая рассыпалось на осколки. Он тысячу раз прокручивал в сознании эту историю, классическую и драматичную из-за его глупости. Его глупость

лишь добавляла ей комизма.

— Я хотел от своей жены слишком многого, — проговорил Гай с напускным равнодушием, — безо всяких к этому оснований. А она, как выяснилось, любила быть в центре внимания. Наверное, кокетничать она будет всю жизнь вне зависимости от того, кто с ней рядом.

— Знаю-знаю, эти вечные старшеклассницы. — Бруно махнул рукой. — Не способны даже создать видимость, что принадлежат кому-то одному.

Гай посмотрел на него. Вообще-то, было время, когда Мириам принадлежала только ему. Рассказывать о ней Бруно сразу расхотелось, Гай даже устыдился того, что всерьез об этом думал. А Бруно уже принял равнодушный вид, развалился в кресле и лениво рисовал спичкой узоры в соусе на тарелке. В профиль его рот с опущенными уголками напоминал рот старика, он как бы говорил: мне совершенно неинтересно, я выше всей этой ерунды.

— Мужчин на таких женщин так и тянет, — пробормотал Бруно. — Как мух на помои.

2

Шок от слов Бруно заставил Гая отвлечься от воспоминаний.

— Сдается мне, вы и сами пострадали, — заметил он, хотя с трудом мог вообразить Бруно страдающим из-за женщины.

— О, я нет. Папаша мой крутил роман с такой девицей. Тоже рыжая была, Карлоттой звали. — В глазах Бруно вспыхнула ненависть. — Мило, не правда ли? Именно с мужчин вроде него они и кормятся.

Карлотта, значит. Теперь понятно, откуда у Бруно такое презрение к Мириам. Вот ключ ко всей его личности, корень его неприязни к отцу, причина его инфантильности.

— Существует два типа мужчин! — оглушительно провозгласил Бруно и умолк.

Гай случайно поймал взглядом свое отражение в узком зеркале на стене. Заметил, что глаза испуганные, рот сурово сжат. Усилием воли он приказал себе расслабиться. В спину упиралась клюшка для гольфа. Гай провел пальцами по ее гладко отполированной поверхности. Инкрусти-

рованное металлом темное дерево напомнило ему нактоуз[2] на яхте Анны.

— И всего один тип женщин! — продолжал Бруно. — Изменщицы. В лучшем случае она гулящая жена, в худшем — потаскуха! Выбирайте, что вам по душе!

— А как же ваша мать?

— А мать моя — женщина уникальная! Я таких больше не встречал. Ей столько пришлось вынести! Красавица, у нее много друзей среди мужчин, но она себе ничего такого не позволяет.

Воцарилось молчание.

Гай достал очередную сигарету, постучал ею по циферблату часов и обнаружил, что уже половина одиннадцатого. Пора бы уходить.

— И как вы свою жену поймали? — спросил Бруно, пристально глядя на него.

Гай не спеша затянулся.

— Сколько у нее было любовников?

— Немало. То есть пока я не знаю.

Гай едва убедил себя, что может спокойно признаться в этом, но как только слова слетели с языка, в груди возникла сосущая пустота, маленькая воронка — совсем крошечная, однако

---

[2] Примечания: 2

Нактоуз — ящик для судового компаса и навигационных инструментов.

более реальная, чем воспоминания, потому что он заявил о неверности жены вслух. Что это — гордость? Ненависть? Или просто злость на самого себя и свои бессмысленные страдания?.. Он решил сменить тему.

— Расскажите-ка лучше, что еще вы хотите сделать перед смертью.

— Перед смертью? Нет уж, я пока умирать не собираюсь. Я тут придумал сверхпрочные теннисные ракетки. Могу начать их производство в Чикаго или, например, в Нью-Йорке либо продать кому-нибудь свои идеи. А еще я мастер придумывать идеальные убийства.

Бруно снова посмотрел на него снизу вверх, пристально и как будто с вызовом.

— Надеюсь, то, что вы меня сюда пригласили, никак с этим не связано. — Гай сел в кресло.

— Господи боже мой! Слушайте, Гай, вы мне нравитесь! Ну честное слово!

Грустное лицо Бруно прямо-таки умоляло Гая немедленно заявить об ответной симпатии. Такой покинутый вид, такие несчастные глаза! Гай смутился и стал рассматривать свои руки.

— И что же, все ваши идеи так или иначе ведут к преступлениям?

— Конечно, нет! Просто есть вещи, которые мне

хочется когда-нибудь сделать. Например, дать кому-нибудь тысячу долларов. Нищему какому-нибудь. Как только у меня появятся собственные деньги, я первым делом так и поступлю. Но вы признайтесь, вам никогда не хотелось что-нибудь украсть или кого-то убить? Наверняка же хотелось! Это со всеми бывает. Вам не приходило в голову, что на войне кому-то нравится убивать людей?

— Нет.

Бруно помедлил.

— Ну конечно, никто не станет об этом трубить, все боятся! Но были же в вашей жизни люди, которых вам хотелось убрать с дороги?

— Нет, — отрезал Гай и вдруг вспомнил: Стив.

Когда-то он и правда задумывался об убийстве Стива.

— Конечно, были. — Бруно наклонил голову набок. — По глазам вижу. Почему вы не хотите это признать?

— Может, у меня и случались шальные мысли, но я никогда не планировал воплощать их в жизнь. Не такой я человек.

— А вот тут вы ошибаетесь! Любой человек способен на убийство. В этом деле имеют значение обстоятельства, а вовсе не склад характера. Если

человек загнан в угол, его может спровоцировать любая мелочь. Кого угодно. Даже вашу бабулю. Уж поверьте.

— Не согласен, — коротко ответил Гай.

— Ей-богу, я тысячу раз был на волоске от убийства папаши! Вот вам кого хотелось убить? Любовников вашей жены?

— Да, одного из них, — пробормотал Гай.

— И далеко вы зашли в этом желании?

— Никуда я не зашел, я просто об этом подумал.

Он вспомнил бессонные ночи, сотни бессонных ночей. Мысли, что не будет ему покоя, если он не отомстит. Могло ли тогда его что-то спровоцировать?

— Вы тогда были гораздо ближе к убийству, чем можете предположить, — негромко проговорил Бруно себе под нос.

Гай посмотрел на него в замешательстве. Бруно склонился над столом, опустив голову, и в этой позе напоминал кошмарного крупье.

— Вы читаете слишком много детективов, — заметил Гай, сам не понимая, почему сказал это.

— Я их люблю. Они подтверждают, что на убийство способен любой.

— А я не люблю их именно за это.

— Вы не правы! — воскликнул Бруно с возмущением. — А вы знаете, какой процент убийств попадает в газеты?

— Не знаю и знать не хочу.

— Одна двенадцатая часть. Одна двенадцатая! Представляете? А что же остальные одиннадцать? Это убийства обыкновенных людей обыкновенными людьми. Теми, кого полиция и не надеется поймать.

Он хотел долить еще виски, обнаружил, что бутылка пуста, и с трудом встал на ноги. Из кармана брюк он вынул золотой перочинный нож на тоненькой золотой цепочке и принялся вскрывать следующую бутылку. Гай залюбовался красивой вещицей и вдруг подумал, что вот этим перочинным ножичком Бруно может однажды кого-то убить. И наверняка останется безнаказанным — просто потому, что ему будет все равно, поймают его или нет.

Бруно меж тем откупорил виски и с широкой улыбкой повернулся к Гаю.

— А хотите со мной в Санта-Фе на пару дней? Развеетесь!

— Спасибо, я не могу.

— Насчет денег даже не волнуйтесь, я за все заплачу. — Он пролил виски на стол.

— Спасибо, — сдержанно ответил Гай.

Очевидно, Бруно судит о его достатке по одежде. В эту поездку Гай надел свои любимые брюки, серые фланелевые. Он собирался ходить в них в Меткалфе и, пожалуй, в Палм-Бич, если не будет слишком жарко. Он выпрямился и сунул руки в карманы, нащупав в правом дыру.

— Почему нет-то? — Бруно протягивал ему бокал. — Вы мне нравитесь.

— Чем же?

— Вы хороший парень. Порядочный. Я по жизни встречаю много людей, но таких, как вы, — редко. Я вами восхищаюсь!

Выпалив это, Бруно припал к виски.

— Вы мне тоже нравитесь.

— Так поехали! До маминого прибытия дня два-три, делать мне совершенно нечего. Можем повеселиться!

— Позовите кого-нибудь другого.

— Ну вы даете, Гай! По-вашему, я пристаю ко всем подряд, ища себе компанию? Вы мне просто понравились, вот я вас и приглашаю. Хоть на денечек. Рванем туда прямо из Меткалфа. Я даже не поеду в Эль-Пасо, хотя вообще собирался посмотреть Каньон.

— Спасибо, но меня ждет работа, как только я

закончу дела в Меткалфе.

— О… — На губах Бруно снова заиграла грустная, восхищенная улыбка. — Что-то строить будете?

— Да, загородный клуб. — Гай сам еще не привык к этой мысли, два месяца назад он и помыслить не мог, что ему доведется проектировать что-то подобное. — Новый клуб «Пальмира».

— Неужели?

Конечно, Бруно слыхал о клубе «Пальмира», самом большом в Палм-Бич. Знал он и о том, что владельцы собираются строить новый, а в старом даже лично бывал несколько раз.

— Так это вы его придумали? — Бруно смотрел на Гая почти с мальчишеским благоговением. — А можете нарисовать?

Гай набросал схему нового клуба на обороте его записной книжки и, вняв мольбам, оставил под рисунком автограф. Объяснил, как будет опускаться одна из стен, чтобы превратить весь нижний этаж в единую бальную залу с выходом на террасу, как слуховые окна обеспечат естественную вентиляцию, чтобы обойтись без кондиционеров… Он говорил, не повышая голоса, но чем больше рассказывал, тем сильнее становился его душевный подъем — даже слезы

на глазах выступили. Он сам удивлялся тому, что доверяет Бруно самое дорогое — как будто Бруно может в этом хоть что-то понять.

— Звучит потрясно, — заметил Бруно. — То есть именно вы решаете, как все будет выглядеть?

— Нет, решаю не я. Я придумываю, а потом стараюсь умаслить всех, от кого это зависит. — Гай вдруг расхохотался, запрокинув голову.

— Небось скоро станете знаменитым, а? Или вы уже знамениты?

Да, наверняка его фотография попадет в газеты, может, он даже мелькнет в теленовостях… Гай напомнил себе, что проект еще не принят, но он был уверен: примут. Не сомневался в этом и коллега Майерс, с которым они делили офис в Нью-Йорке, и Анна, и мистер Брилхарт. Настолько масштабной работы ему еще выполнять не доводилось.

— Ну, после этого проекта могу прославиться. Он из тех, что на слуху.

Бруно завел длинный рассказ о своей жизни в колледже, как он чуть не стал фотографом, если бы не помешал отец. Гай не слушал его. Рассеянно прихлебывая виски, он думал о будущих заказах, которые последуют за новой «Пальмирой». Возможно, его пригласят проектировать

деловой центр в Нью-Йорке. У Гая была на этот счет одна задумка, и ему не терпелось воплотить ее в жизнь. Гай Дэниэл Хэйнс. Это будет звучное имя. И его перестанет наконец глодать мысль, что Анна богаче его.

— Правда же, Гай? — спросил Бруно.

— Что?

Бруно втянул воздух.

— Я говорю, если жена подложит вам свинью с разводом, если начнет оспаривать его, когда вы будете в Палм-Бич, если с вами из-за этого не захотят связываться, — будет ли это достаточным мотивом для убийства?

— Убийства Мириам?

— Ну да.

— Нет, — отрезал Гай.

Но вопрос заставил его насторожиться. Мириам могла прознать о «Пальмире» от его матери и сделать какую-нибудь гадость — просто из мстительного удовольствия.

— А когда она изменяла, вам не хотелось ее убить?

— Нет. Может, сменим тему наконец?

На секунду Гай увидел перед собой обе половины своей жизни, брак и карьеру, и взглянул на них совсем иначе. Мозг отчаянно боролся, силясь

понять, отчего он оказался так глуп и беспомощен в одном и так талантлив в другом. Гай посмотрел на Бруно, который по-прежнему не сводил с него глаз, почувствовал, что сбит с толку, поставил бокал и отодвинул его от себя.

— Наверняка хотелось, — заявил Бруно с пьяной настойчивостью.

— Нет.

Чего Гаю сейчас действительно хотелось, так это выйти подышать, но поезд все мчал и мчал вперед, даже не думая останавливаться. А если Мириам и правда испортит ему реноме? Все-таки заказчики выбирают человека, который будет жить в Палм-Бич не один месяц и общаться с ними на равных. Им проще нанять кого-то другого. Бруно такие вещи чувствует. Гай утер ладонью взмокший лоб. Он поймет, что у Мириам на уме, только увидев ее с глазу на глаз. Он устал, а когда он в таком состоянии, Мириам способна без труда втоптать его в грязь. Это случалось так часто за те два года, что Гай выживал из себя любовь к ней… От общества Бруно его уже тошнило.

Бруно улыбался.

— У меня много идей, как пришить отца. Хотите послушать?

— Нет, — отрезал Гай и прикрыл ладонью свой

бокал, который Бруно собирался наполнить.

— Что вам больше нравится — испорченная розетка в ванной или угарный газ в гараже?

— Да убейте вы его и прекратите об этом болтать!

— И убью, можете не сомневаться! А знаете, что еще я когда-нибудь сделаю? Покончу с собой и обставлю все так, чтобы подозрение пало на моего врага.

Гай посмотрел на него с отвращением. Очертания Бруно постепенно делались нечеткими, он будто рассеивался в воздухе, превращался в бесплотный голос злого духа. Он объединял в себе все то, что Гай ненавидел и презирал.

— А хотите, я придумаю идеальное убийство вашей жены? Вдруг когда-нибудь соберетесь?

Гай встал.

— Я пойду.

Бруно всплеснул руками.

— Эй! Есть идея! Мы совершим убийства друг за друга! Я убью вашу жену, а вы — моего отца! Мы просто случайные попутчики, ни одна душа не знает, что мы знакомы! Безупречное алиби! Сечете?

Стена перед глазами ритмично пульсировала, готовая расступиться. Убийство. Это слово вы-

зывало дурноту, наводило ужас. Гаю хотелось убежать, вырваться из этого купе, но, как в кошмаре, ноги стали ватными. Он пытался стряхнуть наваждение, понять, что там несет Бруно — ведь должна быть в его речи какая-то логика…

Желтые от табака пальцы Бруно подрагивали на коленях.

— Железное алиби! — верещал он. — Лучшая идея в моей жизни! Улавливаете? Я обтяпаю свое дело, когда вас не будет в городе, а потом вы, когда не будет меня!

Гай улавливал. Никто никогда ничего не заподозрит.

— Я буду счастлив посодействовать вашей карьере и прервать карьеру Мириам. — Бруно захихикал. — Вы же не станете спорить, что эту женщину нужно остановить, пока она и другим жизнь не угробила. Да сядьте вы, Гай!

Гай хотел сказать, что не считает свою жизнь угробленной, но Бруно не дал ему и рта раскрыть.

— Давайте прикинем — ну, чисто теоретически. Вы ведь сможете? Расскажете мне, где она живет и бывает, я опишу наш дом, да так, что он вам будет как родной! Мы можем даже оставить повсюду свои отпечатки пальцев, чтобы легавых

позлить! Конечно, от одного убийства до другого должно пройти несколько месяцев, и нам с вами не следует общаться никоим образом. И дело в шляпе! — Он встал за бокалом, чуть не завалившись навзничь, наклонился к самому носу Гая и проговорил с удушающей уверенностью: — Вы ведь сможете. Все пройдет без сучка без задоринки, я об этом позабочусь.

Гай отпихнул его от себя, сильнее, чем рассчитывал. Бруно отлетел к дальнему сиденью и тут же вскочил как ни в чем не бывало. Гай остро нуждался в глотке свежего воздуха, но, сколько он ни крутил головой, повсюду видел сплошные стены. Купе превратилось в маленький ад. Что он тут делает? Как и когда он успел так напиться?

— Я в вас верю, — мрачно сообщил Бруно.

Гай хотел крикнуть ему: «Да заткнитесь вы со своими теориями!» — однако смог лишь прошептать:

— Мне все это отвратительно.

Узкое лицо Бруно странно исказилось. Сперва на нем возникла удивленная ухмылка, а затем всеведущая гримаса, жуткая и отталкивающая. Бруно пожал плечами и беззлобно сказал:

— Ну ладно. Все равно это отличная идея, и у нас с вами тут идеальный расклад. Идеей я еще

воспользуюсь. С кем-нибудь другим, разумеется. Куда это вы?

Гай наконец вспомнил, что в купе есть дверь. Он вышел вон, толкнул следующую дверь и вышел на площадку между вагонами. Холодный воздух хлестнул по лицу, гудок взревел с укоризной. Гай и сам ругал себя на чем свет стоит и очень надеялся, что его вывернет.

— Гай?

Обернувшись, он увидел, как Бруно ужом протискивается в тамбур, еле приоткрыв тяжелую дверь.

— Гай, простите меня.

— Ничего, — быстро ответил Гай, потому что лицо Бруно потрясло его.

В этот миг он и правда напоминал побитую собаку.

— Спасибо. — Бруно склонил голову.

Перестук колес начал замедляться, и Гай чуть не потерял равновесие. К величайшему его облегчению, поезд подошел к станции. Гай хлопнул Бруно по плечу.

— Давайте-ка погуляем и проветримся!

Они вышли из вагона в тишину и полную темноту.

— Что такое вообще?! — проорал Бруно. — Где

все фонари?!

Гай посмотрел на небо. Луны тоже не было. Ночная прохлада сковывала движения и бодрила. Где-то хлопнула дверь. В темноте вспыхнула искра и вскоре превратилась в фонарь в руках у мужчины, бегущего к хвосту состава, где квадратом света раскрылась дверь товарного вагона. Гай не спеша пошел в ту сторону, Бруно поплелся за ним.

Где-то далеко-далеко, на черной спине прерии, загудел локомотив, потом звук повторился еще дальше. Звук, знакомый с детства, — прекрасный, чистый и одинокий. Как будто дикая лошадь встряхнула белой гривой. В порыве приятельских чувств Гай взял Бруно под руку.

— Не хочу я гулять! — орал Бруно, вырываясь.

От свежего воздуха он задыхался, как рыба.

Поезд тронулся. Гай затолкал большое, рыхлое тело Бруно в вагон.

— На посошок? — предложил Бруно у своей двери, впрочем, без особого энтузиазма; он уже едва стоял на ногах.

— Спасибо, я не могу.

Зеленые занавески приглушали их шепот.

— Обязательно загляните ко мне утром. Я оставлю дверь открытой. Если не отвечу на стук,

просто входите, ладно?

Гай, шатаясь, побрел вдоль зеленых занавесок к своему месту.

Устраиваясь на ночь, он по привычке вспомнил о книге. Его Платон остался в купе у Бруно. Гаю неприятна была мысль, что книга пробудет там до утра и что Бруно может взять ее в руки и открыть.

3

В Меткалфе он немедленно позвонил Мириам. Она предложила встретиться возле школы.

И вот он стоял на краю асфальтированного игрового поля и ждал ее. Конечно же, Мириам опаздывала. Интересно, почему она назначила встречу именно у школы? Потому что это была ее территория? В дни, когда он любил ее, он часто ждал ее здесь.

Над головой простиралось ярко-голубое, безоблачное небо. Накаленное добела солнце изливало сверху расплавленные лучи. Из-за деревьев выглядывала верхушка изящного здания с красноватыми стенами; этого здания не было здесь два года назад, когда он приезжал в прошлый раз. Гай отвернулся. Ни души вокруг, как будто жара заставила людей побросать и школу, и дома. Гай смотрел на широкие серые ступени, ведущие к темной арке школьных дверей. Он помнил слабый запах чернил и старой бумаги, исходивший от потрепанных страниц учебника алгебры с именем «МИРИАМ», карандашом нацарапанным на боку. На форзаце была нарисована девушка с

локонами. Каждый раз, открывая учебник, чтобы решить задачки за Мириам, Гай видел эту картинку. И почему он был так уверен, что Мириам особенная?

Гай прошел через широкие ворота в проволочной ограде, снова посмотрел на Колледж-авеню — и наконец разглядел вдалеке Мириам. Она шла по тротуару под сенью желто-зеленой листвы — шагала своей обычной, ленивой походкой, никуда не торопясь. Светлые поля шляпки обрамляли ее голову, как нимб, пятна света и тени скользили по фигуре. Мириам непринужденно помахала ему. Гай вынул руку из кармана и помахал в ответ. Его, словно мальчишку, вдруг охватила неловкость. Она знала о проекте в Палм-Бич, эта незнакомая женщина под деревьями. Полчаса назад мать призналась, что упоминала об этом в телефонном разговоре с ней.

— Привет, Гай.

Мириам улыбнулась широким ртом и тут же сомкнула губы, накрашенные розовато-оранжевой помадой. Гай помнил, что она стесняется щели между передними зубами.

— Здравствуй, Мириам.

Он невольно окинул взглядом ее фигуру, полную, но без явных признаков беременности, и в

голове вспыхнуло подозрение: а не лжет ли она? На ней была яркая, цветастая юбка, белая блузка с коротким рукавом, а в руках она держала большую плетеную белую сумочку из лакированной кожи.

С чопорным видом Мириам уселась на каменную скамью в тени и начала задавать ничего не значащие вопросы о том, как он доехал. Гай заметил, что нижняя часть щек у нее еще больше располнела, и от этого подбородок казался острее, а под глазами появились мелкие морщинки. Было очевидно, что за свои двадцать два года она успела прожить бурную жизнь.

На вопрос Гая она ответила спокойным голосом:

— В январе. Ребенок родится в январе.

Значит, сейчас третий месяц…

— Полагаю, теперь ты хочешь замуж за его отца.

Она слегка отвернулась и опустила глаза. Солнечный луч выхватил самые большие веснушки на ее круглой щеке. Гай наизусть знал их узор, хотя и не вспоминал о нем с тех самых пор, как они с Мириам расстались. Надо же, а ведь когда-то он был уверен, что владеет ею безраздельно, что каждая ее мысль принадлежит ему одному!

Ему вдруг подумалось, что любовь — это всегда не более чем иллюзия, правдоподобная, но обманчивая, дразнящая, мучительная. Он не знает ни крупицы того, что происходит сейчас в голове у Мириам. А вдруг так однажды произойдет и с Анной?

— Ведь хочешь, Мириам? — спросил он настойчиво.

— С этим возникли некоторые сложности.

— И какие же?

— Ну, мы хотели бы пожениться в самом скором времени, но пока не можем.

— Вот оно как…

Мы. Гай догадывался, как выглядит ее избранник. Наверняка высокий брюнет с длинным лицом, вроде Стива. Мириам всегда на таких тянуло. Только от такого она согласилась бы родить. А ребенок этот для нее явно желанный. В ней что-то переменилось, и, скорее всего, эта перемена даже не была связана с мужчиной. Просто ей захотелось ребенка. Гай заметил это в осторожности, с какой она присаживалась на скамейку, в отрешенном выражении лица, которое он не раз видел или воображал у беременных женщин.

— С разводом тянуть ни к чему, — сказал Гай.

— Ну, я тоже так считала… до недавнего време-

ни. Я-то надеялась, что Оуэн уже в этом месяце будет свободен от обязательств.

— Ах, так он женат?

— Да, женат, — промолвила она с легким вздохом, почти с улыбкой.

Гай отвел глаза и сделал несколько шагов взад-вперед по асфальту. Все, как он и предполагал. Избранник Мириам не стал бы жениться на ней добровольно.

— И где он живет? Здесь?

— Он живет в Хьюстоне. Может, присядешь?

— Нет.

— Вечно ты мельтешишь туда-сюда.

Гай не ответил.

— Кольцо еще носишь?

— Да.

Мириам имела в виду перстень студенческого братства, который Гай привез из Чикаго. Ей очень нравилось свидетельство, что ее муж — человек с высшим образованием, и она нередко смотрела на перстень с самодовольной улыбкой. Гай спрятал руки в карманы.

— Неплохо бы разобраться с этим вопросом, пока я здесь.

— Я хочу уехать, Гай.

— Чтобы развестись?

Она неопределенно взмахнула куцепалыми руками, и Гай отчего-то подумал о коротких пальцах Бруно. Утром, сходя с поезда, он даже не вспомнил о своем попутчике. И о забытой книге.

— Мне здесь как-то поднадоело.

— Можем развестись в Далласе.

Видимо, ее друзья в Меткалфе знают о беременности, в этом все дело.

— Я бы хотела подождать с разводом. Совсем немножко. Ты не против?

— Мне казалось, скорейший развод в твоих интересах. Он вообще собирается на тебе жениться?

— Он сможет жениться на мне в сентябре. Тогда он будет свободен. Но…

— Что «но»?

Мириам по-детски облизнула верхнюю губу — и Гай сообразил, в какую западню она попала. Она так хотела этого ребенка, что готова была пожертвовать своей репутацией в Меткалфе и выйти за его отца на шестом месяце беременности. Гаю даже стало ее жалко. И тут она выпалила:

— Я хочу уехать отсюда. С тобой.

При этом она сделала такое искреннее лицо, что Гай чуть не забыл, чего на самом деле она от него просит.

— Что тебе надо, Мириам? Денег на путешествие?

Мечтательность в ее серо-зеленых глазах рассеялась, как туман.

— Твоя мать говорит, ты едешь в Палм-Бич.

— Возможно. По работе.

Гай с тоской подумал о «Пальмире». Она ускользала сквозь пальцы.

— Забери меня с собой. Больше я тебя ни о чем не попрошу. Если мы поживем там вместе до декабря, а потом разведемся…

— Вот оно что… — тихо промолвил Гай.

В груди запульсировала боль, как будто разрывалось сердце. Он вдруг почувствовал отвращение к Мириам и ко всем ее друзьям-подружкам, находившим ее привлекательной. Чужой ребенок. Она хочет, чтобы он увез ее с собой и был ее мужем до тех пор, пока она не родит чужого ребенка. И все это в Палм-Бич!

— Если не возьмешь меня с собой, я сама приеду.

— Мириам, я могу подать на развод прямо сейчас. Мне нет нужды дожидаться, пока ты родишь. Я имею на это право по закону. — Голос у Гая дрожал.

— Ты так со мной не поступишь, — возразила

Мириам с той смесью мольбы и угрозы, с помощью которой всегда им манипулировала, играя на его любви и нервах.

Он и теперь растерялся. Мириам не ошиблась, он с ней так не поступит. Не потому, что до сих пор ее любит, не потому, что она все еще его жена и он должен защищать ее, а потому, что ему ее жалко и он помнит, как любил ее когда-то. Теперь Гай понял, что жалел ее еще в Нью-Йорке, когда получал письма с просьбами о деньгах.

— Раз так, я просто не поеду в Палм-Бич, — произнес он с ледяным спокойствием. — Смысла нет, если ты собралась за мной увязаться.

Он решил для себя, что с проектом все равно можно распрощаться и торг уже ни к чему.

— Я не верю, что ты откажешься от такой работы, — с вызовом заявила Мириам.

Гай отвернулся, чтобы не видеть ее победную ухмылку, сделал пару шагов по асфальту и гордо поднял голову. Он велел себе не терять самообладания. Что толку от гнева? Мириам не выносила, когда он напускал на себя непрошибаемый вид, она предпочитала громкие сцены. Она и сейчас явно не прочь поскандалить. Его спокойствие бесило Мириам до тех пор, пока она не поняла, какой ценой оно ему дается. Гай знал, что играет

ей на руку, но все равно не мог иначе.

— Работу я еще даже не получил. Я просто сообщу телеграммой, что больше не заинтересован в участии.

Он снова обратил внимание на незнакомое красноватое здание за деревьями.

— И что потом?

— Много чего. И ты об этом не узнаешь.

— Сбежишь, значит? Самый подлый выход.

Гай продолжил мерить шагами асфальт. Все-таки у него есть Анна. Пока она рядом, он что угодно вынесет. И надо отметить, он воспринял потерю работы с неожиданным смирением. Не оттого ли, что перед ним сейчас Мириам, символ неудач его юности? Гай прикусил кончик языка. Предчувствие неудачи всегда таилось в душе, как неразличимый изъян в драгоценном камне, и Гай никак не мог его из себя изжить. Неудача даже влекла его — он не раз заваливал экзамены, которые вполне мог бы сдать, и женился на Мириам, хотя друзья и родители с обеих сторон были против. Разве он не понимал, что ничего хорошего из этого брака не выйдет? Теперь же он безропотно отказывается от самого большого проекта в своей жизни. Надо поехать в Мехико, провести несколько дней с Анной. Да, на это

уйдут все его деньги, ну и пусть. Он не сможет вернуться в Нью-Йорк и сесть за работу, не повидавшись сперва с Анной.

— Что-нибудь еще? — осведомился он.

— Я все сказала, — выпалила Мириам сквозь щербатые зубы.

4

Он медленно побрел к себе на Эмброуз-стрит. Прошел по тенистой и безлюдной Трэвис-стрит, мимо фруктовой лавки на углу Делэнси-стрит, устроенной хозяевами прямо на лужайке перед домом и оттого похожей на детский магазин. Из большого уродливого здания прачечной на западном конце Эмброуз-стрит высыпала стайка женщин и молоденьких девушек в белой форме; весело щебеча, они направлялись на обед. Хорошо, что навстречу не попался никто из знакомых. Гая охватили вялость, спокойствие и смирение, и в своем роде он был даже счастлив. Странно, насколько чужой и далекой стала Мириам за пять минут разговора, до чего несущественным стало все, что с ней связано. Теперь Гаю было стыдно за свои переживания в поезде.

— Все хорошо, — с улыбкой доложил он матери, войдя в дом.

Мать встретила его вопросительным движением бровей.

— Ну что ж, я рада.

Она села в кресло-качалку и приготовилась

слушать — маленькая женщина со светло-каштановыми волосами, точеным профилем и неуемной энергией, которая будто искрила в ее седине. Неизменная жизнерадостность была главным различием между ней и сыном и главной причиной, по которой он отдалился от нее после расставания с Мириам. Гаю нравилось лелеять свои страдания, любовно изучать их со всех сторон, мать же советовала ему плюнуть и скорее забыть.

— Как поговорили? Что-то ты быстро вернулся. Я думала, вы пойдете обедать.

— Нет, мама. — Гай вздохнул и опустился на диван. — Все в порядке, но от проекта в Палм-Бич, видимо, придется отказаться.

— О, Гай! Почему? Мириам… в самом деле беременна?

Новость о Палм-Бич ее немного расстроила, совсем чуть-чуть. Гай про себя порадовался, что мать не подозревает, как много значила для него эта работа.

— В самом деле.

Гай устроился на диване полулежа, опершись затылком на прохладное деревянное изголовье. Он думал о пропасти, разделяющей его собственную жизнь и жизнь матери. Он не посвящал ее

в подробности своих отношений с Мириам. В прошлом его матери было сытое и счастливое детство на Миссисипи, а в настоящем — большой дом и сад, за которыми она увлеченно ухаживала, и толпа друзей в городе, хороших и верных. Разве могла она понять злобную сущность Мириам? Или, например, почему он влачит в Нью-Йорке жалкое существование ради каких-то туманных рабочих перспектив?

— А при чем тут вообще Палм-Бич?

— Мириам хочет поехать туда со мной. Защитить свою репутацию. А я бы этого не вынес.

Гай сжал кулаки. Он вдруг представил Мириам в Палм-Бич, как она знакомится с Кларенсом Брилхартом, управляющим клубом «Пальмира». Однако укрепил его решимость даже не образ Брилхарта, скрывающего свой шок под покровом неизменной любезности, а собственное отвращение к Мириам. Он бы не потерпел эту женщину рядом с собой во время работы над таким проектом.

— Я бы просто не вынес, — повторил он.

Мать промолчала, лишь вздохнула с пониманием. Гай ждал, что она напомнит, как всегда была против их брака, но она воздержалась и кивнула.

— Да, ты прав. Это затянулось бы надолго.

Гай подскочил и взял в ладони ее мягкое лицо.

— Но мне наплевать, мама! — Он поцеловал ее в лоб. — Совершенно наплевать!

— Это я вижу. И почему?

Гай подошел к пианино.

— Потому что я собираюсь в Мехико к Анне.

— Да что ты говоришь! — Она заулыбалась, тут же забыв о тревогах и просто радуясь долгожданному обществу сына. — Ах ты гуляка!

— Хочешь составить мне компанию? — Гай начал играть сарабанду, которую выучил еще ребенком.

— В Мехико?! — переспросила мать с притворным ужасом. — Нет уж, благодарю покорно! Лучше привози ко мне Анну по пути назад.

— Может, и привезу.

Она подошла и несмело положила руки ему на плечи.

— Иногда мне кажется, что ты снова счастлив, Гай. Иногда, в самые неожиданные моменты.

5

«Как все прошло? Напиши мне скорее. А лучше позвони. Мы будем в „Ритце“ еще две недели. Мне тебя ужасно не хватает, как жаль, что мы не могли полететь сюда вместе. Но я все понимаю. Волнуюсь и думаю о тебе каждую минуту, любимый. Скоро все это останется позади. Что бы ни случилось, расскажи мне, и мы смело взглянем в лицо невзгодам. Ты ведь нередко избегаешь этого. Стараешься не смотреть правде в глаза.

Ты так близко, неужели не сможешь выбраться сюда хотя бы на денек? Надеюсь, у тебя найдется время и будет настроение. Я бы так тебе обрадовалась — и вся моя семья тоже, сам знаешь. Милый, мне очень понравился твой проект, я так горжусь тобой, что даже готова смириться с разлукой. Папа тоже в восторге. Мы все время о тебе говорим.

Люблю всем сердцем. Пусть у тебя все будет хорошо.

А.»

Гай отправил телеграмму Кларенсу Брилхарту, управляющему клубом «Пальмира»: «В связи с обстоятельствами не смогу взяться за работу. Очень сожалею и благодарю за вашу неизменную поддержку. Подробности письмом».

Он внезапно подумал о том, что именно будет взято на замену его проекту — бледное подобие работ Фрэнка Ллойда Райта[3] авторства некой компании «Уильям Харкнесс и партнеры». Хуже того, руководство наверняка попросит этого Харкнесса скопировать идеи Гая, и Харкнесс, конечно, не откажется.

Гай телеграфировал Анне, что прилетит в понедельник и останется на несколько дней. И оттого, что впереди его ждала встреча с Анной, ему сделалось все равно, через сколько месяцев или даже лет к нему в руки попадет такая грандиозная работа.

---

[3] Примечания: 3

Фрэнк Ллойд Райт — американский архитектор начала XX века, основоположник направления органической архитектуры, целью которого является гармония зданий с окружающей их средой.

6

В это время в Эль-Пасо Чарльз Энтони Бруно лежал на спине в гостиничной кровати и пытался удержать золотую ручку на своем тонком вздернутом носу. Спать ему не хотелось, а идти гулять по барам не было сил. Весь вечер он предавался размышлениям и пришел к выводу, что в Эль-Пасо ему не нравится. О Каньоне он также остался невысокого мнения. Его гораздо больше занимала идея, пришедшая в голову в поезде. Как жаль, что Гай не разбудил его с утра. Конечно, Гай не из тех, кто может стать надежным сообщником в убийстве, но Бруно он просто нравился. С такими людьми стоит водить дружбу. К тому же он забыл в купе книгу, и следовало ее вернуть.

Вентилятор над головой поскрипывал — у него не хватало одной лопасти. Будь четвертая лопасть на месте, может, было бы легче дышать. В ванной тек кран, ночник со сломанным креплением уныло повис на проводе, на дверце шкафа красовались отпечатки пальцев. А еще говорят — лучший отель в городе! И почему в гостиничных номерах всегда что-нибудь не в порядке? Бруно

решил, что, если ему когда-нибудь попадется идеальный номер, он купит эту гостиницу, будь она хоть в Южной Африке.

Он сел на кровати и потянулся за телефоном.

— Дайте межгород. — Он тупо глядел на пятно рыжей грязи, оставленное его ботинком на белом стеганом покрывале. — Грейт-Нек, сто шестьдесят шесть… Да, Грейт-Нек… Лонг-Айленд… Это Нью-Йорк, бестолочь, впервые слышишь?

Не прошло и минуты, как мать взяла трубку.

— Да, доехал. А ты когда, в воскресенье? Ты уж давай не позже… Да, прокатился по Каньону на муле. Он меня чуть не обгадил… Ну, посмотрел я на этот Каньон… Ничего так, хотя цвета какие-то банальные… Ладно, у тебя там как?

Он начал смеяться. Скинул ботинки и завалился с телефоном на кровать, хохоча. Мать рассказывала, как пришла домой, а там Капитан развлекает двух ее друзей, с которыми она познакомилась накануне. И эти друзья подумали, что Капитан ей отец, и вообще ухитрились сморозить не одну бестактность.

7

Приподнявшись на локте, Гай смотрел на адресованное ему письмо, надписанное карандашом.

— Когда теперь мне придется будить тебя… — вздохнула мать.

Гай отложил письмо и взял другое, отправленное из Палм-Бич.

— Может, и скоро, мама.

— Во сколько завтра самолет?

— В двадцать минут второго.

Она наклонилась и с ненужным старанием поправила у него в ногах сбившуюся простыню.

— У тебя ведь не найдется времени заглянуть там к Этель…

— Ну конечно, я к ней загляну!

Этель Питерсон, давняя подруга матери, когда-то учила Гая играть на пианино.

Письмо из Палм-Бич было от мистера Брилхарта. Руководство компании решило поручить работу Гаю. Мистер Брилхарт также убедил их в целесообразности слуховых окон.

— Я сварила отличный крепкий кофе. Хочешь позавтракать в постели?

Гай улыбнулся.

— Еще бы!

Он внимательно перечитал письмо мистера Брилхарта, вложил его обратно в конверт и медленно разорвал в клочки. Затем распечатал второе. Оно представляло собой одну страницу, исписанную карандашом. Гай снова улыбнулся, обнаружив внизу пышный росчерк: «Чарльз Э. Бруно».

«Дорогой Гай!

Пишет вам ваш случайный попутчик. Вы забыли у меня в купе книгу. Нашел ваш техасский адрес, полагаю, он еще верный. Книгу выслал почтой. Кстати, почитал немного. Кто бы мог подумать, что у Платона столько диалогов!

Было очень приятно с вами пообщаться. Надеюсь, что могу считать вас другом. Буду рад видеть вас в Санта-Фе, если соберетесь. Мой адрес: Нью-Мексико, Санта-Фе, отель „Ла Фонда“. Пробуду здесь еще по крайней мере две недели.

Все-таки не могу выкинуть из головы нашу идею двойного убийства. Это вполне осуществимо. Вы даже не пред-

ставляете, насколько я в этом уверен! Хотя знаю, вам неинтересно.

Кстати, а как все прошло с женой? Пожалуйста, напишите мне. У меня тут тишь и гладь, помимо утраты бумажника (сперли в баре из-под самого носа!), никаких происшествий. Не понравилось мне в Эль-Пасо, уж извините.

С нетерпением жду ответа,

Ваш друг,

Чарльз Э. Бруно

P. S. Простите, что проспал и не попрощался с вами».

Этому письму Гай в какой-то мере даже обрадовался. Приятно было думать, что на свете есть кто-то свободный.

— Яичница с овсянкой! — воскликнул он, когда вернулась мать. — На севере так нигде не готовят.

Он надел свой любимый старый халат, слишком жаркий для такой погоды, и устроился завтракать в постели, раскрыв свежий номер местной газеты и поставив тарелку на поднос с шаткими ножками. Потом принял душ, оделся,

будто планировал куда-то идти, хотя идти было некуда. К Картрайтам он заглянул вчера, Питер Риггс, друг детства, уехал работать в Новый Орлеан. Интересно, чем сейчас занимается Мириам? Наверное, красит ногти на веранде или играет в шашки с какой-нибудь соседской девчонкой, которая боготворит ее и стремится во всем ей подражать. Мириам никогда не унывала, если что-то складывалось не так.

Гай закурил.

С первого этажа то и дело доносилось негромкое позвякивание — мать или кухарка Урслин чистила столовое серебро, один за другим перекладывая в кучку чистые приборы.

И почему он не улетел в Мехико сегодня же? Как тоскливо будут тянуться следующие двадцать четыре часа! Наверняка опять зайдет дядя и какие-нибудь подруги матери. Все хотят его увидеть. Не так давно в местной газете вышла статья о нем и его работе, о грантах на учебу, о присужденной ему Римской премии,[4] которой он не смог воспользоваться из-за войны, о спроектированном им универмаге в Питтсбурге и

[4] Примечания: 4

Римская премия — французская награда в области искусства. Лауреаты получали возможность проживания и художественного совершенствования в Риме в течение нескольких лет.

небольшой пристройке к чикагскому госпиталю. В газете все это выглядело впечатляюще. Он даже ощутил прилив гордости за самого себя в тот одинокий день в Нью-Йорке, когда получил от матери письмо с вложенной вырезкой.

Повинуясь внезапному желанию написать Бруно, Гай сел за стол, взял ручку и понял, что писать ему нечего. Он представил, как Бруно в ржаво-коричневом костюме и с ремнем фотоаппарата через плечо карабкается по выжженному солнцем холму в Санта-Фе, чему-то улыбается, демонстрируя гнилые зубы, нетвердой рукой поднимает фотоаппарат и щелкает затвором. Как Бруно сидит в баре с тысячей не заработанных им долларов в кармане и дожидается свою мать. Что Гай мог сказать этому человеку? Он закрыл ручку колпачком и бросил на стол.

— Мама! — позвал он и сбежал вниз по лестнице. — Не хочешь сегодня вечером в кино?

Мать ответила, что на этой неделе ходила в кино уже дважды.

— Ты же никогда этого не любил, — проворчала она.

— А сегодня схожу с удовольствием!

8

Около одиннадцати вечера зазвонил телефон. Трубку взяла мать и сразу вернулась в гостиную, где Гай сидел в компании дяди, его жены и двух двоюродных братьев, Ричи и Тая.

— Междугородний, — сообщила она.

Гай подумал, что это мистер Брилхарт решил потребовать объяснений. Но из трубки прозвучал другой голос.

— Привет, Гай. Это Чарли.

— Какой Чарли?

— Чарли Бруно.

— О… Добрый вечер. Спасибо, что выслали мне книгу.

— Еще не выслал, но собираюсь. — Как и тогда в поезде, Бруно был весел и пьян. — Ну что, приедете в Санта-Фе?

— К сожалению, не могу.

— А как насчет Палм-Бич? Может, я загляну к вам туда на пару недель? Я бы посмотрел на вашу работу.

— Увы, работа отменилась.

— В самом деле? Почему?

— Возникли некоторые сложности. Я передумал.

— Сложности с женой?

— Н-нет. — Гай почувствовал укол раздражения.

— Она хочет, чтобы вы остались?

— Ну, вроде того…

— Мириам решила поехать с вами в Палм-Бич? — Удивительно, как он запомнил имя. — Значит, вы не развелись?

— Скоро разведусь, — отрезал Гай.

— Да заплачу я за этот звонок! — рявкнул Бруно кому-то и протянул с омерзением: — Ну люди… Послушайте, Гай, так вы отказались от работы из-за нее?

— Не совсем. Неважно, вопрос уже решен.

— Чтобы получить развод, вам придется ждать, пока она родит?

Гай не ответил.

— Ах, значит, этот тип не хочет на ней жениться?

— Ну… да, он…

— То есть да? — цинично бросил Бруно, не дав ему закончить.

— Я не могу сейчас говорить, у меня гости. Желаю вам приятной поездки, Чарли.

— А когда сможете? Завтра?

— Завтра меня здесь не будет.

— А… — растерянно выдохнул Бруно.

Гай хотел бы думать, что он и правда растерялся. Но Бруно тут же продолжил вкрадчивым тоном:

— Если хотите, чтобы я что-нибудь сделал, просто дайте знак.

Гай нахмурился. Он не забыл идеи Бруно о двойном убийстве.

— Ну так что, Гай?

— Ничего. Мне ничего не нужно. Вы поняли?

Он уверил себя, что Бруно пьян и только впустую хорохорится, так что не стоит принимать его слова за чистую монету.

— Гай, я серьезно. — Бруно с трудом ворочал языком.

— Всего хорошего, Чарли. — Гай ждал, когда Бруно повесит трубку.

— Непохоже, что все хорошо.

— Вас это никак не касается.

— Га-ай! — слезно взмолился Бруно.

Гай открыл рот, но тут в трубке что-то щелкнуло, и связь прервалась. Гай чуть не попросил телефонистку перезвонить, однако остановился. Пьяная удаль, подумал он. И скука. Ему было

неприятно, что Бруно узнал его адрес. Пригладив волосы, он вернулся в гостиную.

9

Все, что Гай рассказал сейчас о Мириам, не имело никакого значения по сравнению с тем, что он идет рядом с Анной, держит ее за руку и шуршит гравием под ногами. Вокруг все было чужим и незнакомым — широкий ровный проспект Пасео-де-ла-Реформа с огромными деревьями, как на Елисейских Полях, статуи генералов на постаментах, незнакомые здания вдалеке. Анна шла рядом, опустив голову, почти в ногу с его медленными шагами. Они соприкоснулись плечами, и Гай повернул голову в надежде, что сейчас Анна заговорит, одобрит его решение, но она все молчала, сжав губы. Ее белокурые волосы, подхваченные серебряной заколкой, лениво колыхались на ветру.

Вот уже второе лето Гаю удавалось полюбоваться на нее тогда, когда солнце лишь начинало золотить ее лицо и цвет ее кожи почти совпадал с цветом волос. Скоро ее волосы станут светлее лица, но пока она была словно отлита из белого золота.

Поймав его взгляд, она улыбнулась с едва раз-

личимой тенью самодовольства.

— И ты уверен, что не смог бы ее там потерпеть?

— Уверен. Не спрашивай почему. Не смог бы, и все.

Анна продолжала улыбаться, хотя в глазах у нее отразилось легкое замешательство — пожалуй, даже раздражение.

— Жаль отказываться от такого проекта.

Гай в душе уже распрощался с «Пальмирой», и теперь ему было досадно лишний раз обсуждать свое решение.

— Я ее просто ненавижу, — тихо проговорил он.

— Ненависть — очень дурное чувство.

Гай отмахнулся.

— Я ненавижу ее уже за то, что мы сейчас здесь говорим о ней!

— Прекрати!

— Она собрала в себе все, что достойно ненависти, — продолжал Гай, глядя прямо перед собой. — Иногда мне кажется, что я ненавижу весь мир. Непорядочность, бессовестность… Именно таких, как она, люди имеют в виду, утверждая, что Америка никогда не повзрослеет, что в Америке процветает порок. Она из тех, кто

смотрит пошлые фильмы, играет в них, читает журналы про любовь, живет в одноэтажном домишке и заставляет мужа работать на износ, чтобы покупать и покупать в рассрочку, разбивает семью соседей…

— Хватит! — воскликнула Анна, отшатнувшись. — Ну что ты как маленький!

— И мне противно вспоминать, что я когда-то любил ее, — закончил Гай.

Они с Анной остановились, глядя друг на друга. Он должен был признаться в этом здесь и сейчас. Он хотел добавить ее неодобрение к своим несчастьям, возможно, даже хотел, чтобы она развернулась и ушла. Такое уже случалось, когда он вел себя глупо.

Анна ответила тоном, который всегда пугал его, — холодным и отстраненным, словно была готова покинуть его навсегда.

— Порой мне кажется, что ты ее до сих пор любишь.

— Прости меня, — проговорил Гай с улыбкой, и Анна смягчилась.

— Ах, Гай… — Она снова протянула ему руку. — Когда же ты повзрослеешь?

— Я где-то читал, что с эмоциональной точки зрения человек никогда не взрослеет.

— Мне все равно, что за ерунду ты читал. Люди взрослеют. И я костьми лягу, но тебе это докажу.

Гаю вдруг стало хорошо и спокойно.

— А о чем еще мне теперь думать? — спросил он, понизив голос.

— О том, что совсем скоро ты будешь от нее свободен, вот о чем!

Наверху одного из зданий виднелся большой розовый знак, Гаю вдруг захотелось спросить у Анны, для чего он там. Ему захотелось спросить, почему рядом с ней все становится простым и понятным, но гордость не позволила ему задать этот вопрос. К тому же вопрос все равно был риторический, ответ на него Анна не смогла бы облечь в слова, потому что сама была на него ответом. Так сложилось с их первой встречи, когда Гай увидел ее в тусклом освещении подвального этажа Нью-Йоркского института изящных искусств. Дождливым днем он притащился туда и не нашел ни одной живой души, кроме фигуры в красной китайской накидке с капюшоном. У нее он и спросил дорогу. Накидка повернулась и сообщила: «В аудиторию 9а можно попасть с первого этажа. Так что зря вы сюда залезли». И рассмеялась так весело, что он почему-то вспыхнул от злости. Потом он понемногу научился улыбаться

ей, преодолевая робость, и презрительно поглядывал на ее новенький зеленый автомобиль с откидным верхом. «Живя на Лонг-Айленде, начинаешь понимать необходимость автомобиля», — отвечала на это Анна. Впрочем, в те дни Гай на все смотрел презрительно. На те или иные курсы он записывался с одной целью: убедиться, что знает больше преподавателя, а если нет, то стремился как можно скорее заполнить пробел в знаниях и уйти. «Ты думаешь, кто-то поступает сам, без связей? Не волнуйся, если окажешься бездарем, тебя выкинут в первый же семестр!» Наконец она его убедила, и Гай на год пошел учиться в престижную архитектурную академию в Бруклине. Отец Анны знал кого-то в тамошнем руководстве.

— Я знаю, что ты способен, — произнесла вдруг Анна, нарушив молчание, — способен быть просто ужасно счастливым.

Гай кивнул, хотя Анна на него не смотрела. Ему стало стыдно. Анна умела быть счастливой. Она была счастлива теперь, была счастлива до встречи с ним, и лишь он и его проблемы могли хоть на мгновение омрачить ее счастье. Он знал, что тоже будет счастлив рядом с ней, и уже говорил ей об этом, но повторить сейчас не мог.

— Что это? — спросил он, глядя на большое круглое здание из стекла под деревьями парка Чапультепек.

— Ботанический сад.

Внутри не было никого, даже смотрителя. В воздухе пахло теплой сырой землей. Они с Анной обошли сад, читая таблички с непроизносимыми названиями растений, будто появившихся с другой планеты. Анна показала ему свое любимое — она наблюдала за его ростом три года подряд, каждое лето приезжая сюда с отцом.

— Не могу запомнить ни одного названия, — пожаловалась она.

— А к чему их запоминать?

Обедали в «Санборнс» с матерью Анны, а после прошлись по универмагу, пока миссис Фолкнер не захотела прилечь. Она была худая, нервная, энергичная женщина, такая же высокая, как Анна, и столь же привлекательная для своего возраста. Гай успел привязаться к ней, потому что она привязалась к нему. Поначалу он воображал себе, что богатые родители станут непреодолимым препятствием на пути к счастью с Анной, но опасения ничуть не оправдались и перестали занимать его мысли. Они вчетвером пошли на концерт во Дворец изящных искусств, а затем

устроили поздний ужин в ресторане «Леди Балтимор» через дорогу от отеля «Ритц».

Фолкнеры выразили сожаление, что Гай не сможет провести лето с ними в Акапулько. Отец Анны, занимавшийся международной торговлей, хотел построить склад в тамошних доках.

— Разве заинтересуешь его каким-то складом, если он будет строить целый загородный клуб, — заметила миссис Фолкнер.

Гай не ответил. Он не мог встретиться взглядом с Анной. Они решили пока не сообщать родителям о его отказе от проекта, хотя бы до отъезда. Только куда ему теперь ехать? Может, в Чикаго, поучиться там месяц-другой? Квартиру в Нью-Йорке он освободил, пожитки свои сдал на хранение, и хозяйка готова пустить следующего жильца. Если он отправится в Чикаго, то увидит великого Сааринена в Эванстоне и молодого Тима О'Флаэрти, архитектора еще малоизвестного, но, по мнению Гая, подающего большие надежды. Может, в Чикаго и работа найдется. Мысль о Нью-Йорке без Анны приводила Гая в уныние.

Миссис Фолкнер положила руку ему на локоть и засмеялась.

— А еще он не улыбнется, даже если ему поручат перестроить весь Нью-Йорк. Правда, Гай?

Гай не вникал в беседу. Он думал после ужина погулять с Анной, но она очень хотела похвастаться шелковым халатом, который выбрала для кузена Тедди и намеревалась завтра же отправить почтой. Пришлось идти к Фолкнерам в номер, а потом для прогулок было уже слишком поздно.

Гай остановился кварталах в десяти от «Ритца», в отеле «Монтекарло» — большом, видавшем виды здании, напоминающем резиденцию отставного генерала. К входу вела широкая подъездная дорога, выложенная черно-белой плиткой, как в ванной комнате. Плитка лежала и на полу большого полутемного фойе. Там был также бар, похожий на пещеру, и вечно пустой ресторан. Внутренний дворик обрамляла потемневшая от времени мраморная лестница, и когда накануне Гай поднимался по ней за носильщиком, разглядел многих постояльцев через открытые окна и двери — играла в карты японская пара, женщина молилась на коленях, кто-то писал письмо, а кто-то просто застыл, как пленник в камере. Над этим местом нависала мрачная суровость и неосязаемое присутствие чего-то сверхъестественного. Гаю здесь сразу понравилось, хотя Фолкнеры, включая Анну, над ним из-за этого

подшучивали.

Мебель в его дешевом маленьком номере была выкрашена в розовый и коричневый, кровать напоминала осевший пирог, а туалет располагался в коридоре. Где-то в глубине патио непрерывно журчала вода, и время от времени доносился шум сливного бачка.

Придя сюда от Фолкнеров, Гай положил наручные часы, подарок Анны, на розовую тумбочку, ключи и бумажник — на поцарапанный комод, как сделал бы дома. Он с удовольствием забрался в постель, прихватив мексиканские газеты и книгу по английской архитектуре, обнаруженную в книжном магазине «Аламеда». После недолгой борьбы с испанским он откинулся на подушку и обвел взглядом негостеприимную комнату, слушая крысиную возню многочисленных соседей, доносящуюся со всех концов здания. Почему ему здесь так хорошо? Возможно, он нарочно хотел погрузиться в такие скверные, неуютные, унизительные условия, чтобы мобилизовать в себе новые силы? А может, он просто чувствовал, что надежно скрыт здесь от Мириам? Ведь разыскать его в таком месте куда сложнее, чем в отеле «Ритц».

На следующее утро позвонила Анна и сообщи-

ла, что на его имя пришла телеграмма.

— Я случайно услышала, как тебя пытаются найти в списке постояльцев. Они уже думали оставить эту затею.

— Ты не могла бы прочесть? — попросил Гай.

Анна прочла:

— «У Мириам случился выкидыш. Расстроена и хочет тебя видеть. Ты можешь приехать? Мама». О, Гай…

Гаю стало от всего этого тошно.

— Она нарочно вытравила ребенка.

— Откуда тебе знать? — возразила Анна.

— Я знаю.

— Может, ты все-таки туда съездишь?

Гай стиснул телефонную трубку.

— Я намерен вернуть себе «Пальмиру». Когда отправлена телеграмма?

— Девятого числа. Во вторник, в четыре часа пополудни.

Гай немедленно послал телеграмму мистеру Брилхарту с просьбой снова рассмотреть свою кандидатуру. Он не сомневался, что проект ему дадут, но каким же он себя выставил ослом! И все из-за Мириам. Ей же он написал:

«Это меняет планы для нас обоих. Не

знаю, как поступишь ты, но я собираюсь немедленно подать на развод. Приеду в Техас через несколько дней. Надеюсь, к этому времени ты будешь хорошо себя чувствовать. Если нет, я разберусь со всеми формальностями без твоего присутствия.

Желаю скорейшего выздоровления.

Гай

P. S. Можешь писать по этому адресу до воскресенья».

Письмо он отправил срочной авиапочтой и сразу же позвонил Анне. Он хотел поужинать с ней в самом лучшем ресторане города, но прежде перепробовать все самые экзотические коктейли в баре отеля «Ритц».

— Ты правда счастлив? — спросила Анна, смеясь, как будто не могла поверить ему.

— Да, я счастлив. Все это так… странно.

— Почему?

— Потому что не ожидал. Не думал, что это моя судьба. Я про «Пальмиру».

— А я думала.

— Да что ты!

— Конечно! Почему же еще я вчера так на тебя разозлилась?

Он не ожидал ответа от Мириам, но в пятницу утром, когда они с Анной поехали в Сочимилько, что-то дернуло его позвонить в отель и узнать, нет ли сообщений. Действительно, телеграмма. Гай сказал, что скоро приедет забрать ее, повесил трубку, однако не утерпел — едва вернувшись в центр Мехико, снова позвонил в отель из аптеки на площади Сокало. Клерк прочел ему телеграмму: «Надо поговорить. Приезжай быстрее. С любовью, Мириам».

— Теперь начнет суетиться, — пояснил Гай Анне. — Непохоже, что любовник жаждет вступать с ней в брак. Он уже женат.

— О…

Гай посмотрел на Анну, хотел поблагодарить ее за терпение к нему, к Мириам, ко всей неприятной истории, но лишь улыбнулся.

— Давай забудем об этом, — попросил он и ускорил шаг.

— Ты сегодня едешь?

— Нет, конечно! Может, в понедельник или во вторник. Я хочу побыть с тобой. Во Флориде меня ждут только через неделю — если, конечно, не изменили планов.

— А Мириам?

— Через неделю у Мириам на меня не останется никаких прав.

10

В номере отеля «Ла Фонда» в Санта-Фе Элси Бруно сидела перед трюмо и салфеткой снимала с лица остатки ночного крема для сухой кожи. Иногда она чуть наклонялась вперед, с отсутствующим видом изучая «гусиные лапки» вокруг больших голубых глаз и мимические морщинки, расходящиеся от крыльев носа. Хотя подбородок у нее был довольно скошенный, нижняя часть лица с полными губами выдавалась вперед, совсем не так, как у сына. Элси думала, что только в Санта-Фе можно заметить свои мимические морщинки издалека, не приближаясь носом к самому зеркалу.

— Ну тут и освещение, — пожаловалась она сыну. — Прямо рентген.

Бруно, еще в пижаме и с опухшими глазами, развалился в кожаном кресле. Он посмотрел в сторону окна, но сил, чтобы встать и опустить шторы, у него не было.

— Ты хорошо выглядишь, — проскрипел он, отхлебнул воды из стакана, стоящего на безволосой груди, и глубокомысленно сдвинул брови.

Вот уже несколько дней в мозгах у него прокручивалась одна идея — самая грандиозная и притягательная из всех, когда-либо приходивших ему в голову. Она была как громадный орех в трясущихся лапках белки. Как только мать уедет, он расколет этот орех и возьмется за дело со всей серьезностью. Он доберется до Мириам. Время пришло, час пробил. Гаю это нужно именно сейчас. Всего несколько дней, может, неделя — и «Палм-Бич» будет потерян для него навсегда. Бруно такого не допустит.

Элси думала о том, что в Санта-Фе у нее пополнели щеки. Это особенно бросалось в глаза в сравнении с маленьким, аккуратным носом. Элси улыбнулась своему отражению, скрыв мимические морщинки, тряхнула светлыми кудрями и взмахнула ресницами.

— Чарли, а не купить ли мне сегодня тот серебряный пояс? — спросила она между прочим, будто говоря сама с собой.

Пояс стоил двести пятьдесят с лишним, но Сэм ведь пришлет еще тысячу в Калифорнию. А пояс очень красивый, в Нью-Йорке такого не найдешь. В Санта-Фе можно купить хорошее серебро, больше это место ни на что не годится.

— Больше этот человек ни на что не годится, —

пробормотал Бруно.

Элси взяла шапочку для душа и обернулась к сыну со своей обычной, широкой улыбкой, лишенной полутонов.

— Милый?

— М-м?

— Ты ведь тут без меня не наделаешь глупостей?

— Нет, мам.

Нацепив шапочку на макушку, она посмотрела на свои длинные алые ногти и потянулась за пилочкой. Конечно, Фред Уайли вприпрыжку поскакал бы покупать для нее этот пояс, он наверняка явится на вокзал с чем-нибудь чудовищным и вдвое более дорогим. Но ни к чему давать ему повод тащиться за ней в Калифорнию, а он ведь так и сделает, если почувствует хотя бы тень намека. Нет уж, пусть лучше поклянется в вечной любви на вокзале, смахнет слезу и поедет к женушке домой.

— Хотя вчера с ним было даже весело. — Элси продолжала озвучивать поток своих мыслей. — Фред первым заметил быка.

Она расхохоталась. Пилочка так и летала туда-сюда в ее пальцах.

— Я к этому не имею никакого отношения, —

спокойно отметил Бруно.

— Ну конечно, милый! Конечно, не имеешь!

Бруно скривил рот. Мать разбудила его в четыре утра, чтобы, заливаясь истерическим смехом, рассказать о дохлом быке на площади Плаза. Бык в шляпе и пальто восседал на скамейке, глядя в газету. Шуточка вполне в духе Уилсона. Бруно подумал, что Уилсон весь день только об этом и будет говорить, пока ему не придет в голову занятие еще глупее. Накануне в отельном баре «Ла Пласита» Бруно продумывал убийство — а Уилсон в это время наряжал дохлого быка. Уилсону, даже когда он распинался о своих военных похождениях, не хватало духу соврать, что он убил кого-нибудь, хотя бы япошку. Бруно прикрыл глаза, удовлетворенно вспоминая прошлый вечер. Около десяти Фред Уайли с толпой поддатых лысых приятелей ввалился в «Ла Пласита», прямо как герой мюзикла со товарищи, и увел мать на какую-то вечеринку. Бруно тоже звали, но он сослался на встречу с Уилсоном, ему хотелось спокойно пораскинуть мозгами. Вчера он твердо решил: да, он это сделает. Он всерьез размышлял об этом с прошлой субботы, с того самого разговора с Гаем, и вот прошла ровно неделя, завтра мать уезжает в Калифорнию, так что завтра или

никогда. Ему надоело мучиться сомнениями — сможет он или нет. Сколько уже он задается этим вопросом? Дольше, чем себя помнит! Сейчас Бруно был уверен в своих силах. Внутренний голос подсказывал ему, что обстоятельства сложились идеально, другого такого шанса не будет. Чистое убийство, лишенное каких бы то ни было личных мотивов! Бруно не считал за мотив возможность того, что Гай в благодарность убьет его отца, — он просто в нее не особо верил. Может, Гая удастся заставить, может, нет. Главное, настало время действовать. Вчера он позвонил Гаю на всякий случай — убедиться, что тот еще в Мехико. Трубку взяла его мать, она подтвердила, что Гай в отъезде с воскресенья.

Бруно было тяжело дышать, словно кто-то давил ему пальцем на основание горла. Он машинально потянулся ослабить ворот, но вспомнил, что на нем распахнутая пижама, и принялся рассеянно застегивать пуговицы.

— Может, все-таки составишь мне компанию? — спросила мать, вставая. — Я бы тогда доехала до Рино. Там сейчас Хелен. И Джордж Кеннеди.

— Ты же знаешь, есть лишь одна причина, по

которой я хотел бы увидеть тебя в Рино.[5]

— Чарли… — Она чуть склонила голову набок. — Ну потерпи. Мы же здесь только из-за Сэма.

— Нет, не только.

Мать вздохнула.

— Значит, не поедешь?

— Мне здесь нравится! — со стоном выпалил Бруно.

— Нравится? — Мать изучала свои ногти. — Я только и слышу, как тебе тут скучно.

— Мне наскучил Уилсон. Больше я с ним встречаться не стану.

— Ты, случаем, не намерен сбежать обратно в Нью-Йорк?

— Да что я буду делать в Нью-Йорке?

— Бабушка очень расстроится, если ты в этом году опять набедокуришь.

— Когда это я бедокурил?! — спаясничал Бруно слабым голосом.

---

[5] Примечания: 5

Рино — город в штате Невада, в 30–50-х годах XX века известный как «столица разводов». В 1931 году в штате были законом установлены самые либеральные в стране условия для оформления развода. Чтобы развестись по этим правилам, жителям других штатов достаточно было прожить в Неваде шесть недель. В Рино оформление разводов превратилось в бизнес, предприимчивые жители устраивали специальные «ранчо для разводов», где постояльцы могли выждать необходимый срок.

На него вдруг накатила такая дурнота, что умереть впору. Это ощущение было ему не в новинку, и продолжалось оно всего минуту, но Бруно взмолился про себя: «Только бы она не предложила позавтракать до отъезда, только бы не произнесла само слово „завтрак“». Он напряженно застыл, боясь пошевелить хоть мускулом, и едва дышал приоткрытым ртом. Зажмурив один глаз, он следил, как мать приближается к нему в голубом шелковом халате, подперев рукой один бок, и смотрит на него так, будто видит насквозь… Впрочем, нет, ничего она не видит — она даже ни капельки не сощурилась и вообще улыбается.

— Ну? Что вы с Уилсоном замышляете?

— С этим придурком?

Мать села на подлокотник его кресла.

— Парень умеет перетянуть все внимание на себя. — Она потрепала сына по плечу. — Пожалуйста, не делай совсем уж больших глупостей, милый. Я стеснена в средствах и не смогу за тобой подчистить, если что-нибудь натворишь.

— А ты заставь его еще раскошелиться. Пусть и мне тысячу отстегнет.

— Милый… — Она положила ему на лоб прохладные пальцы. — Мне будет тебя не хватать.

— Я наверняка приеду туда послезавтра.

— Давай повеселимся в Калифорнии!

— Ладно, ладно.

— Ну почему ты с утра такой бука?

— Я не бука, мам.

Она убрала с его лба свисающую прядь волос и удалилась в ванную.

Бруно подскочил и крикнул, стараясь перекрыть шум воды:

— Мам, я тут сам заплачу по счету, деньги у меня есть!

— Что, мой ангел?

Пришлось подойти к двери и крикнуть еще раз. Потратив на это все силы, Бруно снова рухнул в кресло. Он не хотел, чтобы мать узнала о его звонках в Меткалф. Если не узнает — никаких проблем. Она не особенно-то расстроилась, узнав, что он решил тут задержаться. То есть могла бы расстроиться и посильнее. Может, все-таки решила поехать с этим болваном Фредом? Бруно с трудом заставил себя встать, чувствуя нарастающую неприязнь к Фреду Уайли. Хотел бы он объяснить матери, что остается в Санта-Фе для величайшего в своей жизни дела. Знай она хоть малейшую долю его намерений, она бы не наливала сейчас ванну, не обращая на него никакого внимания. Хотел бы он сообщить ей, что очень

скоро их жизнь изменится к лучшему, потому что он готов сделать первый шаг к избавлению от Капитана. Даже если Гай откажется выполнить свою часть уговора — неважно. Главное, что, убив Мириам, он подтвердит свою правоту. Идеальное убийство возможно. И однажды ему подвернется кто-то, кто согласится пойти на такую сделку. Бруно опустил голову. Разве можно поделиться этим с матерью? Она и слушать не захочет об убийствах. Она воскликнет: «Какой ужас!» С тоской и болью он смотрел на дверь ванной. До него дошло, что он никогда никому не сможет об этом рассказать. Никому, кроме Гая. Бруно сел.

— Ну ты и соня!

Мать хлопнула в ладоши у него перед носом. Бруно заморгал и улыбнулся. Мать поправляла чулки, и он с грустью подумал: как много всего произойдет, прежде чем он снова увидит ее ножки. У нее были такие стройные ножки, Бруно всегда ими гордился. Самые красивые на свете, несмотря на возраст. Не зря ее выбрал сам Зигфелд,[6] уж он знал толк в женских ногах. А потом она вышла замуж и вернулась к той самой

[6] Примечания: 6

Флоренз Зигфелд — американский импресарио начала XX века, знаменитый серией шоу-варьете «Безумства Зигфелда» на нью-йоркском Бродвее.

жизни, от которой когда-то бежала. Ничего, скоро он освободит ее, хоть она пока об этом не знает.

— Не забудь отправить.

Бруно вздрогнул при виде двух гремучих змей у себя над лицом. Это был подарок Капитану — вешалка для галстуков, сделанная из коровьих рогов и украшенная чучелами двух маленьких гремучих змей, скалящих друг на друга зубы по бокам от зеркала. Капитан ненавидел всякое барахло вроде вешалок для галстуков, ненавидел змей, собак, кошек, птиц… Хотя что он вообще любил? Словом, эту пошлую вешалку он возненавидел бы с первого взгляда, именно поэтому Бруно убедил мать купить ее ему в подарок.

Долго ее убеждать не пришлось.

Бруно нежно улыбнулся гремучим змеям.

11

Он зацепился носком за треклятую брусчатку, с чувством собственного достоинства встал на ноги, заправил рубашку в штаны. Хорошо, что он потерял сознание в переулке, а не на людной улице. Его ведь могла подобрать полиция, и тогда он опоздал бы на поезд. Бруно остановился, полез за бумажником и стал панически шарить по всем карманам, заподозрив пропажу. Но нет, бумажник нашелся. Руки дрожали, так что он с трудом различил время отправления — десять часов двадцать минут. На уличных часах десять минут девятого. И сегодня воскресенье. Да, конечно, воскресное утро, все индейцы нарядились в чистые рубахи. Он настороженно смотрел по сторонам — не крутится ли где неподалеку Уилсон. Хотя Уилсона вчера нигде не было видно, да и вряд ли он выйдет в такую рань. Ни к чему Уилсону знать, что он уезжает из города.

Перед ним внезапно раскинулась шумная Плаза — куры, дети, старики, по обыкновению завтракающие кедровыми орешками. Он остановился и сосчитал колонны Губернаторского

дворца — просто чтобы убедиться, что сумеет досчитать до семнадцати. Сумел. Похоже, эта шкала измерения трезвости уже никуда не годилась. Мало того что он страдает жутким похмельем, у него еще и все тело ломит после сна на треклятой брусчатке! И зачем было вчера столько пить?! Бруно задавался этим вопросом почти со слезами. Просто он остался один, в таких случаях он всегда пьет больше, чем следовало бы. Да какая разница! Он помнил гениальную мысль, озарившую его накануне за просмотром игры в шаффлборд[7] по телевизору: на этот мир надо глядеть пьяными глазами. Мир создан так, чтобы лишь пьяный мог узреть его в истинном свете. На трезвую голову все куда хуже. Вчера он отмечал свой последний вечер в Санта-Фе, а сегодня едет в Меткалф и должен быть трезв как стеклышко. Но какое похмелье нельзя исправить рюмкой-другой? Впрочем, похмелье может даже сыграть ему на руку — в таком состоянии он обычно делает все осторожно и тщательно. Ничего конкретного он пока не запланировал, но собирался заняться этим в поезде.

---

[7] Примечания: 7

Шаффлборд — игра, в ходе которой участники передвигают шайбы по размеченному полю на столе или на полу с помощью кия или клюшки соответственно.

— Почта есть? — машинально спросил Бруно у портье и получил отрицательный ответ.

Он торжественно принял ванну, заказал в номер горячий чай и сырое яйцо, чтобы сделать отрезвляющий коктейль, раскрыл шкаф и долго стоял перед ним, размышляя, что бы надеть. Выбор пал на ржаво-коричневый костюм — в честь знакомства с Гаем. К тому же костюм не сильно притягивал взгляд. Сама судьба, не иначе, заставила его в тот день одеться именно так!.. Бруно вылил яйцо в стакан, сдобрил перцем, солью и острым соусом и проглотил. Сумев удержать эту смесь в себе, он расправил плечи — но тут индейский декор номера, дурацкие оловянные лампы и тряпки на стенах вдруг сделались ему невыносимы, и его снова затрясло от желания поскорее собрать вещи и сбежать. Хотя какие вещи? Ему ничего не нужно. Только листок бумаги, на котором он записал все, что знал о Мириам.

Бруно вытащил листок из чемодана и сунул во внутренний карман пиджака. Жест вышел очень внушительным, как у настоящего делового человека. Он расправил белый носовой платок в нагрудном кармане, вышел из номера и запер дверь. Можно успеть вернуться завтра до ночи, если провернуть все сегодня вечером и сразу

сесть на обратный поезд.

Сегодня вечером!

Бруно дошел до автовокзала и сел на автобус до железнодорожной станции Лейми. Вопреки ожиданиям, он не чувствовал ни радости, ни волнения, ни мрачной решимости — ничего. Бледное, осунувшееся лицо вдруг стало совсем мальчишеским. Неужели что-то лишит его удовольствия? Но что? Каждый раз, когда речь заходит о его страстных желаниях, кто-то или что-то все портит. Нет уж, на этот раз все будет иначе. Бруно заставил себя улыбнуться. Наверное, все дело в похмелье, именно похмелье рождает сомнения. Он зашел в бар, купил у знакомого бармена бутыль на пятую часть галлона,[8] наполнил флягу. Спросил пустую пивную бутылку, чтобы перелить остальное, но такой у бармена не нашлось.

В Лейми Бруно направился прямиком на вокзал, помахивая завернутой в бумажный пакет полупустой бутылкой. У него не было с собой даже оружия. Он напоминал себе, что надо продумать план, хотя чутье подсказывало ему, что излишнее планирование в этом деле только во

---

[8] Примечания: 8

1/5 галлона примерно равна 750 мл.

вред. Взять, к примеру…

— Эй, Чарли! Ты куда это?

Уилсон. И с ним целая компания. Бруно заставил себя пойти им навстречу со скучающим выражением. Похоже, они только с поезда — вид у них был усталый и потрепанный.

— Ты где пропадал два дня? — спросил Бруно Уилсона.

— В Лас-Вегасе. Сам не ожидал, что там окажусь, а то бы позвал тебя. Знакомься, это Джо Пакмелли, я тебе про него говорил.

— Привет, Джо.

— Чего нос повесил? — поинтересовался Уилсон, дружески ткнув его в плечо.

— Да Чарли-то у нас с похмелья! — взвизгнула одна из девиц.

Голос у нее был как велосипедный звонок прямо над ухом.

— Джо Пакмелли и Чарльз Похмельный! — Джо аж затрясся от смеха.

— Ах-ха-ха. — Бруно аккуратно высвободил руку из цепкой хватки девицы с гирляндой цветов вокруг шеи. — Черт, мне надо бежать на поезд.

Состав уже подали на станцию.

— Куда собрался-то? — Уилсон сдвинул черные брови.

— Да надо было повидать одного человека в Талсе, — промямлил Бруно, понимая, что ляпнул «было» вместо «будет».

Следовало уходить от них как можно скорее. От злости ему хотелось расплакаться, замолотить кулаками по грязной красной рубашке Уилсона.

Уилсон повозил ладонью в воздухе, будто стирал Бруно, как меловую линию с доски.

— Ну, катись в свою Талсу!

Бруно медленно повторил его жест, пытаясь выдавить из себя улыбку, и пошел прочь. Он ожидал, что компания увяжется за ним, но они отстали. Уже в дверях вагона он обернулся. Приятели тесной кучкой вкатились с яркого солнца в тень под крышей вокзала. Что это они столпились-то, неужели что-то заподозрили и теперь шушукаются о нем? Бруно вошел в вагон, и поезд тронулся прежде, чем он успел отыскать свое место.

Немного подремав, он проснулся другим человеком. Ровно стучали колеса, за окном прохладная голубизна гор сменялась густой тенью зеленых долин, небо затянули серые тучи. Все это вкупе с холодным воздухом из вагонного кондиционера освежало не хуже ледяного компресса. У Бруно даже разгорелся аппетит. В вагоне-ре-

стране он пообедал вкуснейшими бараньими котлетами, картошкой фри и салатом, взял пирог из свежих персиков на десерт, запил все это двумя стаканами виски с содовой и вернулся на свое место.

Перед ним стояла цель, и это ощущение, такое незнакомое и сладкое, влекло его вперед, как бурный поток. Глядя в окно, Бруно начал всерьез осознавать свои намерения. Сегодня он совершит убийство, которое станет не только исполнением давней мечты, но и пойдет на пользу другу. Бруно очень любил радовать друзей. Тем более жертва заслуживала смерти. Подумать только, сколько хороших парней он спасет от ее когтей! Чувство собственной важности кружило голову, и некоторое время Бруно провел во власти счастливого опьянения. Его энергия прежде была рассеяна, она мелкими ручейками текла по земле плоской и унылой, как плато Льяно-Эстакадо за окном вагона. Теперь же эти ручейки собрались в мощный водоворот, воронка которого была направлена в Меткалф. Бруно ерзал на краешке сиденья и жалел, что Гая нет сейчас напротив. Хотя Гай наверняка попытался бы его отговорить. Гай бы не понял, как сильно Бруно этого хочет и как легко ему будет это сделать. Но господи, должен же он

понять, как это нужно! Бруно ударил кулаком в ладонь, ему не терпелось добраться до места. Каждый мускул его тела судорожно вздрагивал.

Он вынул листок с досье на Мириам, разложил на пустом сиденье напротив и принялся старательно изучать. Досье было написано чернилами, аккуратным почерком — еще бы, это ведь уже третья копия. Мириам Джойс Хэйнс. Возраст — примерно двадцать два года. Хорошенькая. Рыжая. Невысокая, склонна к полноте. Уже заметная беременность. Любит повеселиться и шумные компании. Возможно, броско одевается. Возможно, короткие кудрявые волосы, химическая завивка. Это все, что было ему известно. Удачно, что она рыжая. Получится ли сделать все сегодня? Главное — ее найти. Не исключено, что придется перебрать всех девиц под фамилиями Джойс и Хэйнс. Наверняка она живет у родителей. Бруно не сомневался, что узнает ее, как только увидит. Сука! Он уже ее ненавидел. Ноги сами подпрыгивали от предвкушения. Мимо проходили люди, но Бруно не обращал на них никакого внимания. Он смотрел только на листок.

В памяти всплыли слова Гая: «Она ждет ребенка». Потаскуха! Такие женщины вызывали лишь ярость и омерзение. Как шлюхи отца, из-за ко-

торых школьные каникулы дома превращались в кошмар: Бруно мог только гадать, то ли мать знает о любовницах и лишь притворяется счастливой, то ли она вообще ни о чем не подозревает. Он старался вспомнить свой разговор с Гаем до последнего слова. От этого Гай стал ему еще ближе. Гай, самый достойный человек из всех, кого он встречал. Гай своим трудом заслужил право строить клуб «Пальмира». Бруно хотел бы лично сообщить, что ему не нужно отказываться от проекта.

Наконец Бруно убрал листок в нагрудный карман и откинулся на спинку сиденья, заложив ногу на ногу и сплетя пальцы на колене. В этот момент случайный наблюдатель счел бы его добропорядочным и ответственным молодым человеком с неплохими перспективами. Пусть цвет лица у него не совсем здоровый, зато взгляд отражал такое безмятежное спокойствие, какое встречалось в людях довольно редко, а в случае с Бруно и вовсе впервые. Прежде он блуждал по жизни, не зная дороги; поиски его не имели направления, а находки — смысла. Случались у него и драмы — Бруно вообще любил драмы и был не прочь спровоцировать скандал между знакомыми или между родителями, — но он все-

гда устранялся от активного участия в них. Это, вкупе с полной неспособностью к сочувствию — даже обиженной отцом матери, — заставляло последнюю считать его склонным к жестокости, а многих других — и вовсе бессердечным. При этом холодный тон малознакомого человека, которому он звонил по телефону одиноким вечером и который не смог или не захотел с ним встретиться, был способен повергнуть Бруно в глубокую меланхолию. Впрочем, об этом знала только его мать. Бруно избегал драм еще и потому, что находил удовольствие в лишении себя ярких эмоций. Он столько раз терпел неудачу в отчаянных попытках придать своей жизни какой-то смысл, в аморфном желании совершить какой-то значимый поступок, что стал лелеять свои разочарования, как делают иногда те, чью любовь не раз отвергли. Он знал, что не способен почувствовать радость от выполнения задуманного. Знал, что четко поставленная цель отбивает у него всю охоту ее добиваться. И все же всегда находил в себе силы прожить еще день. Смерть его не пугала. Она была для него лишь еще одним, пока неведомым приключением. Если затея несла в себе смертельный риск — тем лучше. Последней из таких была поездка

в гоночном автомобиле с завязанными глазами — он просто гнал по прямой, выжав педаль газа в пол. Он не услышал выстрела, которым его приятель давал сигнал остановиться, потому что уже без сознания лежал в кювете со сломанным бедром. Иногда ему делалось до того скучно, что он подумывал об эффектном финале — самоубийстве. Ему не приходило в голову, что бесстрашие перед лицом смерти есть храбрость, что такое безразличие к собственной кончине свойственно индийским мудрецам, что для самоубийства требуется особая, отчаянная решимость. Такая решимость жила в нем всегда. Бруно даже слегка стыдился своих мыслей о самоубийстве, настолько очевидным и скучным казался ему этот шаг.

Однако здесь, в поезде, идущем в Меткалф, у него была цель, было направление. Давно он не чувствовал себя таким живым, настоящим, как люди вокруг, — с той самой поры, когда ребенком поехал с родителями в Канаду на поезде. Он думал, что в Квебеке полно замков и что ему разрешат по ним полазать. Увы, замков не было. Ему даже не дали их поискать, потому что умирала его бабушка со стороны отца, лишь из-за этого они вообще туда поехали, и с тех пор Бруно никогда не возлагал больших надежд на свои

путешествия. До сегодняшнего дня.

В Меткалфе он первым делом взял телефонную книгу и нашел фамилию Хэйнс. Мрачно сдвинув брови, он просмотрел весь список, почти не обратив внимания на адрес Гая. Как и следовало ожидать, никакой Мириам Хэйнс. Женщин по фамилии Джойс нашлось семь, три проживали по одному адресу, Магнолия-стрит, тысяча двести тридцать пять, при этом одна из них значилась как миссис Эм-Джей Джойс. Бруно в задумчивости облизнул верхнюю губу острым языком. Очень вероятно, что это дом Мириам, ведь у ее матери вполне может быть то же имя. Надо посмотреть, что это за улица. Вряд ли Мириам живет в хорошем районе.

Бруно поспешил к стоящему у тротуара желтому такси.

12

Было почти девять. Неторопливые сумерки понемногу превращались в ночь, и в квартале маленьких деревянных хибарок погасли окна. Лишь кое-где у входных дверей горели фонари, и кто-нибудь сидел на ступенях крыльца или на качелях.

— Остановите здесь, — велел Бруно таксисту.

Он вышел на пересечении Магнолия-стрит и Колледж-авеню. Номера домов здесь начинались с тысячи. Бруно зашагал вперед.

На пути стояла маленькая девочка, уставясь на него во все глаза.

— А ну! — нервно выпалил Бруно, командуя ей уйти с дороги.

— Здрасьте, — пролепетала девочка.

Бруно глазел по сторонам. Вот толстый мужчина сидит у вентилятора на освещенном крыльце, вот две женщины на качелях перед домом. То ли он был умнее, чем предполагал, то ли ему просто везло, но интуиция явно его не обманывала: Мириам наверняка жила в этом квартале, более подходящего для нее места и представить нельзя.

Если же нет, он поедет дальше — список адресов лежал в кармане. Вентилятор на крыльце напомнил ему о том, что стоит жара, так что дело не только в лихорадке, которая донимала его всю вторую половину дня. Он остановился и закурил, удовлетворенно отметив, что руки совсем не дрожат. Выпитые с обеда полбутылки развеяли остатки похмелья и привели Бруно в приятное расположение духа. Верещали сверчки, слышно было, как переключаются передачи автомобиля на соседней улице. Из-за угла вышла компания парней, и Бруно встрепенулся, почти ожидая увидеть среди них своего друга.

— Ну ты дупло!

— Иди ты, я ей грю: не водись с тем, кто брата обует недорого возьмет…

Бруно высокомерно поглядел парням вслед. Они будто говорили на другом языке и не имели ничего общего с Гаем.

Он заметил, что не на всех домах есть номера. А если и нужный ему дом не обозначен?.. Да нет, вот он, номер тысяча двести тридцать пять, четкие металлические цифры над крыльцом. Бруно почувствовал легкий трепет. Когда-то Гай взбегал по этим ступенькам, и уже потому дом был особенным. Хотя на самом деле он ничем не

отличался от прочих в этом квартале, разве что грязно-желтая краска на его стенах облупилась сильнее, чем у соседей. Перед домом был лысоватый газон, подъездная дорожка и старенький седан «шевроле». Свет горел в двух окнах — на первом этаже и в угловой комнате на втором. Наверное, там комната Мириам.

Нервной походкой Бруно подошел чуть ближе и стал наблюдать за домом, кусая губу. Вокруг не было ни души, во дворах не горели фонари, светилось лишь одно крыльцо в дальнем конце улицы. Где-то играло радио — то ли в доме Мириам, то ли в соседнем, где был свет в двух окнах на первом этаже. Может, потихоньку зайти сзади по подъездной дорожке и…

Взгляд Бруно метнулся к соседнему дому — там на крыльце вспыхнул свет. Вышли мужчина и женщина: она устроилась на качелях, а он пошел к дороге. Бруно скрылся за выступающим углом гаража.

— Если не будет персикового, возьми фисташковое, — крикнула женщина.

— А мне ванильного прихвати, — пробормотал Бруно и отхлебнул из фляжки.

Пристально рассматривая грязно-желтый дом, Бруно оперся стопой о стену гаража и почувство-

вал в кармане твердый предмет — шестидюймовый охотничий нож в чехле. Он купил этот нож на вокзале в Биг-Спрингз, но применить собирался лишь в крайнем случае. От ножей ему становилось как-то не по себе. А от пистолета слишком много шума. Как же выполнить задуманное? Ладно, разберемся по ходу дела. А если нет? Он надеялся, что дальнейший план сложится, как только отыщется дом, но вот он, дом, а план все не складывается. Может, дом не тот? А если его сейчас застукают под чужими окнами? Гай рассказал ему слишком мало, почти ничего! Бруно торопливо отхлебнул из фляжки. Нельзя волноваться, так можно все испортить! Колени подкашивались. Он вытер потные ладони о штаны, облизнул дрожащие губы. Вытащил из нагрудного кармана листок с адресами и попытался что-нибудь разобрать в свете уличного фонаря. Слишком темно. Уйти? Проверить другой адрес и вернуться?

Нет, он подождет. Еще минут пятнадцать, может, полчаса.

Еще в поезде Бруно решил, что нападать лучше вне дома, поэтому все его идеи начинались с того, что он к ней просто подходит. Как бы ее выманить, хоть даже на эту улицу — тут достаточно

темно, особенно под деревьями. А потом убить ее голыми руками или ударить чем-нибудь по голове. Он поймал себя на том, что подскакивает на месте, имитируя удары, — а прежде и не догадывался, до чего его разбирает предвкушение. Вот обрадуется Гай!

Со второго этажа дома номер тысяча двести тридцать пять донеслись мужской голос и смех, а потом девушка заверещала, хохоча: «Хватит! Хватит! Ай, перестань!» Голос у нее был высокий, несколько детский, но при этом сильный, как звук натянутой струны.

Свет на втором этаже погас. Потом вспыхнул фонарь на крыльце, и из дома вышли двое мужчин и молодая женщина — Мириам. Бруно затаил дыхание и приготовился. Он видел рыжину в ее волосах. Один из ее сопровождавших, здоровенный детина, тоже был рыжим. Бруно предположил, что это ее брат. В глаза бросились десятки важных деталей — приземистая полнота ее фигуры, обувь без каблука, развязность, с которой она обратилась к спутнику.

— Может, заехать за ней, Дик? — спросила она пронзительным голосом. — Поздновато уж.

Кто-то внутри дома приподнял край занавески. Из окна послышалось:

— Смотри не гуляй допоздна, милая.

— Ладно, мам.

Похоже, они сейчас сядут в автомобиль.

Бруно метнулся на угол улицы. Как же, найдешь тут такси, в такой-то дыре! Он побежал. Ему давненько не случалось бегать, но он ощущал себя в превосходной форме.

— Такси! — крикнул он, хотя не видел ничего похожего.

Вот он, желтый автомобиль!

Бруно приказал водителю развернуться и въехать на Магнолия-стрит в том направлении, в котором был развернут «шевроле». Однако «шевроле» и след простыл. Далеко в темноте просияли красные огни.

— Езжайте прямо!

Красные огни задержались на светофоре, расстояние до них сократилось, и Бруно с облегчением увидел, что это «шевроле».

— Куда едем-то? — спрашивал водитель.

— Прямо!

«Шевроле» свернул на большой проспект.

— Теперь направо!

На одном из зданий мелькнул указатель «Бульвар Крокетт», и Бруно заулыбался. Он слышал о бульваре Крокетт, самой широкой и длинной

улице в Меткалфе.

— А вы к кому едете? — не унимался таксист. — Может, я их знаю.

— Сейчас, сейчас…

Бруно вытащил из кармана свои записи и начал в них лихорадочно рыться. Недотепа-приезжий засунул куда-то листок с нужным адресом и никак не может найти. Бруно даже не сдержался от смешка, до того ему вдруг стало весело и спокойно. Он наклонился пониже, чтобы скрыть от водителя улыбку, и машинально потянулся за фляжкой.

— Свет включить?

— Не-не, спасибо.

Бруно глотнул обжигающей жидкости. «Шевроле» мчался по бульвару.

— Куда?

— Езжайте прямо и заткнитесь! — визгливо крикнул Бруно.

Водитель покачал головой и цокнул языком. Бруно сидел как на иголках, но «шевроле» пока оставался в поле зрения. Похоже, они будут ехать вечно; такое впечатление, что бульвар Крокетт пересекает весь штат Техас. Дважды «шевроле» терялся из виду — и снова возникал. Придорожные киоски и кинотеатры под открытым небом

закончились, по обе стороны дороги стало темно. И тут впереди засияла иллюминация: «Добро пожаловать в парк развлечений Меткалф-Лейк», и «шевроле» нырнул под неоновую дугу на парковку. В кронах деревьев сияли разноцветные огни, играла музыка. Вот это удача!

— Четыре бакса, — мрачно бросил таксист, и Бруно сунул ему пятерку в окно.

Мириам вышла из «шевроле» с парнями и еще одной девушкой, за которой они заехали по пути. Бруно подождал, пока они пройдут через турникеты, и двинулся следом. Он изо всех сил напрягал глаза, рассматривая Мириам в свете иллюминации. Симпатичная пышечка, можно принять за студентку, но явно не из хорошей семьи. Красные носки с красными сандалиями его просто взбесили. Как мог Гай жениться на таком существе?.. Бруно замер как вкопанный: она не беременна! Почему он этого сразу не заметил? Или просто живота еще не видно? Если учесть, какая она толстая, талия у нее даже поуже, чем следовало бы ожидать. Может, сестра? Или аборт сделала? Или случился выкидыш? Маленькие толстенькие ляжки перекатывались под узкой серой юбкой. Бруно шел следом как завороженный.

Неужели Гай соврал ему о беременности? Нет, Гай никогда не лжет. Пойди тут пойми… Затем до Бруно дошло: раз никакого ребенка не будет, эту женщину тем более необходимо устранить, ведь развода Гай теперь ни за что не добьется.

Мириам остановилась перед помостом, на котором цыганка бросала какие-то предметы в большой стеклянный шар. Ее подружка хохотала, повиснув на руке у рыжего детины.

— Мириам! — воскликнула она, показывая на киоск с мороженым.

Услышав имя, Бруно так и подпрыгнул.

Вся компания направилась к киоску. Бруно ждал со скучающей улыбкой. Задрав голову, он смотрел на сияющее чертово колесо — там наверху, в темном небе, раскачивались на скамейках маленькие фигурки. Вдалеке, за деревьями, в глади озера, мерцали огоньки. Хороший парк. Бруно прокатился бы на чертовом колесе. Он вообще пришел в прекрасное расположение духа. Никакой суеты, никакого волнения. С карусели неслись звуки вальса: «Кейси станцует с рыжей девицей…» Ухмыляясь, Бруно посмотрел на волосы Мириам и неожиданно встретился с ней глазами. Но взгляд Мириам тут же скользнул дальше, она не обратила на Бруно внимания. И

все же больше так рисковать не следовало. У него вырвался нервный смешок. На вид Мириам была весьма недалекой, и это его тоже повеселило. Теперь ясно, отчего Гай ее презирает. Он сам презирал ее всей душой! Небось вообще наврала про беременность, а Гай, честный малый, конечно, поверил. Сука!

Бруно отошел к стойке с воздушными шарами и стал рассеянно их перебирать. Заметив, что компания с мороженым двинулась дальше, он поспешил было следом, но тут же вернулся и купил себе ярко-желтого надувного стрижа. Он шагал, дергая за веревочку, слушал, как свистит в воздухе стрижиный хвост, и чувствовал себя ребенком. Какой-то малыш протянул к стрижу руки, и Бруно чуть не отдал ему веревочку — но все-таки не отдал.

Компания Мириам подошла к площадке с аттракционами у основания чертова колеса. Ярко сияли огни, «американские горки» стрекотали над головами, как пулемет: та-та-та-та-та. Раздался звон и гром аплодисментов — кто-то шарахнул кувалдой по наковальне, и красная стрелка, отмечающая силу удара, взлетела на самый верх. Вот бы убить Мириам кувалдой! Бруно внимательно следил, чтобы ни Мириам, ни ее спутники его

не заметили. Лучше не попадаться им на глаза — вдруг сегодня ничего не выйдет. Хотя Бруно уже не сомневался: выйдет, именно сегодня. Возможность обязательно представится, в этот вечер все в его пользу. В воздухе уже ощущалась ночная свежесть, и Бруно купался в нем, словно в прохладных струях. Надувной стриж выписывал в небе широкие круги. Хорошее место — Техас, родина Гая! У всех тут радостный вид, у всех кипучая энергия. Бруно отхлебнул из фляжки, увидел, что компания Мириам смешалась с толпой, и припустил следом.

Они стояли под чертовым колесом и глядели вверх. Хорошо бы решили прокатиться! В Техасе умеют делать вещи с размахом. Бруно с восторгом смотрел на колесо — таких высоченных он еще в жизни не видел. В центре колеса светилась голубая пятиконечная звезда.

— Ну че, Ральф, крутнемся? — пропищала Мириам, всей пятерней засовывая в рот остатки рожка с мороженым.

— А, да ну. Давайте на карусель.

И они пошли на карусель, похожую на сияющий город в темном лесу, город, где на никелированных шестах скакали зебры, кони, жирафы и верблюды; застыв в галопе, животные вытяги-

вали шеи, с нетерпением ожидая седоков. Бруно смотрел на них как заколдованный, не в силах оторвать взгляд даже для того, чтобы проследить за Мириам, хотя музыка обещала, что они вот-вот помчатся вскачь. В надтреснутом дребезжании шарманки, громе барабанов и звоне литавр Бруно слышал приближение одного из сладостных моментов детства.

Люди выбирали себе скакунов. А Мириам и ее дружки опять что-то жевали, Мириам запускала руку в пакет с попкорном, который держал перед ней Дик. Вот свиньи! Бруно отошел купить хот-дог, а когда обернулся, компания залезала на карусель. Он нашарил в кармане мелочь и побежал. Ему досталась та самая лошадка, которую он себе приметил, василькового цвета. Мириам с Диком сели на жирафа и лошадку прямо перед Бруно. Ему сегодня определенно везет! Надо в карты сыграть!

Зазвучала музыка — любимая мелодия матери. Бруно втянул живот и выпрямился в седле, как бравый кавалерист, весело пришпорив лошадку. Карусель медленно закружилась. Пластмассовые звери плавно раскачивались то вверх, то вниз, и огни парка вокруг слились в сплошное мелькание. Бруно держал поводья одной рукой, как его

учили на уроках поло. Другая рука была занята хотдогом.

— Йии-хууу! — орал рыжий детина.

— Йии-хууу! — вторил ему Бруно. — Я настоящий техасец!

— Кэти! — Мириам наклонилась к шее жирафа, и серая юбка обтянула круглый зад. — Глянь на того парня в клетчатой рубашке!

Тот парень был похож на Гая. Задумавшись об этом, Бруно прослушал, что сказала о нем Мириам. В ярком освещении он заметил, что Мириам вся в веснушках. Она вызывала у него все большее омерзение. Он уже не хотел прикасаться к ее мягкому, липкому, теплому телу. Хорошо, что есть нож. Чистый инструмент.

— Чистый инструмент! — радостно прокричал он, все равно никто не услышит.

Его лошадка была на самом краю, рядом находилось пустое сиденье для двоих, сделанное в виде лебедей. Бруно плюнул в лебедей, выбросил остатки хот-дога и вытер горчицу с пальцев о гриву лошади.

Меж тем ухажер Мириам начал распевать во все горло. Остальные подтянули, и Бруно тоже запел. Вскоре пела вся карусель. Эх, им бы еще выпить! У каждого должна быть выпивка!

Дик пытался закинуть попкорн Мириам в рот.

— Фу! Фу! — крикнул Бруно.

Она выглядела так уродливо и глупо — красная, надутая, с разинутым ртом, как будто ее душат. Бруно не мог на нее смотреть и отвел взгляд, все еще ухмыляясь. Карусель замедляла ход. Бруно надеялся, что компания захочет прокатиться еще разок, но они слезли и, взявшись за руки, зашагали к озеру, где отраженным светом мерцали огоньки.

Бруно задержался под деревьями, чтобы отхлебнуть из почти опустевшей фляжки.

Они взяли напрокат лодку. Неспешные взмахи веслами, ночная свежесть… Мысль о прогулке по озеру привела Бруно в восторг. Он тоже взял себе лодку. Гладь воды была бескрайней и черной, в ней поблескивали тусклые огоньки и дрейфовали лодки с целующимися парочками. Бруно держался недалеко от лодки Мириам. Рыжий детина греб, а Мириам с Диком хихикали и обжимались на корме. Бруно сделал три хороших гребка, чтобы обогнать их, и опустил весла.

— Ну что, на остров или вокруг? — спросил рыжий.

Сгорбившись на скамье, Бруно нетерпеливо ждал, когда они определятся. Из маленьких бух-

точек вдоль берега, словно из темных комнат, доносились приглушенные голоса, смех, негромкая музыка из радиоприемников. Он перевернул фляжку вверх дном, вылив себе в рот последние капли. Интересно, что будет, если он сейчас возьмет и крикнет: «Гай!»? А что подумал бы Гай, если бы его сейчас увидел? Может, они с Мириам когда-то также встречались на этом озере, может, даже катались на этой самой лодке. Ноги и кисти рук приятно покалывало от выпитого алкоголя. Будь Мириам сейчас с ним в одной лодке, Бруно с удовольствием сунул бы ее головой в воду и держал. Тут темно. Темно хоть глаз выколи, даже луна не светит. Мелкие волны лизали бока лодки. Потом до ушей Бруно донесся смачный звук поцелуя, и он тут же передразнил его, добавив сладострастный стон в довесок. На лодке Мириам его явно услышали — оттуда последовал взрыв хохота.

Он пропустил их лодку мимо себя и не спеша погреб следом. Впереди замаячила черная масса, лишь кое-где озаряемая крохотным огоньком вспыхнувшей спички. Остров. Рай для парочек. Бруно захихикал. Возможно, Мириам суждено на нем сегодня остаться.

Он причалил в нескольких метрах от лодки

Мириам, вылез на берег, втащил свою лодку носом на небольшое бревнышко, чтобы потом не перепутать. Цель близка. Он в Меткалфе от силы два часа, а уже сумел оказаться с Мириам на острове! Осталось улучить момент, когда она отойдет в сторонку, зажать рот… А вдруг она укусит? Бруно передернуло от мысли о прикосновении ее мокрого рта.

Компания брела в горку, где росли деревья. Бруно шагал по пятам.

— Тут даже не присесть, земля сырая! — ныла девица по имени Кэти.

— Хочешь, садись на мою куртку, — ответил ей парень.

Господи, этот дурацкий южный говор!

Вокруг шептались парочки, жужжали мошки, заливались сверчки, над самым ухом звенел комар. Бруно накрыл его ладонью, и звон стал оглушительным, голоса в нем потонули.

— …отчаливать.

— Че ж мы, места не найдем? — тявкала Мириам.

— Нет тут места, как бы не наступить на кого!

— Да, девочки, глядите под ноги, — засмеялся рыжий.

Ну, и что они станут делать? Бруно уже поми-

рал со скуки. Вдали устало тренькала карусель. Компания вдруг развернулась и пошла прямо ему навстречу. Бруно свернул в сторону, застрял в каких-то колючках и принялся сосредоточенно из них выпутываться. Компания прошла мимо, и Бруно поспешил за ними вниз по склону. Он чуял духи Мириам — если, конечно, они не принадлежали второй девице. Духи были сладковатые и напоминали душный запах полной пара ванной комнаты. Отвратительно.

«…Леон осторожно заходит справа… — звучало из радиоприемника. — …и наносит сокрушительный удар в челюсть! Трибуны беснуются!»

Хоровой рев в соседних кустах.

Парочка в других кустах тоже была во власти страстей, правда, иного рода.

Мириам чуть отстала от приятелей и остановилась на склоне в двух шагах от Бруно. Он видел ее темный силуэт на фоне мерцающей воды. Ему еще не удавалось подкрасться к ней так близко!

— Эй, — шепотом позвал Бруно.

Она обернулась.

— Вас случайно не Мириам зовут?

Она смотрела прямо ему в лицо, но едва ли что-то могла различить в темноте.

— Да. А вы кто?

— Мы с вами не знакомы? — насмешливо спросил Бруно и снова почуял ее духи.

Он кинулся на теплое, уродливое, черное пятно, выставив перед собой руки.

— Чего вам…

Его пальцы сомкнулись на ее горле, и удивленный вопрос оборвался. Бруно тряс ее, чувствуя, что все его мышцы превратились в камень, слыша клацанье своих зубов. Она издала слабый хрип, но закричать не могла, он держал ее железной хваткой. Бруно завалил ее на спину, и они оба рухнули на землю без единого звука, лишь негромко зашуршав листвой. Он стискивал пальцы еще сильнее, с отвращением чувствуя под собой мягкое тело. Ее горло стало горячим и будто раздулось. Сдохни, сдохни, сдохни! Приказываю!.. Ее голова перестала дергаться. Он знал, что уже достаточно, но все равно не ослаблял хватку. Посмотрел через плечо, убедился, что сзади никого нет, и лишь тогда разжал руки. На горле у нее остались вмятины от пальцев, как на куске сырого теста. И вдруг из груди девушки вырвалось что-то вроде кашля, и Бруно похолодел, словно увидел восставшего мертвеца. Он снова бросился на нее, уперся в землю коленями и стал душить с такой силой, что едва не хрустели пальцы. Всю

силу, какая была в теле, он направлял сейчас в руки. Она совсем обмякла и не шевелилась.

— Мириам? — позвала Кэти.

Бруно вскочил и, спотыкаясь, побежал назад к середине острова, потом свернул налево, к своей лодке. Машинально достал платок и стал вытирать что-то с рук. Слюни Мириам. Он брезгливо отбросил платок и тут же поднял его, вспомнив про монограмму. Он не потерял способность ясно мыслить! И дело сделано! Великолепно!

— Ми-ри-ам, — с ленивым нетерпением звали с берега.

А если он все-таки ее не прикончил? А если она уже сидит и разговаривает?

От воды дул сильный ровный ветер. Бруно никак не мог найти свою лодку. Он уже был близок к тому, чтобы схватить первую попавшуюся, когда наконец ее увидел.

— Эй! Мириам в обморок упала!

Бруно отчалил — быстро, но без явной спешки.

— Кто-нибудь, помогите!

Вскрик, женский визг.

— На помощь!

Паника в голосе была заразительна. Бруно сделал несколько суетливых гребков, потом резко поднял весла и пустил лодку скользить по тем-

ной воде. Чего он перепугался-то? Никто за ним не гонится.

— Эй!

— Господи боже, она не дышит! Позовите кого-нибудь!

Длительный женский вопль повис в тишине, и этот вопль поставил точку в случившемся. В странном умиротворенном восхищении Бруно подумал, что вышло красиво. Он спокойно подошел к причалу следом за другой лодкой. Не спеша, с несвойственной ему медлительностью расплатился за прокат.

— Там, на острове! — захлебывался взволнованный голос с какой-то лодки. — Говорят, там мертвая девушка!

— Мертвая?!

— Кто-нибудь, вызовите полицию!

Топот бегущих ног по доскам причала.

Бруно лениво побрел к выходу из парка. Слава богу, он выпил столько, что может делать все медленно! Все же, проходя через турникет, он затрясся от необоримого страха. Впрочем, это быстро прошло. Никто не обращал на него внимания. Надо выпить и привести нервы в порядок. У дороги маячило заведение с красной неоновой вывеской. Туда Бруно и направился.

— Налейте мне «Катти Сарк», — бросил он бармену.

— Сынок, ты откуда?

Бармен смотрел удивленно. Двое мужчин за барной стойкой тоже на него уставились.

— Налейте любого виски.

— Мы не продаем здесь крепкий алкоголь.

— Здесь — в смысле в парке? — Голос у Бруно сорвался на визг.

— Нет, здесь — это в штате Техас.

— Тогда вот этого налейте! — Бруно указал на бутыль самогона, стоящую перед мужчинами за стойкой.

— Держи, раз уж так приспичило выпить. — Один из мужчин плеснул самогона в рюмку и подтолкнул ее к Бруно.

Самогон нещадно продрал горло, затем разлился в груди приятным теплом. Бруно предложил заплатить, но хозяин бутыли денег не взял.

Снаружи, нарастая, завыли полицейские сирены.

В дверь вошел человек.

— Что там случилось? Авария? — спросил кто-то.

— Не знаю, — небрежно отозвался вошедший. — Я ничего не видел.

Бруно тут же проникся к незнакомцу братской любовью. Жаль, что нельзя с ним поболтать.

Он чувствовал себя прекрасно. Хозяин бутыли настойчиво предлагал налить ему еще. Бруно опрокинул три рюмки подряд, заметил у себя на руке пятно и спокойно вытер его платком. Это было пятно розовато-оранжевой помады Мириам, едва различимое в тусклом освещении бара.

Поблагодарив за выпивку, он вышел в темноту и пошел по правой стороне дороги в поисках такси. На парк не оглядывался, велел себе о нем даже не думать. Мимо прогрохотал трамвай, и Бруно побежал к остановке. Вскочив в вагон, он плюхнулся на сиденье и стал рассматривать плакаты на стенах, радуясь яркому свету. С другой стороны от прохода сидел вертлявый мальчишка, и Бруно завел с ним разговор. Хорошо бы сейчас позвонить Гаю, встретиться с ним — то и дело приходилось напоминать себе, что Гай в отъезде. Может, хоть матери его опять позвонить? Нет, лучше не рисковать. Только это и омрачало настроение — сознание того, что он еще не скоро сможет увидеть Гая или хотя бы позвонить или написать ему. Гаю теперь, конечно, предстоит помотаться по допросам. Зато он свободен! Дело сделано, сделано, сделано!.. В порыве благодушия

Бруно погладил мальчишку по голове. Тот сперва замер от неожиданности, а потом заулыбался в ответ.

На вокзале он взял билет на верхнюю полку. Ночной поезд отправлялся в половине второго, надо было как-то убить еще полтора часа. Все складывалось превосходно, Бруно был на седьмом небе. В привокзальной аптеке он купил пинту виски и залил его в фляжку. Задумался, не пойти ли взглянуть на дом Гая. Понимая, что на такси туда ехать нельзя, он уже собирался спросить у кого-нибудь дорогу, как вдруг осознал, что хочет женщину. Он хотел женщину так остро, как никогда прежде, и это его несказанно обрадовало. Ему ничего такого не хотелось с самого приезда в Санта-Фе, хотя Уилсон дважды втягивал его в шуры-муры. Бруно развернулся и пошел к стоянке такси — таксисты обычно в курсе таких дел. Его аж трясло, так хотелось женщину! От желания выпить так не трясет.

— А я не знаю, — протянул веснушчатый малый, опиравшийся на дверь своего автомобиля.

— Как это не знаете?!

— А вот так. Не знаю, и все.

Бруно отошел в раздражении.

Другой таксист встретил его любезней. Он

написал на обороте визитки пару имен и адрес — совсем рядом, можно дойти пешком.

13

Прислонившись к стене у кровати в своем номере в «Монтекарло», Гай наблюдал, как Анна листает страницы его семейного альбома. Миновали два прекрасных дня, завтра уезжать в Меткалф, потом во Флориду. Пришла телеграмма от мистера Брилхарта: проект все еще его ждет. Впереди шесть месяцев работы, а потом, в декабре, он начнет строительство их собственного дома. Теперь у него будут на это деньги. И на развод тоже.

— Знаешь, — тихо признался Гай, — если бы с Палм-Бич не вышло, если бы мне завтра пришлось возвращаться в Нью-Йорк и искать работу, я бы смог — и взялся бы за что угодно.

Но, едва сказав это, он подумал, что именно проект в Палм-Бич давал ему смелость, кураж, движущую силу — словом, без этой перспективы дни, проведенные здесь с Анной, принесли бы ему не радость, а лишь чувство вины.

— Но тебе же не придется, — ответила Анна, склоняясь над альбомом.

Гай улыбнулся. Он понимал, что она почти не

слушает. И на самом деле говорить это было бессмысленно — Анна и так все знала. Он тоже стал смотреть в альбом, называть ей людей, о которых она спрашивала, посмеиваясь, наблюдать, как она разглядывает разворот с его фотографиями с младенчества и лет до двадцати. На всех этих фотографиях он улыбался, черные вихры обрамляли лицо, и лицо это было куда беззаботней, чем сейчас.

— Ну как? Я здесь счастливый?

— И очень красивый. — Анна подмигнула ему. — А Мириам тут есть?

Она провела большим пальцем по краешкам оставшихся страниц.

— Нет.

— Я ужасно рада, что ты привез этот альбом.

— Мама мне шею свернет, если узнает. — Гай убрал альбом в чемодан, чтобы случайно не забыть. — Это самый гуманный способ знакомства с родственниками.

— Гай, я тебя совсем замучила?

Его повеселил ее извиняющийся тон.

— Нет, что ты! Я всегда был только рад!

Он сел рядом и притянул ее к себе. Анна успела познакомить его со всеми своими многочисленными родственниками на воскресных обедах и

праздниках у Фолкнеров — по двое, по трое, а то и по десятку за раз. У них даже была семейная шутка по поводу того, сколько Фолкнеров, Уэдделов и Моррисонов собралось в штате Нью-Йорк и на Лонг-Айленде. Гаю нравилось, что у нее так много родни. Он провел в доме Фолкнеров прошлое Рождество — самое веселое Рождество в жизни. Он поцеловал Анну в обе щеки, потом в губы. Опустив голову, он заметил на покрывале ее рисунки, сделанные на гостиничной бумаге для писем, и стал рассеянно собирать их в аккуратную стопку. Анна набросала некоторые идеи, на которые ее вдохновил сегодняшний поход в Национальный музей. Линии были черные и уверенные, как на его собственных эскизах.

— Я тут думал о нашем доме…

— И ты хочешь, чтобы он был большим.

Гай улыбнулся.

— Да.

— Значит, построим большой.

Она уютно устроилась в его объятиях, и оба хором вздохнули. Она засмеялась, и он прижал ее к себе.

Впервые они согласились по поводу размера дома. Гай представлял его в форме буквы «У», и именно вопрос необходимости выдающегося

вперед крыла вызывал между ними споры. По мнению Гая, без переднего крыла идея теряла весь интерес. Конечно, это обойдется больше, чем в двадцать тысяч, но Гай рассчитывал на многочисленных частных клиентов, которые появятся у него после завершения «Пальмиры». Наверняка будет много срочных, хорошо оплачиваемых проектов. Анна говорила, что ее отец будет рад подарить это крыло им на свадьбу, но для Гая принять такой подарок было бы так же немыслимо, как и отказаться от идеи крыла совсем. Он смотрел на коричневый комод и видел сияющие белизной стены дома. Они вырастали из белой скалы, которую Гай приметил у городка Олтон на юге Коннектикута и давно задумал сделать основой своего жилища. Дом будет длинный, низкий, с плоской крышей. Он будет как кристалл, созданный алхимиком из горной породы.

— Можно так и назвать его — «Кристалл».

Анна задумчиво глядела в потолок.

— Я не люблю, когда домам дают имена. И «Кристалл» мне не очень нравится.

Гай почувствовал себя уязвленным.

— Да получше, чем «Олтон». Надо же придумать такое унылое имя! Вот она, Новая Англия! А в Техасе…

— Ладно, забирай свой Техас, а я оставлю себе Новую Англию, — со смехом перебила его Анна, не дав распалиться.

Потому что на самом деле ей нравился Техас, а он не имел ничего против Новой Англии.

Гай посмотрел на телефон со странным предчувствием, что сейчас прозвенит звонок. Голова слегка кружилась, будто он принял какой-то стимулятор, вызывающий эйфорию. Анна уверяла, что это от высоты, — у многих такое бывает в Мехико.

— У меня такое чувство, что я мог бы сегодня же позвонить Мириам и все уладить, — медленно проговорил он. — Что я смог бы найти правильные слова.

— Вот телефон, — ответила Анна совершенно серьезно.

Прошло несколько секунд, и она вздохнула.

— Который час? Я обещала маме вернуться к полуночи.

— Семь минут двенадцатого.

— Ты не проголодался?

Они заказали еду в номер. Принесенный омлет с ветчиной представлял собой неопределенную массу пунцового цвета, но на вкус был весьма неплох.

— Я рада, что ты посмотрел на Мехико. Я давно и хорошо знаю этот город и очень хотела, чтобы ты тоже узнал его. Он особенный. Он пробуждает ностальгию, как Париж или Вена. Сюда хочется вернуться вне зависимости от того, что с тобой здесь произошло.

Гай нахмурился. Как-то летом он побывал в Париже и Вене в компании канадского инженера Роберта Тричера. Оба тогда не имели ни гроша в кармане и, конечно, увидели совсем не те Париж и Вену. Гай опустил взгляд и стал рассматривать булочку, которую Анна намазала для него маслом. Иногда ему отчаянно хотелось самому прожить все впечатления Анны, узнать обо всем, что с ней происходило с самого раннего детства.

— В каком смысле — вне зависимости?

— Ну, то есть даже если ты там заболел. Или тебя ограбили. — Свет лампы маленькими полумесяцами отражался в дымчато-голубых глазах с темной каймой вокруг радужки, и от этого в ее лице Гаю виделась странная печаль. — Наверное, именно контрастами эти города так и привлекают. Как привлекательны люди, в которых чувствуется какой-нибудь поразительный контраст.

Гай застыл с чашкой кофе в руке. Что-то в

словах Анны или в настроении, с которым они прозвучали, заставило его почувствовать себя ущербным.

— Жаль, что во мне нет поразительных контрастов.

Анна расхохоталась знакомым веселым смехом, который приводил Гая в восторг всегда — пусть даже она смеялась над ним или вообще не объясняя причины.

Он бодро вскочил на ноги.

— А не желаешь ли пирога? Смотри, сейчас я наколдую пирог, как джинн. Чудесный пирог!

Он вынул из чемодана жестяную коробку из-под печенья. Мать испекла ему любимый ежевичный пирог, а он совсем забыл о нем.

Анна позвонила в бар и заказала какой-то особенный ликер, того же густого лилового цвета, что и начинка пирога. Его принесли в тонюсеньких бокалах — не больше пальца в обхвате. Едва официант ушел и они взялись за бокалы, резко и нервно зазвонил телефон.

— Наверное, мама, — предположила Анна.

Гай взял трубку. Сначала он услышал телефонистку, а потом знакомый голос — громкий, взволнованный и настойчивый. Это была не миссис Фолкнер, а его собственная мать.

— Алло?

— Здравствуй, мама.

— Гай, тут несчастье.

— С кем?

— С Мириам.

— И что с ней? — прижимая трубку к уху, Гай обернулся и увидел, как изменилось лицо Анны.

— Она погибла. Вчера… — Голос матери сорвался.

— Что случилось?

— Вчера вечером… — Мать говорила с расстановкой и такой настойчивой пронзительностью, какую Гай слышал в ее голосе лишь пару раз в жизни. — Вчера вечером ее убили.

— Убили?!

— Гай, что произошло? — спросила Анна, вставая.

— Вчера вечером на озере. Кто — неизвестно.

— Ты…

— Ты можешь приехать?

— Да, мама. Но как? — глупо спросил Гай, выкручивая в руках телефон, словно мог выжать из него ответы. — Как?

— Задушили. — Единственное слово повисло в тишине.

— Ты… Она…

— Гай, что там? — Анна взяла его за руку.

— Я скоро буду. Сегодня же. Не волнуйся. — Он повесил трубку и медленно повернулся к Анне. — Мириам погибла.

— Ее убили? — шепотом переспросила Анна.

Гай кивнул и вдруг подумал: наверняка какая-то ошибка. Если об этом просто написали в газетах, еще не значит…

— Когда?

Хотя в газеты это еще попасть не могло, это же случилось вчера вечером…

— Вчера.

— А известно — кто?

— Нет. Мне надо быть там.

— Господи…

Он посмотрел на Анну, неподвижно стоящую перед ним, и повторил оглушенно:

— Мне надо быть там.

Он потянулся к телефону, однако Анна сама позвонила в аэропорт и, бегло говоря по-испански, забронировала билет.

Гай начал укладывать вещи. Вещей у него было совсем немного, но почему-то на сборы ушло много времени. Глядя на коричневый комод, он припоминал, все ли ящики проверил. И на том самом месте, где только что его внутренний взор

радовал образ белоснежного дома, вдруг возникло хохочущее лицо Бруно — сперва изогнутый рот, а потом и все остальное. Бруно высовывал язык и сотрясался от беззвучного хохота. Гай встретился взглядом с Анной.

— Ты себя нормально чувствуешь? — спросила она обеспокоенно.

— Да, — ответил Гай и подумал, что вид у него наверняка прескверный.

14

А если это сделал Бруно? Разумеется, такого не может быть, но вдруг? Его поймали? А если он заявил, что они вместе спланировали убийство? От Бруно вполне можно подобного ожидать. Кто знает, что придет в голову невротичному ребенку!.. Гай пытался вспомнить все детали встречи в поезде, не сказал ли он в шутку, или со злости, или спьяну чего-то такого, что Бруно мог принять за согласие участвовать в его бредовом замысле. Нет, не сказал. И тем не менее в письме, которое Гай помнил наизусть, Бруно говорил: «…не могу выкинуть из головы нашу идею двойного убийства. Это вполне осуществимо. Вы даже не представляете, насколько я в этом уверен!» За окном самолета была чернота. Почему он почти не нервничает? Впереди в тусклом цилиндре самолета вспыхнул огонек спички — кто-то закурил. По салону потянулся запах мексиканского табака, едкий и тошнотворный. Гай посмотрел на часы — двадцать пять минут пятого.

Ближе к рассвету он уснул, убаюканный неровным гулом двигателей, которые будто стремились

разорвать самолет, разорвать мысли и развеять обрывки по ветру. А когда проснулся, его встретило пасмурное утро и новая мысль: Мириам убил любовник. Это было так просто, так очевидно. Они поссорились, и он ее задушил. Подобные истории часто попадали в газеты, и фигурировали в них, как правило, женщины вроде Мириам. Вот, к примеру, статья на передовице мексиканской бульварной газетенки «Эль Графико». Гаю не удалось найти в аэропорту американской прессы, хотя он искал так упорно, что едва не опоздал на самолет. Пожалуйста, фотография: убийца скалит зубы и держит нож, которым зарезал свою любовницу. Статья наскучила Гаю на втором абзаце.

В аэропорту Меткалфа его встретил человек в штатском и попросил разрешения задать ему несколько вопросов. Вместе они сели в такси.

— Убийцу поймали? — первым делом спросил Гай.

— Нет.

У человека в штатском был изможденный вид, похоже, он не спал всю ночь — как и все прочие, собравшиеся в старом здании суда: репортеры, клерки, полицейские. Гай оглядел большой, обшитый деревом зал в поисках Бруно, сам не отдавая себе в этом отчета. Он закурил, кто-то

поинтересовался, что это за сигареты, и Гай любезно протянул раскрытую пачку. Это были сигареты «Бельмонт», которые он прихватил у Анны, собирая вещи.

— Гай Дэниэл Хэйнс, проживает по адресу семьсот семнадцать, Эмброуз-стрит, Меткалф… Когда вы покинули Меткалф?.. А когда приехали в Мехико?

Заскрипели стулья, защелкала бесшумная пишущая машинка.

Подошел другой полицейский, с бляхой и в штатском. Пиджак на его толстом брюхе был расстегнут.

— Зачем вы ездили в Мехико?

— К друзьям.

— К кому именно.

— К Фолкнерам. К семье Алекса Фолкнера из Нью-Йорка.

— Почему вы не сообщили матери, куда едете?

— Я сообщил.

— Она не знала, где именно в Мехико вы остановились, — ровным тоном проговорил полицейский и заглянул в свои записи. — В воскресенье вы написали жене, требуя развода. Она вам ответила?

— Она хотела со мной встретиться.

— Но вы ведь не хотели с ней больше встречаться? — спросил чей-то тенорок.

Гай посмотрел на молодого полицейского и промолчал.

— Ребенок был ваш?

Гай раскрыл рот, но его перебили:

— Зачем вы встречались с женой на прошлой неделе?

— Вам же был очень нужен развод, мистер Хэйнс?

— Вы любите Анну Фолкнер?

Смех.

— Вам известно, что у вашей жены был любовник. Вы ревновали?

— Развод ведь зависел от этого ребенка?

— Довольно! — приказал кто-то.

Ему сунули под нос фотографию, и на секунду у Гая поплыло перед глазами от гнева. Темные волосы, длинное красивое лицо, глупые карие глаза, раздвоенный подбородок… Это лицо вполне могло принадлежать киноактеру, и не было необходимости пояснять Гаю, что это любовник Мириам. Человек с подобным лицом приглянулся ей три года назад.

— Нет, — ответил Гай на последние два вопроса сразу.

— Вы с ним когда-нибудь разговаривали?

— Все, довольно!

Гай горько улыбнулся, чувствуя, что может расплакаться, как младенец. Выйдя из здания суда, он поймал такси и по дороге к дому прочел двойную колонку на передовице местной газеты.

УБИЙЦА ДЕВУШКИ ВСЕ ЕЩЕ НЕ НАЙДЕН

12 июня. Продолжаются розыски человека, убившего жительницу нашего города, миссис Мириам Джойс Хэйнс. В воскресенье вечером неизвестный задушил ее на острове Меткалф-Айленд.

Сегодня в город прибыли два дактилоскописта, они проведут классификацию отпечатков пальцев, снятых с весел и лодок на озере. Однако есть опасения, что отпечатки, которые удалось снять, недостаточно четкие и ничем не помогут следствию. По версии властей, в городе может орудовать маньяк. Пока у полиции нет никаких улик, кроме смазанных отпечатков пальцев и нескольких следов на земле.

Наибольшие надежды следствие возлагает на показания тридцатилетнего

Оуэна Маркмена, портового рабочего из Хьюстона, который находился в близких отношениях с покойной.

Погребение миссис Хэйнс состоится сегодня на Ремингтонском кладбище. Процессия отправится от бюро ритуальных услуг Хауэлла на Колледж-авеню в два часа пополудни.

Гай снова закурил — одну сигарету от другой. Руки еще тряслись, но чувствовал он себя уже получше. Ему не приходила в голову версия о маньяке. В таком случае гибель Мириам можно считать трагической случайностью.

Мать сидела в своем любимом кресле-качалке, прижав к виску носовой платок. Гай обнял ее и поцеловал в щеку, с облегчением заметив, что она не плакала.

— Вчера я провела весь день с миссис Джойс. Но пойти на похороны не могу. Просто не могу.

— Не нужно, мама.

Гай взглянул на часы. На мгновение ему вдруг представилось, что Мириам пытаются похоронить живьем, что она вскакивает в гробу и вопит. Он отвернулся и провел рукой по лбу.

— Миссис Джойс спросила меня, не знаешь ли

ты чего-нибудь об убийце, — тихо произнесла мать.

Гай знал, что миссис Джойс его терпеть не может, и сам ненавидел ее за то, что она могла наговорить его матери.

— Больше с ней не встречайся, мама. Не надо.

— Ты прав.

— Спасибо, что сходила к ним вчера.

Поднявшись к себе, он обнаружил на письменном столе три письма и небольшую квадратную бандероль с логотипом магазина в Санта-Фе. Внутри лежал узкий плетеный ремень из кожи ящерицы с серебряной пряжкой в виде буквы X. К ремню прилагалась записка:

Потерял вашего Платона по дороге на почту. Примите в качестве компенсации.

Чарли

Гай взял надписанный карандашом конверт, отправленный из отеля в Санта-Фе. В нем лежала небольшая визитка. На одной ее стороне было напечатано:

ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД МЕТКАЛФ

Гай перевернул визитку и механически про-

чел:

ТАКСИ ДОНОВАН
КРУГЛОСУТОЧНЫЙ СЕРВИС
В ЛЮБУЮ ПОГОДУ
ЗВОНИТЕ 2–3333
БЕЗОПАСНОСТЬ,
СКОРОСТЬ, ВЕЖЛИВОСТЬ

Снизу виднелась стертая карандашная приписка, Гай смог разобрать лишь одно слово: Джинни. Визитка местной таксомоторной компании была отправлена из Санта-Фе. Что ж, это еще ничего не значит и ничего не доказывает. И все же Гай изорвал в клочки и конверт, и визитку, и упаковку от бандероли. В приступе отвращения к Бруно вслед за обрывками бумаги он отправил в мусорную корзину и ремень, и коробку. Да, ремень был красивый, но Гай на дух не переносил кожу змей и ящериц.

Вечером из Мехико позвонила Анна, она хотела знать все, что с ним произошло. Гай рассказал.

— И что же, нет вообще ни одного подозреваемого?

— Похоже на то.

— У тебя усталый голос. Ты хоть немного отдохнул?

— Пока нет.

Он не мог разделить с ней свои опасения по поводу Бруно. Мать говорила, что в его отсутствие ему дважды звонил какой-то человек, и у Гая не было никаких сомнений, кто это. Но не стоило ставить в известность Анну, по крайней мере, пока у него нет твердой уверенности. К тому же он не представлял, как начать.

— Мы только что отправили письменные показания, что ты находился здесь с нами.

В полиции Гай просил обратиться к Фолкнерам за подтверждением его алиби.

— Следствие наведет справки, и все будет хорошо.

Но остаток вечера он переживал, что не выложил Анне все начистоту. Его остановило даже не желание уберечь ее от жутких подробностей, а смутное и невыносимое чувство личной вины.

Ходили слухи, что Оуэн Маркмен не хотел жениться на Мириам после выкидыша и что она подала на него в суд за нарушение обещания. А выкидыш действительно произошел случайно. Мать Гая слышала от миссис Джойс, что Мириам споткнулась о край своей любимой шелковой ночной сорочки, которую подарил ей Оуэн, и упала с лестницы. Гай безоговорочно поверил в

эту историю. В сердце впервые возникла жалость по отношению к Мириам. Теперь она представлялась ему несчастной и совершенно невинной жертвой.

15

— Не более семи метров и не меньше четырех, — ответил важный и самодовольный молодой человек, выступавший свидетелем. — Нет, я никого не заметил.

— Метров пять, — предположила девушка по имени Кэтрин Смит, перепуганная так, словно убийство произошло только что. — Может, чуть побольше, — добавила она тихонько.

— Около десяти метров, — заявил Ральф Джойс, брат Мириам. — Я первым сел в лодку.

У него были такие же рыжие волосы и серо-зеленые глаза, как у сестры, но все внешнее сходство терялось из-за тяжелого прямоугольного подбородка.

— Сомневаюсь, что у нее есть враги, — продолжил он. — Такие, которые могли бы ее убить.

— Я ничего не слышала, — искренне заверила Кэтрин Смит.

Ральф Джойс и Ричард Шулер подтвердили: до них не донеслось ни звука.

От многочисленных повторений эти факты утратили для Гая ужас и драматизм, преврати-

лись в глухие удары молота, навечно забивающие произошедшее в память. Поразительно, в момент убийства три человека находились буквально в двух шагах от Мириам. Только маньяк осмелился бы подойти так близко.

— Вы были отцом ребенка, которого потеряла миссис Хэйнс?

— Да.

Оуэн Маркмен сидел сгорбившись и опираясь на руки с переплетенными пальцами. Вживую он смотрелся не так сногсшибательно, как на фотокарточке — все портил угрюмый и перепуганный вид. Он был в грубых серых сапогах из оленьей кожи, словно явился в суд прямо с работы в хьюстонском порту. Гай подумал, что Мириам бы этого не одобрила.

— Вы знаете, кто мог желать смерти миссис Хэйнс?

— Да. — Маркмен ткнул пальцем в сторону Гая. — Вот он.

Все посмотрели на Гая. Он сидел выпрямившись и глядя Маркмену в глаза. Впервые он всерьез заподозрил в убийстве именно любовника.

— И какова же причина?

Оуэн Маркмен долго мялся, бормоча что-то нечленораздельное, и наконец выжал из себя:

— Ревность.

Он не смог назвать ни одного правдоподобного довода в пользу своих слов, однако потом обвинения в ревности посыпались со всех сторон. Даже перепуганная Кэтрин промямлила:

— Наверное, он ревновал.

Адвокат Гая усмехнулся. В руках у него было письменное свидетельство от Фолкнеров. Эта усмешка вывела Гая из себя. Он на дух не переносил адвокатов и все, что с ними связано. Судебный процесс он считал жестокой игрой, в которой ставят цель не выяснить правду, а поймать оппонента на какой-нибудь мелкой формальности и любой ценой настоять на своей правоте.

— Вы отказались от важного проекта… — начал коронер.

— Я не отказался, — поправил Гай. — Я снял свою кандидатуру прежде, чем проект был мне предложен.

— Вы телеграммой отправили свой отказ, не желая, чтобы жена поехала за вами. Но когда, находясь в Мехико, вы узнали о выкидыше, вы отправили в Палм-Бич еще одну телеграмму, уже с согласием. Почему?

— Потому что знал, что после потери ребенка она за мной не поедет. Я подозревал, что она хо-

чет бесконечно тянуть с разводом. Тем не менее я намеревался встретиться с ней и обсудить этот вопрос.

Его адвокат недовольно поджал губы. Он рекомендовал Гаю не упоминать развод в связи с внезапной переменой своего решения. Однако Гай собирался говорить правду, а дальше пусть делают с этой правдой что хотят.

— Как по-вашему, миссис Джойс, муж вашей дочери способен пойти на убийство?

— Да, — ответила миссис Джойс, слегка вздрогнув. Ее темно-рыжие ресницы были, по обыкновению, опущены, чтобы никто не видел направление ее взгляда. — Он хотел развода.

В ее словах отметили противоречие: только что она утверждала, что ее дочь хотела развестись, но Гай не давал согласия, потому что все еще любил ее.

— Если оба хотели развода — а мистер Хэйнс только что заявил о своем желании, — почему они до сих пор не расторгли брак?

В зале послышались смешки. Два приглашенных дактилоскописта не могли сойтись во мнениях по поводу классификации отпечатков. Продавец скобяных товаров, в магазин которого Мириам заходила накануне смерти, затруднился

определить пол ее спутника, а когда признался, что ему велели отвечать: «С ней был мужчина», — это признание потонуло во взрыве хохота. Адвокат Гая произнес страстную речь о том, что его подзащитный находился в сотнях миль от места событий, о том, что несколько человек подтвердили его алиби, о том, что семейство Джойсов путается в показаниях — но Гай был уверен, что лишь его собственная искренность и прямота очистили его от всех подозрений.

В заключительной речи коронер предположил, что убийство совершено маньяком, вердикт был вынесен в отношении «неизвестного лица или лиц», и дело передали полиции.

На следующий день, как раз когда Гай выходил из дома, ему принесли телеграмму следующего содержания:

НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ С ЗОЛОТОГО ЗАПАДА БЕЗ ПОДПИСИ

— Это от Фолкнеров, — быстро пояснил он матери.

Она улыбнулась.

— Передай Анне, чтобы хорошо заботилась о моем сыночке.

Она нежно притянула его к себе за ухо и поце-

ловала в щеку.

В аэропорт Гай приехал, все еще сжимая телеграмму Бруно в руке. Разорвав ее на мелкие части, он бросил их в проволочную корзину на краю поля. Обрывки бумаги проскочили сквозь ячейки и весело заплясали по залитому солнцем асфальту, как конфетти на ветру.

16

Бруно или нет? Гай долго мучился этим вопросом, но в конце концов перестал. Маловероятно, что убийца — Бруно. Визитка таксомоторной компании из Меткалфа ничего не доказывает. Бруно просто как-то раздобыл ее в Санта-Фе и отправил ему шутки ради. Коронер и полиция считают, что Мириам погибла от рук неизвестного психопата. Даже если маньяк ни при чем, разве не логично заподозрить Оуэна Маркмена?

Он выбросил из головы и Меткалф, и Мириам, и Бруно и целиком погрузился в работу над «Пальмирой». С первого дня стало ясно, что потребуются все его дипломатические таланты, все технические знания — и просто все физические силы. Из прошлого в сознании осталась лишь Анна, остальное было забыто, потому что прежние идеалистические мечты, отчаянная борьба за их воплощение, скромные успехи на этом поприще — все выглядело теперь смешным и жалким по сравнению с великолепным главным корпусом загородного клуба. И чем глубже Гай погружался в новое дело, тем явственнее становилось его

собственное преображение.

Фотокорреспонденты спешили запечатлеть главный корпус, бассейн, купальни и террасы в самом начале строительства. Снимали и членов клуба, инспектирующих стройку, и Гай знал: под каждой фотографией напечатают сумму, которую этот человек потратил на создание роскошного курорта.

Иногда Гай думал, что его энтузиазм объясняется несметным бюджетом, огромным пространством, изобилием великолепных материалов, лестным вниманием богатых людей, приглашавших его в свои дома. На приглашения Гай отвечал вежливым отказом. Он понимал, что, возможно, отталкивает от себя потенциальных клиентов, но был просто не в состоянии взвалить на себя светские обязанности, которые многие архитекторы считали чуть ли не частью своей работы. Вечерами, если ему хотелось компании, он садился в автобус и ехал к Кларенсу Брилхарту, жившему в нескольких милях от Пальмиры. Они ужинали, слушали музыку и беседовали. Высокий седовласый Кларенс Брилхарт прежде работал брокером, но отошел от дел. Гай ловил себя на мысли, что не отказался бы иметь такого отца. Его восхищало неизменное спокойствие Брилхарта,

как невозмутимо пожилой джентльмен ступал среди шума, гама и снующих туда-сюда рабочих, будто прогуливался по собственной лужайке. Гай надеялся стать похожим на него на склоне лет. Сам он всегда спешил и суетился, а в суете нет достоинства.

Обычно вечерами Гай читал, писал длинные письма Анне или просто ложился спать пораньше, ведь каждый день он вставал в пять утра и нередко до темноты орудовал мастерком или паяльной лампой. Почти всех рабочих он знал по именам. Ему нравилось искать связь — или ее отсутствие — между духом получавшихся зданий и темпераментом людей, их возводивших. «Я словно дирижирую оркестром», — писал он Анне. Когда спускались сумерки, Гай с удовольствием сидел в густой траве будущего поля для гольфа, курил трубку и любовался делом своих рук, четырьмя белоснежными домами. В эти минуты он чувствовал, что в проекте «Пальмира» все будет идеально. Он знал это, еще когда на мраморные опоры главного корпуса только начали класть перекрытия. Его универмаг в Питтсбурге испортил заказчик, в последний момент изменив решение по поводу витрин. Пристройку к чикагской больнице испортили карнизами из камня

более темного, чем было задумано. Но Брилхарт не допускал вмешательств в работу архитектора, и «Пальмира» будет идеальной.

В августе Гай поехал в Нью-Йорк повидаться с Анной. Она работала в дизайнерском отделе текстильной компании в Манхэттене, а осенью планировала открыть с коллегой собственное дело. Три дня они с Анной не вспоминали о Мириам. Перед самым отъездом в аэропорт они стояли у ручья за домом Фолкнеров.

— Как по-твоему, это сделал Маркмен? — спросила Анна ни с того ни с сего и добавила, когда он кивнул: — Я тоже почти уверена. Кошмар…

Однажды вечером Гай вернулся от Брилхарта в свою меблированную комнату и обнаружил в почтовом ящике два письма — от Бруно и от Анны. Бруно отправил свое из Лос-Анджелеса в Меткалф, а мать переслала его Гаю в Палм-Бич. В послании Бруно поздравлял Гая с получением работы, желал успеха и умолял ответить хоть словом. Снизу была приписка:

> «Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за письмо. Я много писал вам, но ничего не отправил. Звонил вашей матери, чтобы попросить ваш адрес, но она не дала

его. Гай, клянусь, волноваться не о чем, иначе я бы не пытался с вами связаться. Вы же сами понимаете, что осторожность в моих интересах! Напишите мне поскорей, а то я скоро уеду на Гаити. Ваш друг и поклонник. Ч.Э.Б.»

Тупая боль прошла по телу Гая с головы до ног. Он не мог оставаться в комнате наедине с собой, поэтому вышел в бар и не задумываясь выпил подряд две рюмки хлебной водки, а чуть погодя и третью. В зеркале за барной стойкой он увидел свое обгоревшее на солнце лицо и поразился тому, какие бесчестные и вороватые у него глаза. Мириам убил Бруно. Это знание обрушилось на Гая всем своим неподъемным весом, так что не осталось больше никаких поводов сомневаться. Оно было как стихийное бедствие, и только сумасшедший мог ухитриться не замечать его так долго.

Гай огляделся, будто ожидая, что стены маленького бара сейчас обрушатся. Бруно. Все сходится: он явно горд тем, что подарил Гаю свободу. Смысл постскриптума тоже понятен, как и причина внезапного отъезда. Гай мрачно посмотрел в глаза своему отражению, окинул взглядом тви-

довый пиджак, фланелевые брюки, и в голове у него пронеслась мысль, что он надел их утром одним человеком, а снимать будет уже другим. Человеком, которым отныне стал. Метаморфоза произошла в одно мгновение. Он еще не понял, что происходит, но уже не сомневался: его жизнь больше не будет прежней.

Раз он был уверен, что Бруно — убийца, почему не сдал его полиции? Что он испытывал по отношению к Бруно, кроме ненависти и отвращения? Страх?

Гай противился желанию позвонить Анне, пока не стало совсем поздно, и наконец в три часа ночи сдался. Лежа впотьмах, он спокойно беседовал с ней о всякой ерунде и один раз даже рассмеялся ее шутке. Анна не заметила произошедшей с ним перемены, и Гая это отчего-то уязвило и встревожило.

Мать написала, что снова звонил тот назойливый тип. Назвался Филом и просил дать ему адрес. Она беспокоилась, что этот человек может быть связан с убийством, и спрашивала, не пойти ли в полицию.

Гай написал ей:

«Выяснил, кто тебе названивает. Это

Фил Джонсон, один мой знакомый из Чикаго».

17

— Чарли, что это у тебя за вырезки?

— Да про друга одного, мам! — крикнул Бруно через дверь ванной.

Он включил воду посильнее, оперся на раковину и стал разглядывать никелированную пробку. Затем полез в корзину для белья, где под полотенцами была припрятана бутылка виски. Плеснул в бокал, добавил воды. От приятной тяжести бокала в руке дрожь чуть поутихла. Некоторое время он изучал серебряный галун на рукаве своего нового смокинга. Смокинг ему до того нравился, что Бруно носил его даже в качестве банного халата. Полюбовался своим лицом над закругленными лацканами. В зеркале отражался портрет молодого человека из высшего общества, сочетающего в себе бесстрашие и тягу к приключениям, отменное чувство юмора и способность к глубоким суждениям, силу и мягкость (посмотрите, с какой королевской небрежностью он удерживает бокал между большим и указательным пальцами) — молодого человека, ведущего двойную жизнь. Он выпил за себя.

— Чарли?

— Минуту!

Он загнанно огляделся. В ванной не было окна. В последнее время по утрам — иногда, может, пару раз в неделю — с ним случались странные приступы. Через полчаса после пробуждения что-то сдавливало грудь, душило… Он закрыл глаза, сделал вдох и резко выдохнул. Алкоголь начинал действовать: успокоил расшалившиеся нервы, будто погладив нежной рукой. Бруно расправил плечи и открыл дверь.

— Я брился.

Его мать в теннисных шортах и майке с открытой спиной склонилась над его незаправленной кроватью, на которой россыпью лежали вырезки.

— Кто эта женщина?

— Жена одного парня, с которым я познакомился в поезде из Нью-Йорка. Его зовут Гай Хэйнс. — Бруно улыбнулся, ему нравилось произносить это имя. — Правда, интересно? Убийцу так и не нашли.

— Наверное, маньяк, — вздохнула мать.

Бруно изменился в лице.

— О, вряд ли. Там все очень запутано.

Элси выпрямилась и сунула большие пальцы

за ремень шорт. От этого выпуклость под ремнем пропала, и на секунду мать предстала перед Бруно такой, какой он видел ее всю жизнь до прошлого года, — стройной и легкой, как двадцатилетняя девушка, от ключиц до тонких лодыжек.

— Симпатичный у тебя друг.

— Милейший парень. Жаль, что оказался втянут в эту историю. В поезде он говорил мне, что с женой не общается уже года два. Из него такой же убийца, как из меня! — Бруно ухмыльнулся и добавил: — Все равно она была прошмандовка…

— Милый! — Мать взяла его за украшенные галуном лацканы. — Ты можешь хоть немного последить за языком? Бабушка иногда в ужас приходит.

— Бабушка вряд ли знает слово «прошмандовка», — хрипло ответил Бруно.

Мать расхохоталась, запрокинув голову.

— Мам, ты слишком много бываешь на солнце. Мне не нравится, когда ты такая загорелая.

— А мне не нравится, когда ты такой бледный.

Бруно нахмурился. Больно было смотреть, какой дряблой сделалась кожа у нее на лбу. Он неожиданно поцеловал мать в щеку.

— Пообещай мне, что сегодня выйдешь на солнце хоть на полчасика. Люди за тысячи миль едут

в Калифорнию, чтобы позагорать, а ты сидишь в четырех стенах!

— Мам, тебе совсем не интересно слушать про моего друга?

— Интересно. Ты мне о нем ничего не рассказывал.

Бруно робко улыбнулся. Нет, не рассказывал. Он вел себя очень благоразумно. Сегодня он впервые позволил себе оставить вырезки на видном месте, потому что знал: им с Гаем ничто не угрожает. Если они с матерью немного поболтают о Гае, она наверняка тут же все забудет. А даже если не забудет, ничего страшного.

— Ты все прочитала? — спросил он, кивнув на кровать.

— О, нет, конечно. Сколько ты выпил с утра?

— Одну рюмашку.

— А я чую две.

— Ладно, мам, две рюмашки.

— Милый, не пил бы ты по утрам. Когда пьешь с утра — это конец. Я повидала много алкоголиков…

— Какой алкоголик? — Бруно стал неспешно прохаживаться по комнате. — Да, я пью чуть побольше, зато, сама говоришь, у меня и настроение лучше, и аппетит. Виски — очень чистый

напиток, некоторым на пользу.

— Вчера ты перебрал, и бабушка это заметила. Не думай, что она ничего не замечает.

— Давай не будем про вчерашний вечер, — отмахнулся Бруно.

— Сэмми сегодня придет. Одевайся и выходи на корт, посуди.

— Сэмми у меня в печенках.

— Обещай, что хоть чуточку позагораешь, — как ни в чем не бывало сказала мать, направляясь к двери.

Бруно облизнул сухие губы и не ответил на ее улыбку. На него вдруг опустилась черная туча, и захотелось бежать, бежать, пока не поздно. Увидеть Гая, пока не поздно! Избавиться от отца, пока не поздно! У него столько дел! Нельзя тратить время здесь, в бабушкином доме, обставленном, как и его собственный, в стиле Людовика Пятнадцатого, в вечном стиле Людовика Пятнадцатого! Бруно хотел бежать, но не знал куда; он не любил разлучаться с матерью. Он кусал губу и хмурился, маленькие серые глаза смотрели в пустоту. Неприятно, что она запрещает ему пить по утрам. Утром выпивка нужнее всего. Он потянулся, сделал несколько круговых движений плечами… Почему такое плохое настроение?

Все эти вырезки — про него. Неделя шла за неделей, идиотам в полиции утерли нос! Отпечатки подошв — вот и все их улики, а ботинки те он давно выкинул! На днях они с Уилсоном кутили в отеле в Сан-Франциско; сейчас Бруно отпраздновал бы с куда большим размахом — если б только с ним был Гай. Идеальное убийство! Многие ли способны провернуть идеальное убийство на острове в окружении сотен людей?

И он не из тех болванов, про которых в газетах пишут, — тех, кто убивал, «чтобы посмотреть, каково это». Тех, кому после и сказать нечего, разве только пожаловаться, что их сразу стошнило и что «вышло не так здорово, как мне думалось». Вот если бы у него брали интервью, он бы воскликнул: «Это было восхитительно! Лучше некуда!» («И вы готовы сделать это еще раз, мистер Бруно?») «Вероятно», — предположил бы он уклончиво, как полярный исследователь в ответ на вопрос, готов ли он провести еще одну зиму во льдах. («А что вы чувствовали?») Он бы наклонил поближе микрофон, поднял глаза к потолку и немного поразмыслил. Пусть мир затаит дыхание. Что он чувствовал? «Видите ли, такое не сравнить ни с чем. Вы же понимаете, она все равно была бесконечно дурная женщина. Можно

сказать, я убил горячую маленькую крысу, только это была женщина, и лишь потому говорят про убийство». Само тепло ее тела внушало ему отвращение. Когда дело было сделано, у него мелькнула мысль, что теперь ее тело перестанет излучать тепло, и она станет такой, какой была на самом деле, — холодной и уродливой. («Вы говорите — уродливой, мистер Бруно?») Да, именно так. («То есть вы считаете, что труп человека уродлив?») Бруно сдвинул брови. Нет, на самом деле он не считает, что трупы всегда уродливы. Но если это труп дурного человека вроде Мириам, то людей должно радовать такое зрелище. («А власть, мистер Бруно?») О да, власть, власть была упоительна! Своими руками он отнял жизнь. Никто не знает, что такое жизнь, ее ценят превыше всего, а он взял и отнял. В миг, когда она перестала трепыхаться, все лишнее — опасность, страх, боль в пальцах — исчезло, осталось лишь величие момента, таинство прекращения жизни. Кругом превозносят таинство рождения, но в чем тут тайна?! Соединились две зародышевые клетки — и вот вам новая жизнь! Зато смерть — это тайна! Почему женщина прекратила существовать оттого, что он подержал ее за горло? И что вообще такое жизнь? Что чувствовала

Мириам, когда он разжал хватку? Где она в это время находилась? Нет, он не верит в загробную жизнь. Ах, какое могло бы получиться интервью! («А вы хотели убить именно женщину?») Откуда взялся этот вопрос? На секунду Бруно растерялся, но быстро вернул себе присутствие духа. Да, он был очень рад убить именно женщину. Нет, он не искал в этом сексуального удовлетворения. Нет, он не испытывает ненависти к женщинам вообще. Отнюдь нет! От любви до ненависти один шаг. Чей это афоризм? Так вот, он так никогда не думал. Одним словом, ему просто было приятно убить женщину, убийство мужчины не принесло бы такого удовольствия. Разве что убийство папаши.

Телефон…

Он обнаружил, что стоит, слепо уставившись на телефонный аппарат. Любой попавшийся на глаза телефон напоминал о Гае. Бруно мог бы выяснить его номер хоть сейчас, потребовалась бы всего пара звонков правильным людям. Но Гаю это не понравится. Наверняка он еще нервничает. Следует дождаться ответного письма. Оно придет со дня на день, ведь Гай должен был получить его послание в конце прошлой недели. Для полного счастья Бруно не хватало лишь

одного — возможности услышать голос друга, слова благодарности. Они теперь связаны вместе крепче родных братьев. Многие ли любят братьев так же, как он любит Гая?

Бруно вышел на балкон и оперся на узорную кованую ограду. Утреннее солнце припекало и в самом деле приятно. Под окнами до самого океана простиралась зеленая лужайка, широкая и ровная, как поле для гольфа. По ней в белом теннисном костюме и с ракетками под мышкой шествовал Сэмми Франклин. Сэмми, грузный и рыхлый, как потерявший форму боксер, напоминал Бруно еще одного голливудского актеришку, увивавшегося за матерью три года назад. Того звали Александр Фиппс. И почему он вообще запоминает их дурацкие имена? Сэмми хохотнул, протягивая руку матери. На секунду в Бруно всколыхнулась старая неприязнь. *Merde.*[9] Он презрительно окинул взглядом широкую задницу в белых фланелевых штанах и решил полюбоваться на что-нибудь другое. Через живую изгородь перелетели два пеликана и плюхнулись на траву. Вдалеке над голубыми волнами плыл парус. Три года назад Бруно умолял бабушку ку-

---

[9] Примечания: 9
Merde *(фр.).* — дерьмо.

пить яхту, и вот яхта стоит на приколе…

Из-за покрытого бежевой штукатуркой угла дома доносился стук теннисного мяча. Внизу забили часы, и Бруно поспешил уйти с балкона, чтобы не знать, сколько времени. Он предпочитал нарочно не смотреть на часы и узнавать, который час, как можно позже, чтобы время шло быстрее. Если в полуденной почте не будет письма от Гая, пожалуй, он прокатится на поезде в Сан-Франциско. Хотя от Сан-Франциско у него остались неприятные впечатления. Уилсон притащил в отель пару своих приятелей-итальяшек. Бруно платил за все обеды и выпивку, а еще они звонили в Чикаго из его номера. Отель вписал в счет два звонка в Меткалф, хотя Бруно звонил только один раз, это он точно помнил. В день отъезда ему не хватило двадцати долларов, а поскольку счета в банке у него не было, отель — между прочим, называющий себя лучшим в городе — не отдавал Бруно багаж, пока мать не перевела деньги. Нет, ноги его не будет в Сан-Франциско.

Из-за двери послышался приятный высокий голос бабушки:

— Чарли?

Изогнутая дверная ручка дрогнула. Бруно непроизвольно метнулся к россыпи вырезок на

кровати, но тут же повернул в ванную и насыпал в рот зубного порошка. Бабуля могла почуять запах выпивки за версту, как проповедник сухого закона на Клондайке.

— Ну, ты готов со мной позавтракать?

Бруно вышел из ванной, проводя гребенкой по волосам.

— Ого, принарядилась!

Нетвердым шагом она прошлась туда-сюда, как манекенщица, демонстрируя платье из черного гипюра, положенного на розовый атлас. Бруно подумал, что кружевной узор напоминает кованую балконную ограду, и сказал одобрительно:

— Ты прямо как балкон.

— Спасибо, Чарли. Я собираюсь в город после завтрака. Не хочешь ли составить мне компанию?

— Пожалуй. Даже с удовольствием, — добродушно ответил Бруно.

— Так вот кто искромсал мне все газеты! А я уж думала на прислугу. Ну и рано же ты встаешь.

— Да, раненько.

— Во времена моей юности мы вырезали из газет стихи и вклеивали в альбомы. Собирали в этих альбомах всякую всячину. А ты что будешь делать?

— Да просто сохраню.

— Не в альбоме?

— Нет.

Бабушка смотрела на него, а Бруно хотелось, чтобы она посмотрела на вырезки.

— Ах, какой ты еще маленький! — Она ущипнула его за щеку. — И борода толком не растет! Напрасно твоя мать волнуется…

— Она не волнуется.

— …надо просто дать тебе время повзрослеть. Ну, пойдем завтракать. Давай прямо в пижаме.

На лестнице Бруно подставил локоть, чтобы бабушка на него оперлась.

— Хочу быстренько пробежаться по магазинам, — говорила она, наливая ему кофе, — а потом можно пойти куда-нибудь развеяться. Например, в кино на фильм хороший — какой-нибудь с убийством. Или в парк с аттракционами. Я сто лет не каталась на аттракционах.

Бруно вытаращил глаза, а бабушка продолжала, не замечая:

— Что тебе больше по душе? Посмотрим на киноафиши, когда приедем, и…

— Давай лучше на аттракционы, ба.

Они хорошо съездили. Бруно помогал ей сесть в автомобиль, открывал перед ней двери, водил

ее по парку аттракционов — хотя ей там мало что можно было съесть и мало куда пойти. Однако на чертовом колесе они прокатились. Бруно описывал бабушке, какое огромное чертово колесо в Меткалфе, но она не спросила, когда он там побывал.

Когда они вернулись, Сэмми Франклин все еще торчал в доме — решил остаться на ужин. Едва увидев его, Бруно сделался мрачнее тучи. Он знал, что бабушка тоже на дух не переносит Сэмми, и вдруг проникся к ней нежностью за то, как безропотно она терпит этого типа — и весь прочий сброд, который мать тащит в дом. И чем же они тут занимались целый день? Ах, в кино ходили, на фильм, в котором играл Сэмми… Кстати, тут письмо пришло, лежит на столе в комнате.

Бруно помчался к себе наверх. Письмо было из Флориды. Он разорвал конверт дрожащими руками. Ни одно письмо он не ждал с таким нетерпением — даже писем от матери в школьном лагере.

6 сентября

Дорогой Чарльз,

я не понимаю вашего послания и, признаться, вашего ко мне интереса. Мы с

вами едва знакомы, но я успел прийти к выводу, что между нами нет ничего общего, а потому мы едва ли можем быть друзьями. Я попрошу вас больше не звонить моей матери и не искать общения со мной.

Спасибо, что пытались вернуть мне книгу. Ее потеря не имеет никакого значения.

Гай Хэйнс

Бруно поднес письмо к глазам и перечитал, не в силах поверить. Острым языком облизнул верхнюю губу. Это было как горе, как смерть. Хуже смерти! Он обвел комнату ненавидящим взглядом, вся ее обстановка ему претила. А потом боль собралась в груди, и неожиданно для себя он заплакал.

После ужина у них с Сэмми вышел спор о вермутах. Сэмми утверждал, что чем суше вермут, тем больше его надо лить в мартини, хотя сам он, мол, не большой любитель мартини. Бруно на это ответил, что он тоже не большой любитель мартини, но прекрасно знает, как нужно делать коктейль. Кто прав, они выясняли долго и продолжали спорить даже после того, как бабушка

пожелала всем спокойной ночи и удалилась. Они втроем пошли на темную верхнюю террасу, мать села на качели, а Сэмми с Бруно встали у парапета. В горячке спора Бруно сбегал вниз, в бар, и принес все составные части для мартини. Оба смешали коктейль по своему методу и попробовали — и хотя было совершенно очевидно, что прав Бруно, Сэмми продолжал настаивать на своем, фальшиво хихикая.

Бруно окончательно вышел из себя.

— Поезжай в Нью-Йорк и научись там хоть чему-нибудь! — проорал он.

Мать только что ушла, оставив их вдвоем на террасе.

— Да ты сам не знаешь, что несешь! — В лунном свете толстая рожа Сэмми стала желто-сине-зеленой, как горгонзола. — Ты ж весь день пьяный! Ты ж…

Бруно схватил его за грудки и нагнул спиной над парапетом. Сэмми сучил ногами, рубашка на нем разошлась. Когда он кое-как сумел выскользнуть из хватки Бруно, в лице у него не осталось ничего синего, оно теперь было желто-белым.

— Ты в своем уме?! — взвыл он. — Сбросить меня хотел?!

— Ничего и не хотел! — крикнул Бруно еще

громче.

У него вдруг снова перехватило дыхание, совсем как по утрам. Он спрятал потные, негнущиеся руки. Он ведь уже совершил убийство, разве нет? К чему второе? Но он прямо видел, как извивается Сэмми на острых прутьях ограды внизу, и там этому мерзавцу было самое место. Сэмми остервенело мешал себе выпивку в бокале. Еле держась на ногах, Бруно ушел с террасы в дом через стеклянные двери.

— Да вали! — крикнул Сэмми ему вслед.

Голос у него так дрожал, что Бруно испугался. Матери он не сказал ни слова, молча прошел мимо и стал осторожно спускаться по лестнице, обеими руками держась за перила. Он проклинал звенящую, ноющую, неостановимую круговерть в голове, проклинал зачем-то выпитый мартини.

Мать вошла в гостиную вслед за ним.

— Что ты сделал с Сэмми?

— А че я с ним сделал-то?

Ее фигура была размытым пятном. Бруно отмахнулся от нее и с размаху рухнул на диван.

— Чарли, вернись и попроси прощения!

Белое пятно вечернего платья подплыло ближе, у лица возникла смуглая ладонь.

— Ты с ним спишь? Ты с ним спишь?

Он знал, что стоит ему прилечь, как он тут же отключится, поэтому лег и уже не почувствовал ее прикосновения.

18

За месяц, прошедший с возвращения в Нью-Йорк, все беспокойство Гая, все накопившееся недовольство собой, работой, Анной — все собралось и обратилось на Бруно. Именно из-за Бруно он теперь с отвращением смотрит на фотографии проекта «Пальмира», именно из-за Бруно, а вовсе не из-за недостатка заказов он не находит себе места. Именно из-за Бруно он так глупо поругался с Анной, уговаривавшей его снять офис получше или хотя бы купить новую мебель и ковер в тот, что есть. Именно Бруно заставил его выпалить, что он не считает себя успешным архитектором и что «Пальмира» ничего не значит. Именно из-за Бруно Анна молча развернулась и ушла, из-за Бруно Гай медлил, пока за ней не закрылись двери лифта, а потом со всех ног мчался восемь лестничных пролетов, догнал ее и умолял о прощении.

И кто знает, может, и в самом деле из-за Бруно у него сейчас нет работы? Возведение зданий — процесс глубоко одухотворенный. Гай долго таил в своей душе знание, что Бруно — убийца,

и этим в какой-то мере осквернил себя. Он чувствовал на себе черное пятно. Он сознательно решил ничего не делать и ждать, когда полиция сама нападет на след Бруно. Однако неделя шла за неделей, а Бруно оставался на свободе, и Гаю не давала покоя мысль, что он должен вмешаться. Но он не мог заставить себя обвинить человека в убийстве, к тому же у него еще оставалось безосновательное, но при этом неистребимое сомнение в том, что Мириам убил именно Бруно. Временами сама идея того, что его случайный попутчик мог совершить такое преступление, казалась слишком фантастичной. Пожалуй, Гай не перестал бы сомневаться, даже если бы Бруно прислал ему чистосердечное признание. И все же он был практически уверен. Уверенность подкреплялась тем, что у полиции до сих пор не нашлось ни одного подозреваемого. Бруно верно говорил: попробуй вычисли убийцу, у которого нет мотива.

После требования Гая оставить его в покое Бруно умолк на всю осень. Но перед самым отъездом из Флориды от него пришло сдержанное послание: в декабре он возвращается в Нью-Йорк и надеется на встречу с Гаем.

Гай не имел намерения с ним встречаться. И

все же его не оставляла тревога — тревога обо всем и ни о чем, и в первую очередь о работе. Анна просила его набраться терпения. Напоминала, что во Флориде он сделал себе имя. Она щедрее прежнего одаривала его нежностью и поддержкой, в которых он сейчас так нуждался, однако в минуты самого сильного уныния и злости он чувствовал себя не вправе принимать их.

Однажды в середине декабря Гай сидел в офисе и разглядывал наброски будущего дома в Коннектикуте, когда вдруг зазвонил телефон.

— Привет, Гай. Это Чарли.

Гай узнал голос и напрягся всем телом, как перед дракой.

Но в двух шагах от него сидел коллега, Майерс.

— Как поживаете? — тепло поинтересовался Бруно. — С Рождеством вас.

Гай молча положил трубку на рычаг и бросил взгляд на Майерса. Тот склонился над чертежной доской и вроде бы ничего не замечал. Из-под края зеленой занавески было видно, как за окошком голуби клюют зерно, насыпанное на подоконник.

Телефон снова зазвонил.

— Гай, я хочу с вами встретиться.

Гай вскочил на ноги.

— Извините, я с вами встречаться не хочу.

— В чем дело? — спросил Бруно с наигранным смешком. — Боитесь, что ли?

— Просто не хочу.

— А… Ну ладно. — Голос у него стал хриплый, Бруно явно был оскорблен.

Гай ждал, твердо решив не отступать первым. Наконец Бруно повесил трубку.

В горле пересохло. Гай пошел к фонтанчику для питья. На стене висел большой снимок с воздуха четырех строящихся зданий «Пальмиры»; косые лучи солнца освещали его половину ровно по диагонали. Гай повернулся к снимку спиной. Его приглашали выступить в чикагском колледже, где он учился, один из ведущих архитектурных журналов ожидал от него статьи. Но по части заказов все было глухо — словно «Пальмира» стала для Гая объявлением бойкота. И почему бы нет? Ведь «Пальмирой» он обязан Бруно. А если даже не Бруно, то неизвестному убийце.

Прошло несколько дней. Как-то вечером Гай вместе с Анной спускался по заснеженным ступеням многоквартирного дома на Западной Пятьдесят третьей улице и увидел, что их кто-то поджидает. Высокий человек с непокрытой головой стоял на тротуаре и смотрел на них сни-

зу вверх. Гай вздрогнул и невольно сжал руку Анны.

— Добрый вечер, — меланхолично проговорил Бруно.

Лицо его впотьмах было едва различимо.

— Добрый вечер, — ответил Гай сухо, будто обращаясь к незнакомцу, и прошел мимо.

— Гай!

Они с Анной разом обернулись. Бруно догонял их, сунув руки в карманы пальто.

— В чем дело? — спросил Гай.

— Просто хотел с вами поздороваться. Узнать, как дела.

Бруно смотрел на Анну с недоумением и обидой, которые маскировал вежливой улыбкой.

— Дела хорошо. — Гай пошел дальше, увлекая Анну за собой.

— Кто это? — прошептала она.

Гай боролся с желанием глянуть через плечо. Он знал, что Бруно стоит там, где он оставил его, смотрит ему вслед и, может быть, даже плачет.

— Да так, один парень, заходил к нам на прошлой неделе, работу искал.

— И ты не можешь ничем ему посодействовать?

— Нет, он алкоголик, — отрезал Гай и постарал-

ся сменить тему.

Он начал рассказывать о будущем доме, понимая, что ни о чем другом не сможет сейчас говорить спокойно. Он купил землю, и на ней уже закладывали фундамент. После Нового года надо на несколько дней съездить в Олтон. Сидя рядом с Анной в кинотеатре, Гай думал, как отвязаться от Бруно, как припугнуть этого человека, чтобы он исчез.

И чего вообще добивается Бруно? Весь фильм Гай просидел, сжав кулаки. Надо пригрозить Бруно полицией — и в самом деле сдать его, если придется. Он просто предложит им обратить на него внимание. Если Бруно невиновен, от этого не будет никакого вреда.

Но все-таки чего добивается Бруно?

19

В поездке на Гаити крылась возможность отвлечься. Нью-Йорк, Флорида — любое место на североамериканском континенте было адом, ведь там находился Гай, который не желал его видеть. Чтобы унять боль и тоску, Бруно больше обыкновенного пил и убивал время, измеряя свой дом и двор в Грейт-Неке шагами, а комнату отца и вовсе рулеткой. Согнувшись в три погибели, он мерил и мерил, упорно, как неутомимый механизм. Лишь иногда он пошатывался, и это выдавало, что он пьян, а не сошел с ума. Так он провел десять дней после встречи с Гаем, пока мать и ее подруга Элис Леффингвелл собирались на Гаити.

Иногда возникало чувство, что все его существо пребывает в пока необъяснимой стадии метаморфозы. Он совершил поступок, который в часы уединения воспринимался им как корона на голове, но корона эта для всех оставалась незримой. Бруно мог расплакаться из-за любой мелочи. Однажды он захотел черной икры — потому что он заслуживал самой лучшей, крупной черной

икры, — но в доме нашлась только красная, и он отправил Герберта за черной. Съел четвертинку тоста с икрой, запивая его разбавленным водой виски, и чуть не уснул, разглядывая надкушенный треугольник хлеба, который искривлялся с одного краю, будто в ухмылке. Он не сводил взгляда до тех пор, пока хлеб не перестал быть хлебом, а стакан — стаканом, и осталась лишь золотая жидкость, бывшая частью его самого, так что Бруно поспешил влить ее в себя. Пустой стакан и кривой хлеб смеялись над ним, заявляли, что он не имеет на них права. От дома отъехал фургон мясника, и Бруно мрачно посмотрел ему вслед, потому что все вокруг сделалось живым и все убегало от него — фургон, хлеб, стакан, а деревья убежать не могли, зато глядели на него презрительно, и этот дом-тюрьма тоже презирал его. Бруно обоими кулаками ударил в стену, схватил дерзко ухмыляющийся хлебный рот, разломал на кусочки и сжег в пустом камине. Каждая икринка заключала в себе одну жизнь, они лопались и умирали, как маленькие человечки.

На Гаити отправились всемером — мать, Бруно, Элис Леффингвелл и команда из четырех человек, включая двух пуэрториканцев, — на паровой яхте «Прекрасный принц», за которую Элис всю

прошедшую осень и зиму вела ожесточенные баталии с бывшим мужем. Собственно, поездкой она собиралась отпраздновать третий развод. Бруно путешествию обрадовался, однако счел нужным в первые дни на борту напускать на себя безразличный и скучающий вид. Никто не заметил. Мать с Элис все дни и вечера проводили за болтовней в каюте, а по утрам спали до обеда. Но Бруно все равно был рад, несмотря на то, что ему предстояло провести целый месяц на маленьком суденышке в компании старой кошелки Элис. Чтобы оправдать эту радость, он убедил себя, что ему необходимо снять стресс, он же весь испереживался, наблюдая за полицейским расследованием. К тому же надлежало в тишине и покое обдумать, как устранить отца. А еще он надеялся, что Гай к нему смягчится, надо только подождать.

На борту яхты Бруно в деталях просчитал три базовых сценария убийства, на основании которых были возможны различные варианты. Сценарии удались на славу: первый предполагал выстрел в спальне, второй — убийство ножом и два варианта бегства, третий — пулю, нож или удушение в гараже, куда отец ставил автомобиль каждый вечер в половине седьмого. Недостаток

последнего варианта — необходимость действовать средь бела дня — компенсировался относительной простотой. Он почти слышал, как щелкают в голове, соединяясь, детали операций. Набросав очередной вариант на бумажке, Бруно на всякий случай тут же рвал его на мелкие клочки. Так и сидел целыми днями, строча в блокноте и развеивая клочки по ветру. Морские волны от Бар-Харбор до самого южного из Виргинских островов были усеяны расчлененными плодами его размышлений. Меж тем «Прекрасный принц» обогнул мыс Мэйси и подходил к Порт-о-Пренсу.

— Вот гавань, достойная моего «Принца»! — воскликнула Элис, которая успокаивала нервы бесконечным трепом.

Бруно, склонившийся над блокнотом в тенечке, поднял голову. Слева на горизонте показалась серая неровная полоса. Гаити. Вживую эта земля была еще более чужой, чем в его представлениях. Он все больше и больше отдалялся от Гая… Бруно оторвал себя от раскладного стула и встал у поручня с левого борта. Они проведут на острове много дней, а затем поплывут еще дальше на юг… Прервав оцепенение, Бруно разорвал зажатый в руках листок и подставил горсть мелких клочков ветру за бортом. Ветер тут же подхватил их и

понес, крутя.

Сочинить план убийства — полдела, надлежало найти того, кто этот план выполнит. Бруно справился бы сам, да только Джерард, папашин частный детектив, немедленно прижмет его к ногтю, каким бы хитроумным ни был замысел. К тому же хорошо бы еще раз испытать схему с убийством без мотива. Кого же позвать, Мэтта Левайна или Карлоса?.. Беда в том, что оба — его приятели. Да и опасно обращаться с такими предложениями, не зная, как человек отреагирует. С Мэттом Бруно встречался несколько раз, но так и не смог подвести разговор к этой теме.

На второй день в Порт-о-Пренсе с Бруно случилось происшествие — поднимаясь с причала на борт, он упал с трапа.

Он шел из отеля «Цитадель» на яхту за материными вечерними туфлями, совсем одурев от жары и рома. У причала заглянул в бар освежиться виски со льдом и наткнулся на пуэрториканского матроса из своей команды — того, которого невзлюбил с первого же дня. Матрос был в стельку пьян и вел себя так, будто он хозяин города, «Прекрасного принца» и вообще всей Латинской Америки. Бруно он обозвал белым лодырем и разными другими словами, которых Бруно не понял,

но над которыми заржал весь бар. Ввязываться в драку с этим ничтожеством не было ни желания, ни сил, так что Бруно с достоинством удалился, решив проинформировать Элис — пусть мерзавца уволят и занесут в черный список. У самой яхты пуэрториканец догнал его, продолжая сыпать оскорблениями. Взбираясь по трапу, Бруно потерял равновесие, перевалился через веревочные перила и упал в грязную воду. Хотел бы он сказать, что его столкнул пуэрториканец, но это было не так. В итоге выловил его именно пуэрториканец с другим матросом. Они, хохоча, втащили Бруно на борт и уложили в постель. Бруно добрался до бутылки рома, выпил прямо из горла и заснул в мокрых подштанниках.

Потом пришли мать и Элис и стали тормошить его, смеясь до упаду.

— Чарли, что с тобой стряслось?

Их фигуры плыли перед глазами, зато смех Бруно слышал очень хорошо. Он отпрянул, когда Элис коснулась его плеча. Если б он мог говорить, то крикнул бы: «Какого черта вы ко мне вломились, если не принесли весточки от Гая?!»

— Что? — переспросила мать. — Какого Гая?

— Прр-валивайте! — заорал Бруно.

— Совсем не в себе, — вздохнула мать, как у

постели безнадежного больного. — Бедный мальчик. Бедный, бедный мальчик.

Бруно мотал головой, уворачиваясь от мокрого полотенца, которое они пытались водрузить ему на лоб. Он ненавидел их обеих и ненавидел Гая! Ради Гая он совершил убийство, скрылся от полиции, не звонил и не писал ему, когда он запретил, а сегодня из-за него свалился в вонючую воду! А Гай не захотел с ним встречаться! Гай проводит время с какой-то девицей! Он не напуган, не страдает, у него просто нет времени на Бруно! А девицу эту он три раза видел возле его дома в Нью-Йорке. Попади она ему в руки, убил бы, как Мириам!

— Чарли, Чарли, замолчи!

Гай снова женится, и у него вообще не будет времени на Бруно. Вон как он повел себя при ней! Это к ней он ездил в Мехико, а не к каким-то там друзьям. Вот почему Мириам ему так мешала! А в поезде-то он ни гугу про эту Анну Фолкнер!.. Гай его использовал. Ну что ж, тогда Гаю и убивать папашу, хочет он или нет. Любой человек способен на убийство. Помнится, Гай так не считал.

20

— Пойдемте выпьем.

Бруно нарисовался ниоткуда, как будто вырос перед Гаем посреди тротуара.

— Я не хочу вас видеть. Я не буду задавать вам никаких вопросов и не хочу вас видеть.

— Плевал я на ваши вопросы. — Бруно слабо улыбнулся, глаза его смотрели настороженно. — Идемте в бар через дорогу. Это займет десять минут.

Гай огляделся, восклицая про себя: «Ну вот же он, зови полицию, бросайся на него, вали на землю!» Но ничего не делал, просто стоял в оцепенении. Он заметил, что Бруно держит руки в карманах. Кто знает, может, у него пистолет.

— Десять минут, — повторил Бруно, неуверенно улыбаясь.

Много недель подряд от него не было ни слуху ни духу. Гай попытался вызвать в себе ту же злость, какую испытал тогда на заснеженной улице, когда принял решение сдать Бруно властям. Настал момент истины.

Они с Бруно зашли в бар на Шестой авеню и

сели в дальнем углу.

Бруно заулыбался смелее.

— Чего вы боитесь, Гай?

— Ничего.

— Вы счастливы?

Гай в напряжении сидел на самом краешке стула и думал о том, что напротив него убийца. Вот эти руки задушили Мириам.

— Слушайте, Гай, а почему вы ничего не сказали мне об Анне?

— А что я должен был сказать?

— Могли бы упомянуть о ней тогда, в поезде.

— Это наша последняя встреча, Бруно.

— Ну почему? Я просто хочу с вами дружить.

— Я намерен сдать вас полиции.

— Почему же не сдали еще в Меткалфе? — спросил Бруно так, как мог только он: бесстрастно, печально и при этом торжествующе.

Именно так этот вопрос задавал Гаю внутренний голос.

— Потому что не был уверен, что это сделали вы.

— А что вам нужно, чтобы поверить? Признание в письменном виде?

— Я все еще могу сдать вас в любой момент.

— Не можете. — Бруно пожал плечами. — Про-

тив вас у них улик больше, чем против меня.

— Каким образом?

— Против меня у них вообще ничего нет.

— Это пока я не выложил им все от начала до конца! — Гай вспыхнул от ярости.

— Если я заявлю, что вы меня наняли, фрагменты головоломки тут же сложатся!

— Плевал я на ваши головоломки!

— Вы, может, и плевали, а вот полиция навряд ли.

— Какие еще фрагменты?

— Ваше письмо жене, притворный отказ от работы, — стал неспешно перечислять Бруно. — Своевременный отъезд в Мексику…

— Вы сумасшедший!

— Нет, Гай, это вы ведете себя неразумно! — В тоне Бруно послышались истеричные нотки, он повысил голос, чтобы перекричать включившийся рядом с ними музыкальный автомат. — Клянусь, вы мне симпатичны! Ни к чему нам ссориться!

Гай сидел неподвижно, чувствуя под собой острый край стула.

— Мне не нужна ваша симпатия.

— Если вы заявите в полицию, то в тюрьму попадем мы оба. Вы что, не понимаете?

На самом деле Гаю и раньше это приходило в голову. Если Бруно станет упорно лгать, судебный процесс будет долгим. Возможно, он будет продолжаться до тех пор, пока Бруно не скажет правду — а он не скажет, понятно по его маниакальному взгляду. От этого психа лучше держаться подальше. Не трогать его. Если попытаться что-то сделать, он и убить может.

— Вы не сдали меня в Меткалфе, потому что я вам тоже нравлюсь. Ведь нравлюсь же.

— Вы мне совершенно не нравитесь.

— Но вы меня не сдадите?

— Нет, — процедил Гай сквозь зубы. Его поражало спокойствие Бруно — этот человек ничуть его не боялся. — Больше ничего не заказывайте, я ухожу.

— Погодите. — Бруно расплачивался с официантом.

Гай ждал. Он чувствовал, что разговор не окончен.

— Хороший костюм, — произнес Бруно с улыбкой.

На Гае был новый серый фланелевый костюм в белую полоску, купленный на деньги от «Пальмиры» — так же как новые ботинки и новый портфель крокодиловой кожи, лежащий на со-

седнем стуле.

— Куда вам сейчас?

— В центр.

Гай встречался с представителем потенциального клиента в семь часов в отеле «Пятая авеню». Он поймал тяжелый взгляд Бруно и понял: тот уверен, что он сейчас поедет к Анне.

— Что вам от меня нужно?

— Сами знаете, — тихо ответил Бруно. — Мы с вами все обсудили в поезде. Обмен жертвами. Вы убьете моего отца.

Гай презрительно хмыкнул. Именно это он и ожидал услышать — с того самого дня, как узнал о смерти Мириам. Он пристально смотрел в немигающие глаза Бруно, завороженный их спокойным безумием. Ему вспомнилось, как однажды в детстве он ехал в трамвае с умалишенным азиатом и разглядывал его с бесстыдным любопытством. С любопытством и страхом.

— Как я и обещал, я сам продумаю все в деталях. — Бруно улыбнулся одними уголками губ. — Вам будет несложно.

«Он меня ненавидит, — вдруг понял Гай. — Он и меня хотел бы убить».

— А если откажетесь, сами знаете… — Бруно изобразил щелчок пальцами, беззвучный,

потому что рука его на столе была небрежно расслабленной. — Я натравлю на вас полицию.

«Нельзя идти у него на поводу! Нельзя!»

— Вам меня не запугать. В полиции быстро поймут, что вы невменяемы.

— Ошибаетесь!

В итоге первым попрощался Бруно, мать где-то ожидала его в семь часов.

Следующая их встреча получилась гораздо более короткой. В ней Гай тоже потерпел поражение, хотя вначале ему казалось, что победил. Бруно хотел перехватить его на выходе из офиса. Гай прошел мимо, сел в такси и поехал к Анне. Однако ощущение, что он позорно сбежал, подрывало чувство собственного достоинства, которое ему до этого момента удавалось сохранять. Не стоило уходить молча. Надо было поставить Бруно на место.

21

С тех пор каждый день Бруно поджидал его на улице после работы — либо напротив офиса, либо напротив дома, неизвестно откуда узнавая, в какие дни у Гая нет планов на вечер. Он не пытался заговорить, не делал никаких знаков. Просто стоял, сунув руки в карманы длинного, похожего на шинель пальто, сидящего на нем как влитое. Гай спиной чувствовал его взгляд, хотя никогда не оборачивался. Так продолжалось две недели.

А затем пришло первое письмо.

Два листка бумаги. Первый — карта дома и окрестностей, на ней маршрут аккуратным пунктиром. Второй — подробнейшие инструкции, как убить хозяина дома, мелким шрифтом отпечатанные на машинке. Гай разорвал листки и тут же пожалел об этом. Письмо было уликой против Бруно, его следовало сохранить, так что пришлось собрать и припрятать обрывки.

Вскоре стало ясно, что в этом не было никакой необходимости. Такие же письма начали приходить раз в два-три дня. Судя по штемпелю, отправлялись они из Грейт-Нека. Очевидно, Бру-

но засел там — он не попадался Гаю на глаза с тех пор, как началась история с письмами. Возможно, набивал их на отцовской машинке. Иногда в нетрезвом виде — это было заметно по обилию опечаток и эмоциональным всплескам в последних абзацах. Если Бруно садился за машинку трезвым, то в конце дружески подбадривал Гая, что, мол, задача перед ним стоит несложная. Если же пьяным, то послания завершал либо уверениями в вечной братской любви, либо угрозами преследовать Гая всю жизнь и положить конец его карьере и «любовной интрижке», а также напоминанием, что козыри не у Гая. Каждое письмо содержало подробный план убийства. Бруно явно догадывался, что Гай мог разорвать предыдущие, не читая. Гай действительно каждый раз собирался изорвать в клочья нераспечатанный конверт, но в итоге все равно вскрывал письмо — полюбопытствовать, что будет в последнем абзаце. Бруно предлагал три варианта убийства. Один из них — проникнуть в дом через заднюю дверь и произвести выстрел из пистолета — фигурировал в письмах чаще других, хотя каждый раз Бруно оговаривался, что полностью оставляет выбор за Гаем.

Собственную реакцию на письма Гай находил

странной. Первое стало для него шоком, второе и последующие не вызвали почти никаких эмоций. После десятого он начал чувствовать, что письма давят на его совесть и нервы, но как именно — понять не мог. Сидя в одиночестве у себя дома, он подолгу анализировал свои чувства, пытаясь обнаружить, в чем суть душевного недомогания. Он убеждал себя, что нет никаких оснований для беспокойства, разве что Бруно разозлится и захочет его убить. Но это маловероятно. Бруно никогда не угрожал ему убийством. И все же голос разума не мог ни унять, ни притупить тревогу.

В двадцать первом письме упоминалась Анна. «Вы же не хотите, чтобы Анна узнала о вашей роли в убийстве Мириам? Какая девушка пойдет замуж за убийцу? Уж точно не Анна. Время поджимает. Надо успеть до середины марта. Потом будет гораздо сложнее».

Затем пришел пистолет. Хозяйка дома принесла Гаю большой сверток, упакованный в коричневую бумагу. Гай коротко усмехнулся, обнаружив внутри свертка черный пистолет — большой «люгер», блестящий и новенький, разве что на рукояти в диагональных насечках заметен был скол.

Повинуясь непонятному импульсу, Гай достал

из верхнего ящика собственный маленький револьвер с перламутровой рукоятью и взвесил в руке, глядя на лежащий на кровати «люгер». Улыбнулся своему ребячеству, поднес револьвер к глазам. В пятнадцать лет он увидел этот револьвер в заваленной хламом витрине ломбарда и купил на деньги, которые заработал, разнося газеты. Купил не потому, что хотел иметь револьвер, а потому что это была очень красивая вещица, радовала глаз компактным размером, аккуратностью короткого ствола. Пятнадцать лет револьвер вместе с Гаем кочевал по съемным квартирам и комнатам, всякий раз попадая в верхний ящик. Он был заряжен тремя пулями, Гай вынул их и шесть раз нажал на спусковой крючок, полностью прокрутив барабан. Ему нравилось слушать глухие щелчки прекрасного механизма. Он вернул пули в барабан, убрал револьвер в чехол из фланели лавандового цвета и спрятал обратно в ящик.

Как теперь избавиться от «люгера»? Швырнуть с набережной в реку? Сунуть в урну на улице? Или просто выбросить с домашним мусором? Все, что приходило ему в голову, либо выглядело подозрительно, либо отдавало мелодрамой. В конце концов он решил спрятать «люгер» в ниж-

нем ящике комода под носками и бельем, пока не придумает что-то получше. Он вдруг впервые представил Сэмюэля Бруно живым человеком, впервые сопоставил его и уготованную ему смерть. Здесь, в этой самой комнате, сейчас находилось полное жизнеописание этого человека, по версии Бруно, план его убийства в очередном еще не распечатанном письме и пистолет. Гай достал одно из старых писем Бруно из ящика стола.

> Сэмюэль Бруно *(Бруно старался не называть его словом «отец»)* — чистейший образец всего худшего, что рождает Америка. Выходец из нищих венгерских крестьян, мало отличавшихся от скота. Всегда стремился захапать побольше и жену взял из хорошей семьи, как только смог себе это позволить. Долгие годы моя мать кротко сносила его неверность, уважая священные узы брака. Теперь же, дожив до старости, он корчит из себя святошу. Только поздно, ничего уже не изменишь. Я бы с удовольствием прикончил его сам, но, как я уже говорил, это невозможно из-за Джерарда, его частного детектива. Если бы вам пришлось иметь

дело с Сэмюэлем Бруно, вы бы возненавидели его не меньше, чем я. Он из тех людей, кому безразлична красота архитектуры и кто считает блажью идеи о достойном жилье для каждого. Ему плевать, как выглядит его фабрика, лишь бы крыша не текла, а то станки попортятся. Кстати, работники сейчас бастуют. Откройте «Нью-Йорк таймс» за прошлый четверг, тридцать первая страница, нижний левый угол. Пытаются выбить у него зарплату, которой хватало бы на жизнь. Сэмюэль Бруно не поморщившись грабит своего сына…

Если кому рассказать, никто не поверит. Письмо, карта, «люгер» — все это напоминало театральный реквизит, бутафорию, созданную с одной целью: придать каплю правдоподобия явному вымыслу. Письмо Гай сжег. Он сжег все письма Бруно и стал собираться на Лонг-Айленд.

Они с Анной проведут весь день вместе. Будут кататься на автомобиле, гулять в лесу, а завтра поедут в Олтон. Дом будет достроен к концу марта, останется еще два месяца до свадьбы, чтобы не спеша его обставить. Гай улыбался, глядя в окно

вагона. Анна никогда не говорила, что ей хочется устроить свадьбу именно в июне, все само так сложилось. Она не настаивала и на торжественной церемонии, лишь попросила: «Давай только не совсем уж как попало». Но когда Гай ответил, что он не против устроить церемонию по всем правилам, она облегченно вздохнула, крепко обняла его и поцеловала. Нет уж, его больше не прельщает идея пожениться за три минуты, позвав в свидетели первого встречного. Одной такой свадьбы ему в жизни вполне достаточно.

Гай стал набрасывать на обороте конверта двадцатиэтажное офисное здание, проект которого могли поручить ему. Он узнал об этом на прошлой неделе, но Анне еще не рассказал, решил сделать сюрприз. Будущее в его жизни вдруг стало настоящим; сбывались все мечты. Бегом спускаясь по ступенькам с платформы, он отыскал в толпе у дверей вокзала леопардовое пальто Анны. Он знал, что моменты этих встреч навсегда останутся в его памяти — как она поджидала его здесь, как пританцовывала в нетерпении, заметив его вдалеке, как улыбалась и делала вид, что уже думала уходить.

— Анна! — Гай обнял ее за плечи и поцеловал в щеку.

— Ты почему без шляпы?

Гай засмеялся — именно это он и ожидал от нее услышать.

— Ну, ты тоже.

— Я-то на машине. Там снег идет. — Она взяла его за руку, и они побежали по заледеневшей ясеневой аллее к парковке. — У меня для тебя сюрприз!

— У меня тоже. Давай ты первая.

— Я вчера сама продала пять своих работ.

Гай покачал головой.

— Мои успехи скромнее. Мне хотят поручить офисное здание. И это еще не факт.

Она улыбнулась и вскинула брови.

— Конечно, факт!

— Ну да, да, факт! — Он снова поцеловал ее.

Вечером они стояли на деревянном мосту над ручьем за домом Анны, и Гай чуть не ляпнул: «Представляешь, Бруно сегодня прислал мне пистолет». И его сильнее шокировало даже не то, что он едва не проговорился, а то, насколько далека эта история с Бруно от его жизни с Анной. Бруно, имя, ставшее для него кошмаром, для Анны ничего не значило.

— Гай, что с тобой?

Она всегда чувствовала, что у него не все в

порядке.

— Ничего.

Гай пошел вслед за ней к дому. Границы между заснеженной землей, темными деревьями и ночным небом в темноте были почти неразличимы. И Гай снова ощутил ее — непонятную враждебность, исходящую от небольшой рощицы с восточной стороны дома. Из двери кухни лился теплый желтый свет. Гай встал лицом к черным деревьям и вглядывался в темноту, чувствуя одновременно дискомфорт и облегчение, как бывает, если надавить на больной зуб.

— Я еще немного пройдусь, — сказал он Анне.

Как только она ушла, он снова повернулся к рощице. Хотел проверить, станет ли странное ощущение сильнее или слабее, если Анны не будет рядом. Неуловимая враждебность продолжала исходить от места, где тьма сгущалась под деревьями. Конечно, это ерунда. Плод теней, шорохов и разыгравшейся фантазии.

Гай сунул руки в карманы и упрямо зашагал к деревьям.

Глухой хруст ветки заставил его стряхнуть наваждение и остановить взгляд на вполне конкретной точке. Гай рванул вперед. Треск кустов, отступающая черная фигура. Гай вложил все свои

силы в прыжок, вцепился в фигуру и по хриплому вскрику узнал в ней Бруно. Бруно забился в его руках, как огромная рыба, и крепко заехал Гаю в скулу. Они покатились по земле, молотя друг друга так, будто дрались насмерть. Бруно изо всех сил тянул пальцы к горлу Гая, но тот крепко держал его на вытянутых руках. Бруно оскалился, дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы. Гай еще раз ударил его по зубам, хотя правая рука была, похоже, сломана, кулак больше не сжимался.

— Гай! — возмущенно заорал Бруно.

Гай схватил его за воротник, и оба вдруг прекратили драку.

— Ты знал, что это я! — яростно выпалил Бруно. — Грязный ублюдок!

— Что ты здесь делаешь? — Гай дернул за воротник, поднимая Бруно на ноги.

Бруно скривил окровавленный рот, словно был готов заплакать.

— Пусти!

Гай отпихнул его. Бруно кулем свалился на землю и встал, пошатываясь.

— Ну давай, убей меня, если хочешь! Потом спишешь на самооборону!

Гай посмотрел назад. Дом Анны скрылся за

деревьями. В горячке боя они с Бруно забрались далеко в глубь рощи.

— Я не хочу убивать тебя. Но убью, если поймаю здесь еще раз.

Бруно издал короткий победный смешок.

Гай угрожающе шагнул в его сторону. Желание продолжать драку исчезло, хотя минуту назад в мозгу пульсировала одна мысль: «Убить, убить!» Он знал, что не сможет стереть улыбку с лица Бруно, даже если прикончит его.

— Убирайся.

— Готов выполнить работу через две недели?

— Готов сдать тебя полиции.

— Сам сдаться тоже готов? — Бруно заулюлюкал. — Готов признаться во всем Анне? Готов провести двадцать лет в тюрьме? Ну, раз готов, так пошли!

Он выставил руки, словно подставляя их под наручники. В глазах у него горели красные отсветы, и всей своей шатающейся фигурой он напоминал злого духа, возникшего из черного искореженного древесного ствола.

— Ищи кого-нибудь другого для своей грязной работы, — процедил Гай сквозь зубы.

— Вот только не строй из себя чистоплюя! Я выбрал тебя, и ты ее сделаешь. — Бруно хохот-

нул. — Ну что ж, пора мне начать. Я все выложу твоей подружке. Сегодня же вечером напишу ей письмо.

Он заковылял прочь нетвердой походкой — бесформенное, расхлябанное существо. Споткнулся, едва удержал равновесие и крикнул:

— Напишу и отправлю, если до завтра не опомнишься.

Анне Гай соврал, что подрался с каким-то бродягой. На самом деле его повреждения ограничились подбитым глазом, но пришлось немного сгустить краски, чтобы иметь повод отменить поездку в Олтон и остаться в доме Анны. Он сказал, что получил удар в живот и нехорошо себя чувствует. Родители Анны перепугались и настояли, чтобы полиция на несколько дней обеспечила дом охраной.

Для Гая полицейской охраны было недостаточно. Он решил, что должен находиться здесь сам, на случай если Бруно еще что-нибудь затеет. Анна стала уговаривать его побыть у них немного, пока ему не станет лучше. Гай согласился.

Два дня у Фолкнеров прошли в ощущении жгучего стыда. Ему было стыдно, что пришлось остаться, стыдно, что с утра в понедельник он пошел в комнату Анны и проглядел почту, кото-

рую горничная всегда клала на стол. Письма от Бруно не было. Анна уезжала на работу рано, до того, как приходил почтальон. Гай быстро перебрал четыре или пять доставленных в этот день писем и выскользнул из комнаты, как вор, боясь попасться на глаза прислуге. Хотя он нередко заходил в комнату Анны в ее отсутствие. Например, иногда сбегал сюда передохнуть, когда в доме было много гостей. И Анне это очень нравилось. На пороге он прислонился затылком к дверному косяку, вбирая в себя картину привычного беспорядка. Незаправленная постель, торчат с книжных полок корешки больших художественных альбомов, к зеленой пробковой доске на стене приколоты эскизы, а на столе забыт стакан, в котором она смывала синюю краску с кисти. На спинке стула висит желто-коричневый шелковый платок — видимо, она собиралась надеть его, но передумала. Аромат гардении в воздухе — Анна всегда наносила каплю духов на шею перед выходом. Он так мечтал жить с ней одной жизнью…

Во вторник утром письма от Бруно все еще не было, и Гай уехал в Манхэттен. Накопилась куча работы, тысяча мелочей требовала его внимания. Контракт на офисное здание с компанией «Шоу

Риэлти» никак не утверждали. В его жизни сейчас было больше хаоса и неразберихи, чем сразу после смерти Мириам. От Бруно за всю неделю пришло одно письмо, в понедельник, когда Гай находился у Фолкнеров. Бруно коротко сообщал, что его мать три недели болела пневмонией, но теперь, слава богу, поправляется, так что скоро он сможет уехать из дома.

В четверг вечером, когда Гай вернулся с собрания в клубе архитекторов, хозяйка дома миссис Маккосленд доложила, что ему звонили три раза. В тот же миг телефон снова затренькал. Бруно, злой и пьяный, спросил, готов ли Гай поговорить по делу.

— Нет? Ну, я так и думал. Анне я уже написал. — И он повесил трубку.

Поднявшись к себе, Гай тоже выпил. Он сомневался, что Бруно выполнил свою угрозу и вообще ее выполнит. Около часа он провел, пытаясь читать, позвонил Анне и наконец, не находя себе места, пошел в кино.

Во второй половине дня в субботу они с Анной решили встретиться на выставке собак в Хэмпстеде. Гай ехал туда с мыслью, что если Бруно отправил письмо, Анна его уже получила. Но она так беззаботно замахала ему из автомобиля, что

стало ясно: никакого письма не было. Гай спросил, как ей понравилась вечеринка — накануне ее кузен Тедди праздновал день рождения.

— Очень понравилась! Никто уходить не хотел. Мы так засиделись, что поздно стало ехать домой. Я сюда прямо от Тедди, даже не переоделась.

И она, не сбавляя скорости, проскочила узкие ворота и выехала на дорогу.

Гай стиснул зубы. Значит, письмо дожидается ее на столе. Теперь он был в этом уверен и почувствовал себя совершенно беспомощным. Неотвратимость беды лишила его дара речи.

Бродя между рядами собак, он отчаянно придумывал тему для разговора.

— Из «Шоу Риэлти» с тобой больше не связывались? — спросила Анна.

— Нет.

Гай смотрел на перепуганную таксу и пытался вникнуть в щебетание Анны о том, какая такса была у кого-то из ее родственников.

Пока Анна ничего не знает, однако узнает очень скоро. Пусть даже не сегодня, но скоро, это лишь вопрос времени, возможно, нескольких дней. А что узнает? Гай много раз задавал себе этот вопрос — то ли успокаивая, то ли намеренно терзая себя, — и ответ был всегда один. Прошлым

летом в поезде он встретил человека, который впоследствии убил Мириам с его, Гая, молчаливого согласия. Именно так Бруно все и представит, добавив немного деталей, чтобы история звучала убедительней. В суде их с Бруно беседа, совсем чуть-чуть приукрашенная, вполне сойдет за преступный сговор. Гай вдруг с необыкновенной ясностью вспомнил часы, проведенные в купе Бруно, в этом маленьком аду. То, что он там нес, было продиктовано ненавистью, той самой жалкой ненавистью, которая заставила его нелицеприятно высказаться о Мириам в парке Чапультепек в прошлом июне. Анна тогда очень рассердилась — не столько на его слова, сколько на злобу, которую он носил в себе. Ненависть тоже грех. Христос предостерегал от ненависти так же, как от прелюбодеяния и убийства. Именно в ненависти корень всего зла. Если бы Гая судил христианский суд, разве не признали бы его хотя бы частично виновным в смерти Мириам? И разве не согласилась бы с этим Анна?

— Анна… — начал Гай.

Он подумал, что ее надо подготовить. И ему нужно было знать ее ответ.

— Анна, если бы меня обвинили в причастности к смерти Мириам, что бы ты… Ты бы…

Она замерла и посмотрела на Гая. Он почувствовал, что мир вокруг них прекратил движение.

— В причастности? В каком смысле?

Гая толкнули — они с Анной остановились посреди прохода.

— Ну, просто если бы обвинили.

Она явно не знала, как реагировать.

— Если бы меня обвинили. Я просто хочу знать. Ну вот обвинили безо всяких причин. Это ведь ничего не изменило бы?

Он хотел спросить: «Ты бы все равно вышла за меня?» Но вопрос был таким жалким, таким униженным, что Гай не мог его произнести.

— Зачем ты говоришь такие вещи?

— Я хочу знать.

Она увела его в сторону, чтобы не мешаться на дороге.

— Гай, тебя что, кто-то обвиняет?

— Нет! — воскликнул Гай в досаде и смущении. — Это предположение! Если бы кто-то меня обвинил и…

В ее взгляде промелькнуло разочарование, удивление, недоверие — она смотрела на него так всякий раз, когда Гаем двигал гнев или неприязнь.

— Ты считаешь, кто-то может тебя обвинить?

— Я просто спрашиваю!

— В такие минуты, — тихо проговорила Анна, — мне кажется, что я совсем тебя не знаю.

— Я не хотел тебя расстраивать, — буркнул Гай, чувствуя, что она разорвала между ними невидимую связь.

— Если бы не хотел, так бы себя не вел! — Анна не повышала голос и смотрела на него прямо. — Тогда в Мехико ты тоже позволил себе отвратительную тираду в адрес Мириам. — Ее глаза наполнились слезами. — Мне это не нравится! Я не такой человек! И порой у меня создается впечатление, что я вообще тебя не знаю!

Я тебя не люблю — вот что услышал Гай. Она отказалась от него, отказалась от попыток узнать и полюбить его. В отчаянии он застыл, не в силах пошевелиться или вымолвить хоть слово.

— И раз уж ты спрашиваешь, — продолжала Анна, — если бы тебя обвинили, для меня это имело бы значение. Мне было бы интересно, почему это не стало для тебя сюрпризом. Почему ты ожидаешь обвинения?

— Я не ожидаю!

Она отвернулась, отошла в конец дорожки и встала там в тупике, опустив голову. Гай догнал ее.

— Ты меня знаешь. Ты знаешь меня лучше всех на свете. Я не хочу, чтобы между нами были секреты. Я задал вопрос, который случайно пришел в голову!

Для Гая все это было признанием, и, как водится, признавшись, он испытал облегчение. Теперь он вдруг уверился, что Бруно не станет ей писать.

Анна быстрым движением смахнула слезу.

— Скажи мне одно. Ты когда-нибудь перестанешь ожидать худшего — от всего и от всех?

— Да. Господи, ну конечно!

— Пойдем в машину.

Они провели остаток дня вместе и поехали ужинать в дом Анны. Никакого письма от Бруно не было. Гай выбросил угрозу из головы, как будто пережил кризис и выздоровел.

Около восьми вечера в понедельник миссис Маккосленд позвала его к телефону. Звонила Анна.

— Милый… Ты знаешь, я немного расстроена.

— Что случилось? — спросил Гай, хотя уже знал ответ.

— Я получила письмо. Сегодня утром принесли. В нем то, о чем ты говорил в субботу.

— Что?

— Оно про Мириам. Напечатано на машинке. И подписи нет.

— Что в нем? Прочитай!

Голос у Анны чуть подрагивал, но звучал, как всегда, четко и ясно:

— «Дорогая мисс Фолкнер. Полагаю, вам будет небезынтересно узнать, что роль Гая Хэйнса в убийстве жены более значительна, чем считают в полиции. Но правда скоро откроется. Если вы собираетесь замуж за мистера Хэйнса, имейте в виду, он двуличный человек. К тому же автору этих строк доподлинно известно, что мистер Хэйнс недолго останется на свободе». И подпись: «Доброжелатель».

Гай прикрыл глаза.

— Господи…

— Ты знаешь, кто это написал? Гай? Ты меня слышишь?

— Да…

— Кто?

Гай чувствовал по ее голосу, что она просто напугана, что она верит ему и боится только за него.

— Я не знаю.

— Ты уверен? Ну есть же у тебя хоть какие-то подозрения? Надо что-то делать!

— Я не знаю, — повторил Гай, хмуря лоб.

— Наверняка кто-то тебе знакомый. Подумай! Есть у тебя враги?

— Посмотри штемпель. Откуда отправили письмо?

— Из Нью-Йорка. С Центрального вокзала. Бумага самая обыкновенная.

— Сохрани письмо, я хотел бы взглянуть.

— Конечно, Гай! И я никому не скажу. В смысле родным. — Пауза. — Но ты ведь кого-то подозреваешь, ты спрашивал меня в субботу…

— Нет. Я спросил просто так. Подобные вещи иногда случаются после суда. — Гай осознавал, что покрывает Бруно с таким же старанием, как покрывал бы на его месте самого себя. — Когда мы встретимся? Можно я заеду сегодня?

— Я обещала маме с папой пойти с ними на благотворительный вечер. Могу переслать тебе письмо срочной доставкой. Получишь его завтра утром.

Наутро письмо ожидало в почтовом ящике вместе с очередным посланием от Бруно, содержавшим план действий и ласковое предупреждение, что скоро Анна узнает новые подробности.

22

Гай сел на краю постели, прижал ладони к лицу, потом усилием воли заставил себя отнять руки. Это все ночь. Ночь, темнота, бессонница. Из-за них мысли его предстали в искаженном свете. С другой стороны, бессонница могла открыть человеку глаза на истину. И пусть ночью истина видится с какого-то одного ракурса, от этого она не становится чем-то иным. Если он признается во всем Анне, разве не найдет она его вины в произошедшем? Разве согласится после этого выйти замуж? Он ведь чудовище! Прямо сейчас в нижнем ящике комода у него спрятан пистолет и инструкции, как убить человека!

В предрассветных сумерках Гай подошел к зеркалу и не узнал своего лица. Рот скошен влево, губы сжаты и оттого стали тоньше. Он постарался удержать блуждающий взгляд в одной точке. Собственные глаза, обведенные темными кругами, смотрели на него с осуждением, как на мучителя.

Что сейчас делать? Прогуляться или все-таки попробовать уснуть? Гай бесшумно прошел по

ковру, неосознанно перешагнув скрипучую половицу возле кресла. «Старайся избегать мест, где полы скрипят, — писал ему Бруно. — Дверь в комнату отца сразу направо. Я все продумал. Действуй строго по плану, у тебя нет права на ошибку. На карте отмечена комната дворецкого Герберта. Опасное место, единственное, где надо проскочить под самым носом. Скрипучие половицы обозначены крестиком…» Гай рухнул на постель. «Что бы ни случилось, не смей бросить „люгер“ прежде, чем доберешься до железнодорожной станции». Гай запомнил инструкции Бруно наизусть, он знал, с каким звуком открывается кухонная дверь и какого цвета ковер в коридоре.

Если Бруно поручит дело кому-то другому, у Гая хватит доказательств, чтобы его посадить. Он отправит Бруно за решетку и отомстит за свои страдания. Хотя Бруно тогда объявит его соучастником в убийстве Мириам… Нет, надо просто еще немного потерпеть. Рано или поздно Бруно сдастся и пойдет искать кого-нибудь другого, а Гай сможет спать спокойно. Если же нет… разумнее будет воспользоваться не здоровенным «люгером», а маленьким револьвером… От этой мысли Гай вскочил в испуге и гневе. «Офисное

здание для „Шоу Риэлти“», — произнес он вслух, будто объявляя новую сцену, пытаясь усилием воли переключиться с ночных мыслей на дневные. Здание для «Шоу Риэлти». Газон идет до самого крыльца. Есть еще гравийная дорожка, на нее лучше не наступать. Перешагнуть через третью и четвертую ступеньки. Легко запомнить: раз-два-пять-широкий-шаг.

— Мистер Хэйнс!

Гай вздрогнул и порезал щеку бритвой. Хозяйка звала его к телефону.

Из трубки донесся развязный голос Бруно, в котором слышна была тяжесть ночных возлияний.

— Привет, Гай. Ну что, готов? Или нужны еще стимулы?

— Плевал я на ваши стимулы.

Бруно расхохотался.

Дрожащей рукой Гай повесил трубку.

Весь день его потряхивало. Он отчаянно хотел увидеть Анну, представлял, как ждет ее в назначенном месте, издалека замечает… Но в то же время он намеренно лишал себя ее общества. Вечером он долго гулял по Риверсайд-драйв, чтобы утомиться, однако спал все равно плохо, с кошмарами. Наверное, легче станет после заключения контракта. Тогда можно будет наконец отвлечься

на работу.

На следующее утро он ждал звонка от Дугласа Фриера из «Шоу Риэлти». И Фриер позвонил.

— Мистер Хэйнс, — произнес он флегматичным хриплым голосом, — мы получили насчет вас очень странное письмо.

— Письмо? Какое письмо?

— Оно касается вашей жены. Мы ничего не знали… Если желаете, я прочту.

— Да, пожалуйста!

— «Заинтересованным лицам. Гай Дэниэл Хэйнс, жену которого убили в прошлом мае, имел непосредственное отношение к ее кончине, вопреки мнению суда. Я знаю всю подноготную этого дела и могу вас заверить, что очень скоро состоится повторный суд и мистера Хэйнса выведут на чистую воду». Я уверен, что писал какой-то ненормальный. Просто решил, что стоит поставить вас в известность.

— Я понимаю.

Майерс невозмутимо сидел над кульманом в своем углу.

— Я вроде бы что-то читал в прошлом году об этой… э-э… трагедии. Скажите, повторный суд ведь не планируется?

— Конечно, нет! То есть я ничего об этом не

слышал.

Гай обругал себя за растерянность. Мистер Фриер просто хотел узнать, не будет ли помех в работе.

— Извините, мистер Хэйнс, мы еще не пришли к окончательному решению по поводу контракта.

В «Шоу Риэлти» подождали сутки и объявили Гаю, что его чертежи их не вполне устраивают и они отдали предпочтение другому архитектору.

Гай понятия не имел, как Бруно узнал о проекте. Хотя, конечно, было множество вариантов. Возможно, об этом упомянули в газетах, а Бруно внимательно следил за новостями в области архитектуры. Он мог позвонить в офис, когда Гай был на встрече, и вытянуть информацию у ничего не подозревающего Майерса. Гай снова посмотрел на Майерса, гадая, не общался ли он по телефону с Бруно. Такая возможность отдавала чертовщиной.

Итак, заказ ушел из-под носа, и Гай начал оценивать последствия. Значит, к лету не будет дополнительных денег, на которые он рассчитывал. Как и возможности повысить свой вес в глазах семейства Фолкнеров.

Так продолжится и дальше. Бруно будет отыскивать его клиентов одного за другим и писать

им «разоблачительные» письма. Он разрушит карьеру Гая. А брак с Анной? При мысли о ней Гая обожгло болью. Иногда он надолго забывал о том, что любит ее. Между ними происходило что-то непонятное. Бруно словно лишил его смелости любить. Тревогу усиливала любая неприятность, от глупой истории с лучшей парой туфель, которую он сдал в ремонт и забыл, куда именно, до все умножающихся расходов на строительство их с Анной будущего дома, который уже виделся ему неоправданно большим и дорогим.

Майерс корпел над чертежами, телефон Гая молчал. Не звонил даже Бруно — видимо, нагнетал обстановку, чтобы Гай, помучившись в неизвестности, обрадовался его голосу. Испытывая отвращение к самому себе, Гай посреди дня направился в бар на Мэдисон-авеню. Они с Анной хотели сегодня пообедать вместе, но она отменила встречу, Гай забыл почему. Не то чтобы она говорила с ним холодно, однако причину для отмены свидания назвала какую-то неубедительную. Она точно не собиралась за покупками для дома, это бы Гай запомнил. А запомнил бы? Может, дело в том, что он нарушил обещание прийти на семейный ужин в прошлое воскресенье, и Анна решила отплатить ему той же монетой? Но в

воскресенье он был до того подавлен, что просто не мог ни с кем встречаться. Между ними с Анной как будто началась молчаливая, необъявленная ссора. В последнее время Гай чувствовал себя слишком несчастным и не желал обрекать Анну на свое общество, а когда хотел ее видеть, она притворялась занятой. Она была занята ссорой с Гаем и планированием обстановки их общего дома. Совершенно нелогично. В мире вообще не осталось ни смысла, ни логики, лишь необходимость избавиться от Бруно. Но Гай не видел ни одного логичного способа это сделать. Если он потащит Бруно в суд, результат едва ли будет логичным.

Он закурил и обнаружил, что в другой руке у него дымится еще одна сигарета. Он выкурил обе, сгорбясь над блестящим черным столом. Руки с сигаретами казались зеркальным отражением друг друга. Почему он сидит в баре во втором часу дня и пьянеет от третьего бокала мартини? Разве можно теперь работать? Впрочем, работы все равно нет. Вот во что превратился Гай Хэйнс, который любит Анну, который построил клуб «Пальмира»… У него не хватало духу даже швырнуть в угол бокал с мартини. Он словно увяз в зыбучем песке.

А если предположить, что увяз окончательно? Что он согласился выполнить требование Бруно? Задача совсем проста. В доме не будет никого, кроме хозяина и дворецкого, и Гай уже знал этот дом лучше, чем тот, в котором вырос. Можно оставить улики, компрометирующие Бруно, например, бросить «люгер» прямо в комнате. Это была единственная четкая мысль в плывущем сознании. Гай непроизвольно сжал кулаки и сам устыдился бессилия этого жеста. Нет, нельзя допускать такую возможность. Бруно только этого и ждет.

Гай смочил носовой платок водой из бокала и промокнул лицо. Утренний порез от бритвы защипало. Он посмотрел в зеркало на стене. Тонкая красная линия на левой стороне подбородка начала кровоточить. Захотелось врезать кулаком по этому подбородку в зеркале… Он резко вскочил и пошел расплачиваться.

Но запретная мысль уже пришла ему в голову, и прогнать ее было не так просто. Бессонными ночами Гай представлял, как выполняет план Бруно, и это успокаивало ему нервы, точно снотворное. В его восприятии убийство стало не преступлением, а операцией по удалению Бруно из своей жизни, движением скальпеля,

отсекающего злокачественную опухоль. В ночи отец Бруно из живого человека превращался в предмет, а Гай — в силу. Совершить убийство, оставить «люгер» рядом с трупом, проследить, как Бруно осудят и отправят на казнь, — для Гая это станет очищением души.

Бруно прислал ему бумажник из крокодиловой кожи с золотыми уголками и монограммой «ГДХ» внутри. В приложенной записке говорилось: «По-моему, эта вещица в твоем стиле. Пожалуйста, не надо все усложнять. Ты мне очень дорог. Всегда твой, Бруно». Гай занес руку, чтобы швырнуть бумажник в урну, но вместо этого сунул его в карман. Он не мог выбросить красивую вещь и решил, что найдет ей какое-нибудь применение.

Тем же утром Гай отклонил приглашение выступить на радио. Он был не в состоянии работать. Зачем вообще приходить в офис? Он бы с большим удовольствием пил целыми днями и ночами — особенно ночами. Погрузившись в раздумья, Гай вертел перед собой сложенный циркуль. Тим О'Флаэрти из Чикаго однажды сказал, что у него руки как у капуцина. Они с Тимом сидели в его полуподвальной квартирке, ели спагетти и вели беседы о Ле Корбюзье и роли красноречия в карьере архитектора. Получа-

лось, что красноречие естественным образом присуще людям, выбирающим эту профессию, и немудрено, ведь очень многое в ней зависит от способности убедить заказчика принять идею. Тогда Гаю все было по плечу. Пусть Мириам высасывала из него соки, но впереди ждала чистая борьба, вселяющая силы, и, несмотря на трудности, он знал, что поступает правильно.

Гай вертел и вертел на столе циркуль, пока не сообразил, что это может раздражать Майерса.

— Смотри на жизнь легче, — добродушно посоветовал Майерс.

— Дело не в том, как я смотрю на жизнь, а в том, сдамся я или нет, — отрезал Гай с убийственным спокойствием и, не в силах остановиться, добавил: — Благодарю, я не нуждаюсь в советах.

— Послушай…

Долговязый Майерс встал, безмятежно улыбаясь. Но выйти из-за стола не успел. Гай уже схватил пальто с вешалки.

— Я прошу прощения. Давай забудем, ладно?

— Да знаю я, что с тобой творится. Нервничать перед свадьбой — обычное дело, я сам через это прошел. Не пойти ли нам выпить?

Фамильярность Майерса неожиданно задела Гая за живое. Ему было невыносимо видеть

спокойное и пустое лицо Майерса, слушать его банальности.

— Спасибо, честное слово, не хочется, — ответил Гай и аккуратно прикрыл за собой дверь.

23

До боли в глазах он всматривался в ряд особняков на другой стороне улицы. Как будто померещился Бруно… В сумерках не разглядеть. Бруно только что стоял у черных железных ворот, а теперь там никого не было. Гай развернулся и взбежал по ступенькам в свой дом. Он взял билеты на оперу Верди, Анна будет ожидать его у театра в половине девятого. Ему не хотелось сегодня видеть Анну, не хотелось ее попыток приободрить его, не хотелось утомительно притворяться веселым. В довершение всего ему совсем не хотелось слушать Верди. Зачем он вообще взял эти билеты, что на него нашло? Он думал порадовать Анну, но ей эта опера тоже вряд ли понравится, зачем же он ведет ее туда, куда они оба идти не хотят?

Миссис Маккосленд передала ему номер телефона, по которому его просили перезвонить. Вроде это был номер одной из Анниных тетушек. Может, ему повезет и Анна окажется сегодня занята?

И действительно, в трубке зазвучал ее извиня-

ющийся голос:

— Гай, я не успею приехать. Тетя Жюли очень хочет познакомить меня с какими-то друзьями, а они придут только после ужина.

— Ничего.

— Я никак не смогу увильнуть.

— Ничего страшного.

— Прости. Мы ведь с тобой не виделись с прошлой субботы.

Гай прикусил кончик языка. Анна вызывала у него настоящее отторжение — своей назойливостью, непрошеной заботой, даже чистым, нежным голосом, который прежде сладко обволакивал его, как объятия. Неужели он больше ее не любит?

— А может, позовешь в оперу миссис Маккосленд? Она наверняка обрадуется?

— Мне вообще не хочется идти.

— А писем больше не было?

— Нет.

Она уже в третий раз спрашивает!

— Я люблю тебя. Не забывай об этом, ладно?

— Ладно.

Повесив трубку, Гай ретировался к себе. Снял пальто, принял душ, причесался, обнаружил, что ему совершенно нечего делать, и тут же заскучал

по Анне. Ужасно заскучал. И как ему в голову могло прийти, что он не хочет ее видеть? Гай обшарил карманы в поисках бумажки с номером, сбежал вниз по лестнице, поискал на полу у телефона. Бумажка исчезла, словно кто-то нарочно стащил ее. Он вгляделся в матовое стекло входной двери. Бруно, наверняка это сделал Бруно.

Ничего, Гай сейчас позвонит Фолкнерам и узнает номер. Он встретится с Анной, проведет с ней вечер, даже если для этого придется терпеть общество тетушки Жюли. Шли длинные гудки, в доме на Лонг-Айленде никто не подходил к телефону. Гай посмотрел бы в справочнике, но фамилия тетушки вылетела у него из головы.

В комнате царила осязаемая, напряженная тишина. Гай взглянул на невысокие книжные полки, которые сам соорудил вдоль стен, на плющ в горшке, который дала ему миссис Маккосленд, на красное бархатное кресло у торшера, на висящий над кроватью собственный черно-белый набросок под названием «Воображаемый зверинец», на занавески из грубого полотна, прикрывающие вход в маленькую кухню. Почти нехотя встал и распахнул их. Его не покидало ощущение, что в комнате кто-то есть, хотя оно не внушало ему никакого страха. Он сел, раскрыл

газету…

Недолгое время спустя он уже пил в баре второй мартини, убедив себя, что надо поспать, даже если ради этого придется пить в одиночку. Затем прогулялся до Таймс-Сквер, зашел в парикмахерскую, по пути домой купил молока и бульварных газет. Решил, что напишет письмо матери, выпьет молока, почитает газеты и ляжет спать. Может, даже найдет номер Анны на полу… Однако номера не было.

В третьем часу Гай встал с постели и стал бродить по комнате. Он проголодался, но не хотел даже смотреть на еду. Хотя на прошлой неделе он как-то открыл среди ночи банку сардин и съел их прямо с ножа. Под покровом тьмы самое время дать волю животному началу, стать ближе к своей природе. Гай наугад взял с книжной полки альбом и пролистал страницы. Его первый нью-йоркский альбом. Гаю тогда было двадцать два, и он рисовал все подряд — небоскреб компании «Крайслер», психиатрическую клинику Пэйна Уитни, баржи на Ист-Ривер, рабочих с буровыми молотками. Была там серия набросков здания «Радио-сити» с заметками на полях, собственные варианты его улучшения и даже полной перестройки. Гай быстро захлопнул альбом — идеи

были очень хороши, и он сомневался, что сейчас способен создать что-то подобное. «Пальмира» была последним всплеском счастливой, плодородной энергии юности. Грудь больно сжало от сдерживаемых рыданий. Эта боль была ему знакома, она нередко мучила его в первые годы после расставания с Мириам. Гай прилег, чтобы предотвратить очередной спазм.

Проснулся он, почувствовав в темноте присутствие Бруно, хотя тот не издал ни звука. От неожиданности Гай вздрогнул, но ничуть не удивился. Скорее даже обрадовался — как и предполагал минувшими ночами. Неужели в самом деле Бруно? Да. Вон там, у письменного стола, тлеет кончик сигареты.

— Бруно?

— Привет, — тихо произнес Бруно. — Я отмычкой открыл. Ну что, теперь-то ты готов?

Голос у него был спокойный и усталый.

Гай приподнялся на локте, глядя на оранжевый огонек.

— Да.

Тьма поглотила его ответ. В прошлые ночи «да» было еще безмолвным, еще оставалось внутри. И вот, произнеся его вслух, Гай так внезапно разрубил узел в своем сознании, что ему стало

больно. Именно это он давно собирался сказать, а тишина в комнате ожидала услышать. Тишина — и чудовища за стенами.

Бруно сел на край кровати и обхватил себя за плечи.

— Гай, мы с тобой больше не увидимся.

— Знаю.

От Бруно мерзко пахло табаком, сладковатым бриолином и перегаром, но Гай не стал отодвигаться. Его занимало лишь волшебное чувство освобождения от узла в голове.

— В последние дни я пытался вести себя с ним хорошо, — доверительно сообщил Бруно. — Ну не то чтобы хорошо, но прилично. А сегодня он заявил матери, когда мы собирались в…

— Не желаю слушать! — перебил его Гай.

Он не хотел знать о будущей жертве ничего.

Некоторое время они сидели в молчании.

Бруно шмыгнул носом с отвратительным хлюпаньем.

— Завтра мы уедем в Мэн, не позднее полудня. Я, мать и шофер. Можно сделать это завтра ночью или в любую ночь, кроме четверга. После одиннадцати…

Он говорил, говорил, повторяя то, что Гай знал наизусть. Гай покорно слушал, понимая, что

очень скоро ему предстоит войти в этот дом, и тогда слова Бруно станут явью.

— Позавчера я сломал замок на двери с черного входа. Ну, вроде как спьяну вышиб. Чинить его сейчас не будут, им не до того. Но если все-таки починят… — Он вложил ключ Гаю в ладонь. — И я еще вот что принес.

— Что это?

— Перчатки. Женские, но должны натянуться.

В руки Гаю легли тонкие нитяные перчатки.

— Пистолет ты получил? Где он?

— В нижнем ящике.

Гай услышал, как в темноте Бруно натыкается на стол, выдвигает ящик, шуршит абажуром. Потом вспыхнула настольная лампа, и перед ним возникла высокая фигура Бруно — в новеньком светлом, почти белом верблюжьем пальто и черных брюках в тонкую белую полоску. Вокруг шеи обвилось белое шелковое кашне со свисающими длинными концами. Гай оглядел Бруно от маленьких коричневых ботинок до густо напомаженных бриолином волос, будто пытаясь найти во внешности причину внезапной перемены своего отношения к этому человеку — или хотя бы понять суть этой перемены. Он испытывал к Бруно нечто дружеское, пожалуй, даже брат-

ское. Бруно щелкнул затвором и обернулся. С их прошлой встречи лицо у него отяжелело и было сейчас необыкновенно оживленным. Серые глаза блестели и казались больше, в них даже появился золотистый отсвет. Бруно смотрел на Гая, как будто искал верные слова или умолял Гая найти их. Он облизнул тонкие губы, тряхнул головой и потянулся к выключателю. Свет погас.

Потом он ушел, однако Гая не оставляло ощущение, что они по-прежнему вдвоем в комнате, тихой и сонной.

Когда Гай проснулся, комнату заливал яркий серый свет. На часах было двадцать пять минут четвертого. Он скорее вообразил, чем вспомнил, как утром вставал к телефону — Майерс звонил узнать, куда он делся, и пришлось соврать о плохом самочувствии. К черту Майерса. Гай немного полежал, смаргивая остатки сна и заставляя разум объять тот факт, что сегодня ночью он выполнит требование Бруно и завтра все будет кончено. Затем встал, побрился, принял душ, оделся — все очень неторопливо, понимая, что в этих сутках будет иметь значение лишь один час, между одиннадцатью вечера и полуночью, и этот час нельзя ни приблизить, ни отдалить. Он словно двигался по проложенным рельсам, не в

силах остановиться или свернуть.

Гай позавтракал в ближайшей кофейне, и там его охватило жуткое ощущение, что во время последней встречи с Анной он рассказал ей все без утайки, и она спокойно его выслушала, зная, что другого выхода нет. Его согласие на ультиматум Бруно было так естественно и неизбежно, что о нем следовало поведать всему миру — например, беззаботно жующему мужчине за соседним столиком или миссис Маккосленд, которая подметала полы, когда Гай уходил, и спросила его о здоровье, одарив теплой материнской улыбкой. Настенный календарь сообщал, что сегодня пятница, двенадцатое марта. Гай на некоторое время застыл, глядя на календарь, потом очнулся и закончил трапезу.

На месте не сиделось. Он решил прогуляться вверх по Мэдисон-авеню, потом по Пятой авеню до Центрального парка, оттуда до Пенсильванского вокзала, а там, глядишь, пора будет садиться на поезд и ехать в Грейт-Нек. Начал было вспоминать запланированный порядок действий, но ему быстро наскучило, как школьнику — повторение вызубренного материала. В витрине на Мэдисон-авеню он увидел медные барометры и залюбовался ими, словно скоро праздник, и ему

обещали подарить чудесную игрушку. У Анны на яхте нет такого красивого барометра, иначе Гай его заметил бы. Надо будет купить перед свадебным путешествием. Он думал о своей любви, как о великом богатстве. У северной границы Центрального парка его осенило, что пистолет остался дома. И перчатки тоже. А на часах уже без четверти восемь. Прекрасное начало, что ни говори! Гай поймал такси до дома и всю дорогу торопил водителя.

Однако, попав к себе, он сообразил, что времени остается еще много, и стал бесцельно слоняться по комнате. Поколебался, не надеть ли ботинки на каучуковой подошве. А шляпу? Он достал «люгер» из ящика и положил на стол. Вынул оттуда же письмо Бруно с инструкциями, развернул, увидел выученные наизусть фразы и бросил письмо в мусорную корзину. К нему снова вернулось ощущение, что он двигается по инерции, действует по плану четко и гладко. Он взял с тумбочки лиловые перчатки, заметил прикрепленную к ним желтую карточку — билет до Грейт-Нека.

Размер «люгера» показался чудовищным. Какой дурак решил сделать пистолет таким огромным? Гай достал из верхнего ящика свой маленький

револьвер, полюбовался сиянием перламутровой рукояти. Короткое узкое дуло излучало готовность и ожидание, сдержанную мужественную силу. Гай собирался бросить «люгер» на месте преступления, чтобы подставить Бруно. Только есть ли смысл лишь для этого тащить с собой тяжелый пистолет? Странное дело, он больше не питал к Бруно никакой враждебности.

Гай вдруг совершенно растерялся. Конечно, брать надо «люгер», как написано в инструкции! Он сунул «люгер» в карман пальто и потянулся за перчатками. Перчатки были лиловые, а фланелевый мешочек от револьвера — лавандовый, и Гай внезапно решил, что именно из-за гармонии цветов ему следует взять револьвер. Он вернул «люгер» в нижний ящик, а револьвер убрал в карман. Не стал лишний раз проверять, не забыл ли чего. Он столько раз перечитал письма Бруно, что теперь был уверен — все по плану. Налил в стакан воды и тут же выплеснул ее в горшок с плющом. Сейчас лучше выпить кофе, это поможет взбодриться. Надо будет выпить чашечку на станции в Грейт-Неке.

В какой-то момент в поезде его случайно толкнули. Нервы у Гая были на пределе, как натянутая струна, в голове сложился набор перепуганных

слов, которые чуть не сорвались с языка: «Нет у меня в кармане никакого оружия! Это вообще не оружие!» И ему тут же полегчало. Он знал, что взял с собой револьвер для убийства. Он такой же, как Бруно. Он давно это чувствовал, просто был слишком труслив, чтобы признаться. Разве он не понимал, что они с Бруно два сапога пара? Разве не поэтому ему нравился Бруно? Славный Бруно продумал за Гая каждую деталь, и сегодня все пройдет хорошо только благодаря ему, ведь Бруно всегда все удается. Мир устроен для таких, как Бруно.

Когда Гай вышел на станции, в воздухе туманом висела мелкая морось. Четко следуя плану, он направился прямо на остановку и сел в автобус. Через открытое окно в салон проникал уличный воздух, более холодный, чем в Нью-Йорке, и дышащий загородной свежестью. Автобус миновал ярко освещенный центр и поехал по темным улицам, вдоль которых тянулись дома с редкими фонарями. Гай вспомнил, что забыл выпить на станции кофе, и от досады чуть не собрался возвращаться. Чашка кофе сейчас имеет большое значение. От нее может зависеть его жизнь! Но вот объявили остановку «Гранд-стрит», и Гай не задумываясь пошел к выходу. Вернулось ощуще-

ние, что он движется по проложенным рельсам, и беспокойство немного улеглось.

Он зашагал по грунтовой дороге. Плотная, влажная земля чуть пружинила под ногами. Впереди какая-то девчушка взбежала на крыльцо и, хлопнув дверью, скрылась в доме. Эта картинка в глазах Гая была удивительно мирной и уютной. Вот пустующий участок с одиноким деревом, а слева — лес и темнота. Вот фонарь, который Бруно отмечал на всех копиях-картах; морось светилась вокруг него желто-голубым ореолом. Медленно проехал автомобиль, его фары сверкали, как безумные глаза, на каждой кочке.

А потом словно занавес поднялся над знакомой сценой. Перед Гаем был длинный, глухой, двухметровый забор, покрытый белой штукатуркой. Нависающие ветви вишен тут и там бросали на него темные тени, а выше белым треугольником торчала крыша дома. Вот она, «Конура».

Впереди послышались неспешные шаги. Гай укрылся в тени забора и подождал. Мимо, заложив за спину руки с дубинкой, прошествовал полисмен. Гай не дрогнул. Пожалуй, он бы сильнее встревожился, если бы встретил человека не из полиции. Дождавшись, когда полисмен уйдет, он отмерил пятнадцать шагов вдоль забора, ухва-

тился за край и подтянулся. С другой стороны почти прямо под ним белело пятно — Бруно обещал приставить к забору ящик из-под молочных бутылок. Гай задержался, разглядывая дом сквозь крону вишневого дерева. Отсюда были видны два из пяти больших окон на первом этаже и край прямоугольного бассейна.

Гай спрыгнул во двор.

Теперь перед ним находились шесть белых ступенек заднего крыльца и заросли кизила, окружающие весь дом. Как он и предполагал по рисункам Бруно, дом был слишком мал для крыши с десятью двускатными элементами — очевидно, архитектор сделал крышу именно такой по настоянию заказчика. Гай начал двигаться вдоль забора, но под ногами хрустнула ветка, и он замер в испуге. Бруно рекомендовал срезать путь через газон, и теперь стало ясно почему.

Шляпа зацепилась за ветку и соскочила с головы. Гай запихнул ее за пазуху и сунул руку в карман, где лежал ключ. Когда он успел надеть перчатки? Собравшись с духом, он припустил по газону почти бегом, легко и быстро, как кошка. Он говорил себе, что делал так много раз, и этот — один из многих. На краю газона Гай помедлил,

взглянул на знакомый гараж, к которому вела посыпанная гравием дорожка, и поднялся на заднее крыльцо. Тяжелая наружная дверь открылась бесшумно, но вторая, похоже, была заперта. Гай в замешательстве дергал ручку, потом нажал сильнее, и дверь поддалась. Слева от входа, на кухонном столе, тикали часы. Гай знал, что там стоит стол, хотя видел лишь смутные очертания предметов в темноте — большую белую плиту, стол и стулья для прислуги, кухонные шкафы. Считая шаги, он стал пробираться к черной лестнице. «Я отправил бы тебя по парадной, но она ужасно скрипит». Он двигался медленно и напряженно, вглядываясь в темноту, на ощупь огибая корзины с овощами. Мысль о том, что он похож на больного сомнамбулизмом, заставила его вздрогнуть.

«Пролет в двенадцать ступенек, пропустить седьмую… Затем поворот и еще два маленьких пролета. Перешагнуть через третью и четвертую ступеньки. Легко запомнить: раз-два-пять-широкий-шаг».

На площадке перед последним пролетом было круглое окно. Гай вспомнил слова из какого-то очерка: «Устройство дома определяет привычки его обитателей». Интересно, будет ли ребенок

всякий раз останавливаться поглазеть в окно, прежде чем начинать подъем на пятнадцать ступенек по пути в детскую? В трех метрах с левой стороны находилась дверь в комнату дворецкого Герберта. Гай крался мимо ее темного прямоугольника, а в ушах звучал голос Бруно: «Опасное место, единственное, где надо проскочить под самым носом».

Из-под ноги раздался еле слышный, жалобный скрип. Гай быстро убрал ногу, подождал и двинулся дальше, обойдя скрипучую половицу. Очень аккуратно повернул ручку и приоткрыл дверь в коридор. На площадке парадной лестницы громко тикали часы, и он вдруг осознал, что тиканье было слышно из-за двери. А потом донесся вздох.

Вздох на парадной лестнице!

Часы начали отбивать время. Ручка щелкнула, и Гай стиснул ее так, что едва не сломал. Три. Четыре. Надо закрыть дверь, пока не услышал дворецкий! Вот почему Бруно велел ему прийти между одиннадцатью и двенадцатью?! Чтоб ему провалиться! Надо было взять его «люгер»! Гай закрыл дверь, не сумев сделать это бесшумно, и стоял, обливаясь потом и чувствуя, как жар поднимается от воротника к лицу, а часы все били и били. Наконец прозвучал последний удар.

Гай прислушался и не услышал ничего, кроме глухого тиканья. Тогда он вышел в коридор. «Дверь в комнату отца сразу направо». Гай снова ощутил под собой рельсы. И этот коридор был ему знаком — вот серый ковер, кремовые панели на стенах, мраморный стол на верху лестницы. Даже запах показался ему знакомым. В висках застучало от внезапной мысли, что хозяин дома стоит сейчас по ту сторону двери и так же, как и Гай, боится дышать. Но Гай не дышит уже так долго, старик за это время мог бы и умереть… Что за чушь!

Левой рукой он потянулся к двери, а правая сама легла на револьвер в кармане. Гай чувствовал себя роботом, бесстрашным и неуязвимым. Он был здесь много раз, убивал этого человека много раз, и этот раз — один из многих. Гай смотрел на узкую щель между дверью и косяком, за которой лежала бесконечность, и пережидал головокружение. А если он не разглядит в темноте старика? Или старик увидит его первым? В комнату должен проникать свет от фонаря перед входом в дом, но кровать находится в дальнем от окна углу. Он открыл дверь шире, прислушался и шагнул внутрь — пожалуй, быстрее, чем следовало бы. Однако в комнате было по-прежнему тихо.

Кровать темным пятном возвышалась в углу, у изголовья белели подушки. Гай тихо прикрыл дверь, чтобы ее не захлопнул сквозняк, и повернулся к кровати.

Он уже вытащил револьвер, но, как ни всматривался, никого в кровати не видел. Глянул на окно. Рама опущена сантиметров на тридцать, а Бруно утверждал, что будет открыта полностью. Наверное, из-за промозглой погоды. Гай еще раз напряг глаза и, вздрогнув от ужаса, различил голову на подушке у самой стены. Голова была чуть склонена к плечу, словно хозяин дома презрительно разглядывал незваного гостя. Лицо было темнее волос, которые сливались с подушкой.

Гай решил стрелять в грудь, и револьвер послушно нацелился туда. Гай сделал несколько робких шагов к кровати и снова оглянулся на окно. Он не слышал дыхания. Как будто старик уже мертв. Он ведь именно так приказал себе думать. Это не человек, это цель. Гай ничего о нем не знает, он устраняет цель, как на войне. Так что, стрелять?

— Ха-ха-ха! — донеслось из окна.

Гай вздрогнул, револьвер в руке затрясся.

Где-то на улице смеялась молодая девушка — вдалеке, но смех был слышен ясно и отчетли-

во, как выстрел. Гай облизнул губы. Этот смех заключал в себе столько жизни, что перечеркнул все его мысли, и образовавшийся вакуум заполнила новая: он собирается убить человека. Это произошло молниеносно, между двумя ударами сердца. Жизнь. По улице идет девушка. Возможно, с любимым. А здесь в кровати спит живой человек. «Нет! Не думать! — велел себе Гай. — Не забывай, ты делаешь это ради Анны! Ради Анны и себя самого. Считай, что ты на войне, считай…» Он спустил курок. Револьвер тихо щелкнул. Гай нажал еще раз — опять осечка. Что за фокусы?!

Он снова нажал на спусковой крючок.

Комната взорвалась грохотом. От страха Гай сжал пальцы, и грохот повторился, словно мир треснул по швам.

— Кха! — произнесла фигура на кровати.

Серое лицо приподнялось, и стали заметны очертания плеч.

В следующую секунду Гай уже падал на карниз крыльца. Это было похоже на пробуждение от кошмарного сна. Он сумел ухватиться рукой за край карниза и соскользнул, приземлившись на колени. Пробежал вдоль стены дома, через газон прямо к тому месту, где у забора стоял ящик из-под молочных бутылок. Явь встретила его рыхлой

землей, в которой вязли ноги, и безнадежностью взмахов руками, которыми он пытался ускорить свой бег. Вот она, жизнь, — не только беззаботный женский смех, но еще и кошмарный сон, где все против тебя, а ты парализован страхом.

— Эй! — крикнули позади.

Как и следовало ожидать, за ним гнался дворецкий. Буквально дышал в спину. Кошмарный сон!

— Эй! Эй, ты!

Гай остановился под вишневыми деревьями и стал ждать, занеся кулак. Оказалось, дворецкий вовсе не наступал ему на пятки, он был еще далеко. Гай видел бегущую со всех ног фигуру в белой пижаме, развевающейся на ветру, как дым. Застыв в оцепенении, он ждал.

— Эй!

Как только фигура приблизилась, Гай двинул ее в подбородок, и белый призрак рухнул наземь.

Гай перелез через забор.

Тьма вокруг сгущалась. Гай чуть не врезался в дерево, перепрыгнул канаву и бежал, бежал. Потом он упал лицом вниз, пригвожденный к земле болью, которая расходилась от живота по всему телу. Его била дрожь. Гай лежал и думал, что на дрожь нельзя тратить силы, которые нужны для бега, что он побежал совсем не ту-

да, куда велел Бруно. Однако встать и пойти в правильном направлении просто не мог. «Тебе надо отыскать неосвещенную тропинку, которая идет на восток от Нью-хоупа, с южной стороны дома. Надо перейти две улицы, добраться до Коламбия-стрит и повернуть на юг (направо). Там автобусная остановка, можно доехать до другой железнодорожной станции». Легко было Бруно писать свои чертовы инструкции на бумаге! Гай примерно знал, где находится — на поле к западу от дома, и это никаким образом не было прописано в инструкциях! Он огляделся. Ну и где север? Почему не горят фонари? Как он найдет эту тропинку в темноте? Он даже не знает, остался дом позади или слева!.. Правое предплечье раздирала непонятная боль, такая острая, что рука могла бы гореть в темноте.

Выстрел словно разорвал его на части, и не осталось энергии, чтобы подняться и идти. Ни энергии, ни желания. Гай вспомнил, как в старших классах его сбили с ног во время футбольного матча, и он так же лежал вниз лицом, от боли потеряв дар речи. Вспомнил, как потом мать кормила его ужином и принесла грелку в постель, вспомнил прикосновение ее рук, когда она поправляла ему одеяло. Лежащая на земле кисть

тряслась так, что обдирала кожу о торчащий камень. Гай кусал губу, и в голове проносились бессвязные мысли, как бывает с утра после бессонной ночи. Он уговаривал себя немедленно встать, потому что нельзя иначе, он ушел совсем недалеко. Вдруг ноги и руки пришли в движение, как будто тело накопило энергию и резко выпустило. Гай вскочил и снова побежал по полю.

Его заставил остановиться странный звук — низкий мелодичный стон, доносившийся сразу отовсюду.

Сирены полицейских автомашин. Ну конечно. А он-то, дурак, первым делом подумал про самолеты!

Гай бежал куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от сирен, которые теперь завывали сзади и слева. Он понимал, что бежит в сторону от тропинки. Белый оштукатуренный забор наверняка остался далеко позади. Гай начал забирать влево, чтобы пересечь шоссе, но тут услышал приближающиеся сирены. Значит, придется либо ждать, либо… Нет, ждать нельзя. Он побежал вдоль шоссе параллельно с машинами, зацепился за что-то ногой и снова упал в какую-то канаву.

От раздражения и обиды он даже всхлипнул. Левая рука была в воде до запястья. Гай подумал,

что так можно испортить часы, но тело отказывалось повиноваться. Рука была во власти двух равнодействующих сил: одна тянула вверх, другая — вниз, и рука в итоге застыла без движения. А самое невероятное, дико хотелось спать. Вскочить и побежать заставила паническая мысль, что полиция вот-вот окружит его.

Справа, совсем рядом победно взвыла сирена.

Впереди вспыхнул прямоугольник света. Окно. Он чуть не врезался в дом. Весь мир не спит этой ночью! А ему надо как-то перебраться через шоссе!

В пяти метрах от него по дороге проехала полицейская машина, освещая фарами кусты. Слева, со стороны дома, завыла еще одна и стала постепенно отдаляться. Пригнувшись, Гай перебежал шоссе почти сразу за машиной и скрылся во тьме. Теперь неважно, где тропинка, главное, в этом направлении он сможет убежать далеко от дома. «С южной стороны будет лес, там легко спрятаться, если возникнет необходимость уйти с тропинки… Что бы ни случилось, не смей бросить „люгер“ прежде, чем доберешься до железнодорожной станции». Гай сунул руку в карман и ощутил через перчатку холод револьвера. Он даже не помнил, как убирал его. Револьвер

вполне мог бы сейчас валяться на голубом ковре спальни! А если бы выпал на бегу? Гай обругал себя — вовремя же он спохватился…

Кто-то поймал его в темноте и цепко держал, не пуская дальше. Гай инстинктивно стал отбиваться кулаками и обнаружил, что его держат кусты, он забрался в какие-то колючие заросли, но пришлось все равно ломиться через них, потому что за спиной выли сирены, и надо было бежать. Наслаждаясь честной битвой, Гай самозабвенно сражался с противником, со всех сторон тянущим к нему тонкие когтистые лапы, и треск веток заглушил даже сирены.

Очнулся он на краю леса, вниз лицом на склоне, не зная, упал ли только что или давно лежит без сознания. Видимо, давно, если судить по серому предрассветному небу и пляшущим перед глазами мушкам. Встал. Пальцы нащупали мокрое пятно над виском. Гай с ужасом подумал, что у него может быть проломлен череп, и немного постоял, ожидая, что вот-вот упадет замертво.

Внизу, как звезды в сумеречном небе, тускло мерцали огоньки маленького города. Не задумываясь о том, что делает, Гай достал платок, перевязал основание большого пальца, из которого сочилась темная кровь, прислонился к

стволу дерева. Глаза пристально рассматривали городок и дорогу. Нигде ни малейшего движения. Это действительно он? Стоит здесь, держась за ствол дерева, а позади оглушительный выстрел, завывания полицейских сирен, мучительный путь через лес… Хотелось пить. На грунтовой дороге, огибающей городок, он заметил автозаправку и пошел туда.

У заправки была старинная водопроводная колонка. Гай сунул голову под струю. Все лицо саднило, как изрезанная маска. Сознание понемногу прояснялось. От Грейт-Нека он ушел на пару миль, не больше. От правой перчатки уцелел единственный палец и клочок ткани на запястье. Гай снял их и сунул в карман. А где вторая? Потерял в лесу, когда перевязывал палец? Он ощутил волну паники, уже привычную и оттого по-своему успокаивающую. За перчаткой надо было возвращаться. Он перерыл карманы пальто, расстегнул его, стал искать в брюках. Из-за пазухи выпала шляпа. Он совершенно забыл про шляпу! А если бы выронил по дороге? Перчатку он обнаружил в левом рукаве — вернее, те лохмотья, что от нее остались. Гай спрятал их назад с облегчением, близким к счастью. Подвернул брючину, у которой распустился нижний шов.

Решил идти на юг, сесть на первый попавшийся автобус и доехать до какой-нибудь станции.

Как только цель стала ясна, накатила боль. Разве выдержат такой долгий путь его несчастные колени? И все же он шагал, высоко подняв голову, чтобы не раскисать. Был предрассветный час — час шаткого равновесия между днем и ночью, когда небо темно, но все вокруг уже пронизано неясным свечением. Казалось, тьма еще могла одолеть свет, потому что она была больше. Только бы ночь продержалась, пока он не доберется до дома и не запрет дверь!

Внезапно сквозь тьму прорвался свет, горизонт по левую руку прорезала яркая полоса. Холм окрасился в лиловые, зеленые, рыжие тона, просыпаясь от дремы, а вершину его увенчала серебристая кайма. На склоне под деревом стал заметен маленький желтый домик, а темное поле справа сделалось зелено-рыжим, и высокая трава на нем колыхалась, как морские волны. Из травы, щебеча, вылетела птичка и острыми крыльями принялась выписывать в небе сбивчивое, цветистое послание. Гай глядел на нее, пока она не скрылась из виду.

24

Стоя в ванной, он в сотый раз осматривал свое лицо в зеркале, терпеливо проходясь кровоостанавливающим карандашом по каждой царапине и припудривая царапины антисептиком. Он проделывал все это хладнокровно и уверенно, словно речь шла не о его лице и руках. Если ему случалось встретиться глазами с отражением в зеркале, он тут же отводил взгляд — как в тот день в поезде, когда старался не смотреть в глаза Бруно.

Вернувшись в комнату, Гай рухнул на кровать. Завтра воскресенье. Есть неполных два дня, чтобы отсидеться дома. Может, уехать в Чикаго на пару недель? Сказать, что по работе… Нет, сразу уезжать нельзя, подозрительно. Сразу после вечера. После минувшей ночи.

Если бы не исцарапанные руки, Гай мог бы решить, что ему все приснилось. Он ведь не хотел, его заставили. Он действовал по воле Бруно. В мыслях он осыпал Бруно проклятиями; проклинал бы его вслух, если бы были силы. Самое любопытное, он совсем не чувствовал

вины — возможно, именно потому, что исполнял чужую волю. Но что это за штука такая, вина, если после смерти Мириам она была острее, чем теперь? Теперь же он чувствует лишь усталость и равнодушие. Может, именно это и положено чувствовать после убийства? Он пытался уснуть, однако перед глазами стояли лица двух рабочих в лонг-айлендском автобусе, они всю дорогу таращились на Гая, а он делал вид, что спит, закрываясь от них газетой. Как же ему было тогда стыдно — куда больше, чем сейчас, наедине с собой…

Самая большая статья была в «Джорнэл-Американ», в ней фигурировало описание убийцы со слов дворецкого: мужчина ростом метр восемьдесят пять сантиметров, весом около восьмидесяти килограммов, в темном пальто и шляпе. Гай прочел это с некоторым удивлением: дворецкий накинул ему лишних десять сантиметров роста, а весил он на самом деле не более шестидесяти пяти. И шляпы во время бегства на нем не было. Он пропустил абзац, в котором рассказывалось о Сэмюэле Бруно, и с огромным интересом стал читать домыслы о том, как убийца скрылся с места преступления. По версии газеты, он ушел от погони по Ньюхоуп-роуд до городка Грейт-Нек

и там затерялся — скорее всего, сел на ночной поезд в ноль восемнадцать. На самом же деле Гай бежал на юго-восток. Он вздохнул с облегчением, как будто теперь ему ничего не угрожало. И тут же одернул себя. Безопасность — иллюзия.

Тотчас навалилась паника, совсем как тогда ночью, когда он спрыгнул из окна спальни во двор. Газета вышла несколько часов назад. А вдруг в полиции уже обнаружили свою ошибку? Вдруг они уже идут по следу? И прямо сейчас на пороге!.. Гай прислушался; из-за двери не доносилось ни звука. Чувствуя жуткую усталость, он сел и заставил себя сосредоточиться на статье. В ней подчеркивалось то, что преступление было совершено с необыкновенным хладнокровием, и высказывалось предположение, что убийца — кто-то из своих. Никаких отпечатков пальцев, единственные улики — следы ботинок размера девять с половиной и черные полосы от подошв на белой штукатурке забора. Гай спохватился: надо как можно скорее выбросить одежду и обувь, в которой он был. Но где взять силы? Странно, что они промахнулись с размером ботинок, на мокрой земле наверняка остались четкие следы. Газета отмечала «необычно малый калибр пули». От револьвера тоже надо избавиться. Эта

мысль его опечалила — с красивым маленьким револьвером расставаться не хотелось. С трудом поднявшись, он пошел за новой порцией льда для компресса.

Во второй половине дня позвонила Анна, звала пойти с ней в воскресенье на какую-то вечеринку в Манхэттене.

— Вечеринка у Хелен Хэйберн, я тебе про нее говорила.

— Ну да, помню, — соврал Гай. — Прости, мне совсем туда не хочется.

На него нашло какое-то оцепенение, все, о чем говорила Анна, представлялось далеким и совершенно неважным. Он произносил нужные фразы, не задумываясь и, пожалуй, даже не волнуясь о том, что Анна может заподозрить неладное. Вместо него она решила позвать на вечеринку Криса Нельсона, и Гай ответил, что ничего не имеет против, а сам подумал, что Нельсон будет в восторге от приглашения — они с Анной прежде встречались, и Нельсон до сих пор был в нее влюблен.

— А может, я заеду к тебе в воскресенье? — предложила Анна. — Привезу чего-нибудь вкусненького.

— Меня, наверное, не будет дома. Я собираюсь

порисовать.

— А… Жаль. Я припасла для тебя новость.

— Какую?

— Тебя она обрадует. Ну… в другой раз.

Положив трубку, Гай тихонько поднялся к себе, стараясь не попасться на глаза миссис Маккосленд. В голове стучала монотонная мысль, что Анна держалась с ним холодно. Скоро она обо всем узнает и вообще возненавидит его. С Анной все кончено, все кончено… Он повторял это, пока не провалился в сон.

Проспал он до полудня воскресенья и до вечера лежал в прострации, не в силах сделать несколько шагов до кухни за льдом. Ему казалось, что он уже никогда не сможет выспаться, никогда не восстановит силы. А все потому, что тело и разум снова и снова проходят тот долгий путь. Зачем? Он лежал в напряженной позе, трясясь от страха и обливаясь потом. А потом пришлось встать и спешно пойти в туалет, потому что с ним случился понос. От страха. Говорят, такое бывает на поле боя.

В полудреме Гай видел, как крадется к дому через газон. Дом был мягкий, белый и рыхлый, как облако. И он стоял перед этим облаком и не хотел стрелять, а хотел сразиться с ним голыми

руками. Разбудил его грохот выстрела. Он открыл глаза и обнаружил, что в предрассветной дымке стоит у своего письменного стола и направляет дуло револьвера на кровать, в которой барахтается Сэмюэль Бруно. Снова прогремел выстрел.

С воплем Гай вскочил с постели. Наваждение пропало. Был все тот же предрассветный час, час шаткого равновесия света и тьмы, жизни и смерти. Отныне каждый день на заре ему суждено видеть перед собой ту комнату, и с каждым разом видение будет отчетливей, а ужас — острей. Неужели он теперь всегда будет просыпаться на рассвете?

Из кухни послышался дверной звонок.

Полиция. Логично, что они пришли за ним на рассвете. И ему было все равно, абсолютно все равно. Он готов на чистосердечное признание. Готов выложить все без утайки!

Гай нажал кнопку, открывающую входную дверь, встал у двери своей комнаты и прислушался.

С лестницы донеслись быстрые шаги. Шаги Анны. Уж лучше полиция! Гай крутнулся вокруг себя, без всякой надобности задернул шторы, обеими руками пригладил волосы.

— Это я, — прошептала Анна и скользнула

внутрь. — Решила прогуляться пешком от Хелен. Сегодня чудное утро! — Тут она заметила повязку и изменилась в лице. — Что у тебя с рукой?

Гай отступил в тень у стола.

— Подрался.

— Когда? Вчера? Боже мой, а лицо-то!

— Ну да…

Надо удержать ее, без нее он погибнет. Он попытался обнять Анну, но она отстранилась, пристально разглядывая его в тусклом свете.

— Где ты подрался? С кем?

— Я его даже не знаю, — произнес Гай без всякого выражения, не задумываясь, что лжет, так отчаянно он хотел удержать ее. — В баре. Не включай свет. Пожалуйста.

— В баре?

— Я сам не понял, как это произошло.

— И ты этого человека впервые видел?

— Да.

— Я тебе не верю.

Она проговорила это медленно, и Гай с ужасом вспомнил, что она отдельное существо, не единое с ним целое, у нее свой собственный разум и собственная реакция на происходящее.

— Как я могу тебе верить? — продолжала Анна. — И почему я должна верить, что ты не

знаешь, от кого то письмо?

— Потому что это правда.

— А человек, с которым ты подрался возле нашего дома? Это был он? Ты от меня что-то скрываешь. — Она несколько смягчилась, однако продолжала наступление каждым словом: — Что происходит, милый? Я хочу тебе помочь. Но я должна знать правду.

— Ты ее знаешь, — ответил Гай и стиснул зубы.

Светало. Только бы удержать Анну, только бы удержать ее сейчас, тогда ему не будет страшна ни одна заря. Гай протянул руку к водопаду ее прямых светлых волос, но она отшатнулась.

— Так больше продолжаться не может. Не может.

— Ничего и не будет продолжаться. Все уже закончилось. Анна, я клянусь тебе.

Он чувствовал, что это момент истины — сейчас или никогда. Надо обнять Анну, прижать к груди и не отпускать, пока она не перестанет сопротивляться. Он понимал это, но не мог пошевелиться.

— Почему ты так уверен?

Гай помедлил.

— Потому что проблема была у меня в голове.

— Что, и письмо было в голове?

— Письмо подлило масла в огонь. Я очень нервничал из-за работы, совсем запутался.

Он опустил голову. Ну и стыд — валить свои грехи на работу!

— Ты когда-то сказал, что счастлив, когда я рядом, — медленно проговорила Анна, — и будешь счастлив, несмотря ни на что. Очевидно, все изменилось.

Конечно, она подразумевала, что это она больше с ним не счастлива. Но если она его не разлюбит, он из кожи вон вылезет, чтобы сделать ее счастливой! Он будет боготворить ее, служить ей!

— Я счастлив, когда ты рядом. Ты — все, что у меня есть.

Он склонил лицо еще ниже, и из его груди вырвались рыдания. Предательские, бесстыдные, они долго не хотели униматься, до тех пор пока рука Анны не легла на его плечо. И хотя Гай был благодарен ей за этот жест, он едва не отпрянул. В ее касании он почувствовал лишь жалость и сострадание к другому человеческому существу.

— Приготовить тебе завтрак?

В голосе Анны звучало сдержанное раздражение, но также и готовность простить, и Гай понял, что уже раз и навсегда прощен — за драку в ба-

ре. А правды она никогда не узнает, и не узнает никто на свете.

25

— Плевал я на ваше мнение!

Поставив ногу на кресло, Бруно свирепо глядел на Джерарда. Белобрысые тонкие брови были сдвинуты и топорщились, как у кошки, да и вообще всем своим видом он напоминал малость полинявшего, разъяренного тигра.

— Я не говорил, что у меня есть какое-то мнение. — Джерард пожал сутулыми плечами.

— Вы намекали.

— Ни на что я не намекал. — Джерард издал смешок, покатые плечи затряслись. — Вы меня неправильно поняли, Чарльз. Я не утверждаю, что вы намеренно сообщили кому-то о своем отъезде. Я думаю, вы сболтнули случайно.

Бруно глядел на него не мигая. Джерард заявил, что они с матерью наверняка замешаны в убийстве и что это определенно сделал кто-то из своих. Он также знал, что их пятничная поездка была запланирована лишь накануне вечером. И он заставил Бруно притащиться сюда, на Уолл-стрит, чтобы изложить свои соображения! Бруно знал, что у Джерарда против него ничего нет, как

бы детектив ни пытался убедить его в обратном.

— Ну так что, я могу откланяться?

Джерард перебирал бумаги на столе с таким видом, словно имел какие-то основания продолжать тратить его время.

— Погодите минуту. Выпить не желаете? — Джерард кивнул на бурбон, стоящий на полке.

— Нет, спасибо. — Выпить Бруно желал, но точно не с Джерардом.

— Как себя чувствует ваша матушка?

— Вы уже спрашивали.

Мать чувствовала себя плохо, не спала ночей, именно поэтому Бруно спешил домой. И то, что Джерард притворялся сейчас другом семьи, заставило его вскипеть от ярости. Джерард не друг семьи, он друг папаши!

— Кстати, мы не собираемся поручать расследование вам.

Джерард поднял глаза от своих бумаг, и его круглое, розовое, рябое лицо расплылось в улыбке.

— Это дело до того любопытно, что я готов заняться им безвозмездно.

Он закурил очередную сигару, формой напоминающую его толстые пальцы. Бруно с отвращением смотрел на поношенный светло-коричневый костюм с жирными пятнами на лацканах, на

чудовищный галстук мраморной расцветки. В Джерарде его раздражало все. Раздражала медлительная речь, раздражали воспоминания о том, что прежде он видел Джерарда лишь в обществе папаши. К тому же Артур Джерард не был похож на детектива. И даже на детектива под прикрытием. Бруно поверить не мог, что этот толстяк в самом деле первоклассный сыщик.

— Ваш отец был очень хорошим человеком. Жаль, что вы так плохо его знали.

— Я хорошо его знал.

Рябые, светло-карие глазки Джерарда смерили Бруно тяжелым взглядом.

— Полагаю, он знал вас лучше, чем вы его. Он оставил мне несколько писем — о вашем характере, о своих планах относительно вас.

— Он меня вообще не знал. — Бруно вытащил сигарету и непринужденно уселся.

— Вы ведь ненавидели отца?

— Это он меня ненавидел.

— Вы ошибаетесь. Именно поэтому я и говорю: вы плохо его знали.

Бруно вцепился в подлокотник, взмокшая ладонь скрипнула по лакированному дереву.

— К чему все это? Для чего вы меня тут задерживаете? Моя мать нездорова, и я хотел бы

вернуться домой.

— Надеюсь, она скоро поправится. Мне нужно задать ей несколько вопросов. Хорошо бы завтра.

От гнева у Бруно жар прилил к шее. Грядущие несколько недель будут для матери тяжелыми, а Джерард только усугубит ее страдания, потому что он враг им обоим. Бруно встал, набросил на руку сложенный плащ. Джерард не обратил на это никакого внимания и как ни в чем не бывало распорядился:

— А теперь напрягите-ка память. Где вы были и с кем встречались в ночь с четверга на пятницу? В без четверти три вы оставили мать с мистером Темплтоном и мистером Руссо у входа в клуб «Ангел». Куда вы направились?

Бруно вздохнул.

— В «Горячий гамбургер».

— Встретили там кого-нибудь знакомого?

— Я там ни с кем не знаком. Разве что с тамошней кошкой.

— А потом куда?

— В бар «У Кларка» на Третьей авеню.

— С кем-нибудь там виделись?

— Ну да, с барменом.

Джерард улыбнулся.

— А бармен утверждает, что вас не видел.

Бруно помрачнел. Полчаса назад Джерард обошелся без этой детали.

— Ну и что? Он мог не обратить на меня внимания в толпе.

— Вас знают все бармены. И они утверждают, что вас там не было. Как и толпы — откуда ей там взяться в ночь на пятницу, в четвертом часу? Я просто хочу помочь вам вспомнить, Чарльз.

Бруно раздраженно поджал губы.

— Может, я и не был у Кларка. Вообще-то обычно я заглядываю туда выпить последнюю на сон грядущий, но в тот раз мог и еще куда-то пойти. Может, я вообще домой пошел. А наутро мы с матерью много с кем говорили — звонили друзьям попрощаться перед отъездом.

— О, мы их всех непременно допросим. Но давайте по-честному. — Джерард закинул ногу на ногу и принялся сосредоточенно раскуривать сигару. — Неужели вы среди ночи оставили мать и ее друзей, чтобы купить гамбургер и тут же в одиночестве пойти домой?

— Почему бы и нет? Может, я хотел протрезветь.

— Мне нужен менее туманный ответ.

— Слушайте, я был пьян! Так что имею полное

право отвечать туманно!

— Меня интересует даже не то, куда вы пошли. Главное, кого из знакомых вы там встретили. Кому вы проговорились, что на следующий день уезжаете в Мэн? Вам самому не кажется подозрительным, что вашего отца убили, как только вы уехали?

— Никого я не встречал. Хотите — допросите всех моих знакомых.

— То есть вы просто бродили один до пяти утра?

— А с чего вы взяли, что я вернулся домой в пять утра?

— Так мне сказал Герберт. Вчера.

Бруно вздохнул.

— Почему же он этого в субботу не вспомнил?

— Ну, я всегда повторяю, что память — штука переменчивая. Вчера человек ничего не помнил, а сегодня вдруг бац — и вспомнил. И вы тоже вспомните. Можете быть свободны, Чарльз. — Джерард небрежно махнул рукой. — Надолго не прощаюсь.

Пару секунд Бруно медлил, подыскивая какой-нибудь хлесткий ответ, но, так ничего и не сочинив, вышел из кабинета. Хлопнуть дверью тоже не удалось, ее задержало встречным

потоком воздуха. Бруно прошагал по унылому, обшарпанному коридору «Конфиденциального детективного бюро». Громко стучала пишущая машинка, Бруно слышал ее стук на протяжении всего разговора с Джерардом. Джерард любил ввернуть «мы» по поводу и без повода. И вот они, эти «мы», тюкают по клавишам за дверьми кабинетов. Бруно кивком попрощался с секретаршей мисс Грэм, которая час назад выразила ему свои соболезнования. Час назад он явился сюда в приподнятом расположении духа. Он был твердо намерен не поддаваться на провокации Джерарда. А в результате? Да, шуточки Джерарда в адрес матери гарантированно выводили его из себя. Ну и пусть! Что у этой братии есть против него? Пшик! Какие у них улики? Ложные!

Бруно подумал о Гае и заулыбался. Он ни на секунду не позволил себе даже вспомнить о Гае, когда Джерард донимал его расспросами о ночи на пятницу! Гай и Бруно! Им нет равных! Как бы ему хотелось, чтобы Гай был сейчас рядом. Они взялись бы за руки и послали мир ко всем чертям! Они сделали то, что еще никому не удавалось! Они как два метеора, которые прочертили небо и растворились, а люди таращатся на то место, где только что пылал алый след, и гадают, не

разыгралась ли у них фантазия. Вспомнилось стихотворение, которое очень точно выражало его теперешние мысли. Вроде оно даже было у него с собой… Бруно зашел в бар на Уолл-стрит, заказал себе выпить и раскрыл записную книжку. В самом деле, в кармане ее обложки лежал маленький листок, вырванный из сборника поэзии еще в годы колледжа.

ТУСКЛЫЕ ГЛАЗА

Вейчел Линдсей

Нельзя позволить душам молодым
Зачахнуть, не успев раскрыть себя.
Преступно чад растить, чей взгляд так тускл,
Так туп, безволен, по-коровьи вял.

Их души истощились без мечты,
Они не служат, позабыв богов,
Они не жнут свой скудный урожай
И умирают как безмозглый скот.

Они с Гаем не такие, они не безмозглый скот. И пожнут они щедрый урожай. Бруно с радостью дал бы Гаю денег, если бы тот согласился

их принять.

26

Примерно в то же время на другой день Бруно сидел в шезлонге на террасе своего дома в настроении мирном и безмятежном и находил это новое для себя состояние очень приятным. С утра Джерард явился вынюхивать, но Бруно обошелся с ним спокойно и любезно, позаботился о том, чтобы детектива с помощником накормили обедом, а теперь Джерард убрался восвояси, и Бруно был горд. Он больше не позволит Джерарду вывести себя из равновесия, как накануне, — в гневе легко сболтнуть лишнего. А Джерард, конечно, дурак. Если бы он вел себя повежливее, может, Бруно и согласился бы помочь расследованию… Помочь расследованию? Его разобрал смех. Что за бредовая мысль?

В вышине пела какая-то птаха. Бруно задрал голову. Мать наверняка знает, что это за птица. Он окинул взглядом бурую траву на газоне, белый забор, заросли кизила, на ветвях которого начинали лопаться почки. Сегодня у Бруно проснулся интерес к природе. Только что матери пришел чек на двадцать тысяч. А скоро они получат

гораздо более крупную сумму, как только страховщики перестанут тявкать и юристы наконец закончат свою волокиту. За обедом они с матерью обсуждали поездку на Капри, пока гипотетически, но Бруно был уверен, что все сложится. А вечером они пойдут ужинать в свой любимый уютный ресторанчик на выезде из Грейт-Нека. Неудивительно, что интерес к природе возник лишь теперь — Бруно наконец-то стал хозяином травы и деревьев вокруг собственного дома.

На коленях у него лежала записная книжка, и он небрежно листал ее. Книжку он нашел у себя в вещах сегодня утром, не смог вспомнить, брал ли ее с собой в Санта-Фе, и решил на всякий случай проверить, нет ли в ней упоминаний о Гае, — пока Джерард не наложил на нее лапы. Между делом он обнаружил немало людей, с которыми хотел бы возобновить знакомство теперь, когда он при деньгах. Потом у него возникла идея. Достав карандаш, он написал под буквой «П»:

Томми Пандини
76-я улица, 232-в

А под буквой «Ш»:

«Шалава»

Пускай Джерард поищет!

Ближе к концу книжки он обнаружил запись: «Дэн, 8:15, отель „Астор“». Он не помнил никакого Дэна. «Забрать долг у Кэпа до 1 июня». Бруно перевернул страницу и похолодел. «Подарок Гаю — 25 долларов». Он поспешно вырвал страницу. Тут имелся в виду ремень, который он купил в Санта-Фе. Зачем вообще было это записывать?! Помутнение рассудка…

Именно в эту минуту к дому подъехал большой черный автомобиль Джерарда.

Усилием воли Бруно заставил себя остаться на месте и проверить книжку до конца. Затем сунул ее в карман, а вырванную страницу скомкал и отправил в рот.

Джерард шел к нему по вымощенной камнями дорожке, зажав сигару в зубах.

— Что нового? — поинтересовался Бруно.

— Да есть кое-что.

Джерард скользнул взглядом по газону от дома до забора, оценивая расстояние, которое преодолел убийца, спасаясь бегством.

— Например?

Бруно непринужденно пережевывал комочек бумаги, как будто жевательную резинку. Он покосился на автомобиль и встретил пристальный взгляд помощника Джерарда. Тот сидел за рулем и неотрывно смотрел на Бруно из-под полей серой шляпы. Неприятный тип…

— Например, мы выяснили, что убийца скрылся не в городе. Он ушел вон туда. — Джерард махнул рукой, как сельский лавочник, показывающий дорогу. — Рванул напролом через тот лесок, и там ему пришлось несладко. Мы нашли вот это.

Бруно встал с шезлонга и посмотрел на обрывок лиловой перчатки и клочок темносиней ткани, похожей на ткань пальто Гая.

— Ну и ну. Вы уверены, что это от одежды убийцы?

— Вполне. Вот этот лоскут от пальто. А этот, скорее всего, от перчатки.

— Или шарфа.

— Нет, тут есть шов. — Джерард потыкал в обрывок ткани рябым жирным пальцем.

— Веселенькая расцветка…

— Так они женские. — Джерард подмигнул ему.

Бруно ухмыльнулся и тут же пожалел об этом.

— Сперва я подумал, что убийца профессио-

нал, — признался Джерард со вздохом. — Он явно знал, что как расположено в доме. Но профессионал не потерял бы голову и не стал бы ломиться через здешние дебри.

Бруно хмыкнул якобы с неподдельным интересом.

— Хотя верная дорога была ему известна, — продолжал Джерард. — Он промахнулся мимо нее в темноте на какой-то десяток метров.

— Почему вы так решили?

— Потому что это убийство, Чарльз, является результатом тщательного планирования. Сломанный замок с черного хода, ящик из-под молочных бутылок, приставленный к забору…

Бруно молчал. Значит, Герберт доложил, кто именно сломал замок. Возможно, и про ящик тоже.

— Лиловые перчатки! — Джерард весело хохотнул, что было совсем на него не похоже. — Да какая разница, какого они цвета! Убийца надел их не для красоты, а чтобы отпечатки пальцев не оставлять! Верно я говорю?

— Ну да… — ответил Бруно.

Джерард вошел в дом через террасу. Бруно последовал за ним. Джерард направился в кухню, а Бруно — на второй этаж. Заглянул к себе, бросил

записную книжку на кровать и пошел дальше по коридору. При виде открытой двери в комнату отца у него возникло странное чувство — словно он лишь теперь осознал, что Капитана больше нет. Все оттого, что дверь болталась нараспашку — как выбившаяся из-под ремня сорочка, как поднятое забрало. Отец бы такого не допустил. Помрачнев, Бруно захлопнул дверь, оставив за ней ковер, по которому ступали ноги Гая, а потом детективов, письменный стол, с которого забрали все бумаги, и раскрытую чековую книжку, ожидающую росчерка отцовского пера. Потом осторожно заглянул к матери. Она лежала на кровати с открытыми глазами, до подбородка завернувшись в розовое одеяло. В таком положении она пребывала с вечера субботы.

— Ты не спала?

— Нет.

— Джерард опять приехал.

— Знаю.

— Если не хочешь с ним общаться, я его прогоню.

— Милый, ну что за глупости.

Бруно присел на край постели и наклонился к ней.

— Поспала бы ты, мам.

Под глазами у нее залегли испещренные морщинками лиловые тени, а уголки губ опустились вниз, так что рот стал незнакомо длинным и тонким.

— Милый, Сэм точно ничего тебе не говорил? Не делился никакими подозрениями?

— Да разве он стал бы чем-то таким со мной делиться?

Бруно встал и принялся бродить по комнате. Присутствие Джерарда в доме его раздражало. Джерард вел себя так, будто у него в рукаве есть улики против всех и каждого — даже против Герберта, который боготворил отца и разве что прямым текстом не обвинял в его смерти Бруно. Но Герберт точно не видел, как Бруно измерял шагами дом, иначе уже заявил бы об этом. Да, Бруно слонялся по дому и двору, пока мать лежала с пневмонией, но кто мог знать, считает он при этом шаги или нет? Он хотел бы сейчас пожаловаться на Джерарда, однако мать бы его не поняла. Она настаивала на том, чтобы расследование вел именно он, потому что он считался лучшим. В этом деле они с матерью не были заодно. Она даже могла сболтнуть лишнего — например, что они запланировали пятничный отъезд лишь накануне — и даже не поставить его

в известность!

— Чарли, а ты располнел, — пожурила его мать с улыбкой.

Бруно тоже заулыбался, потому что она опять стала похожей на себя. Она вылезла из постели и теперь надевала шапочку для душа перед зеркалом.

— На аппетит не жалуюсь, — соврал Бруно.

И аппетит, и пищеварение у него в последнее время были ни к черту. Впрочем, это не мешало ему толстеть.

Джерард постучал в дверь через секунду после того, как мать закрыла за собой дверь в ванную.

— Она надолго, — сообщил ему Бруно.

— Передайте ей, что я жду в холле.

Бруно передал это матери через дверь и пошел к себе. Записная книжка валялась в другом положении — Джерард явно успел обнаружить ее и просмотреть. Бруно не спеша сделал себе виски с содовой, выпил и бесшумно спустился в холл. Джерард уже расспрашивал мать:

— Вы не заметили внезапных перемен в его настроении? Может, он был подавлен или, наоборот, чему-то радовался?

— Ну, мой мальчик вообще подвержен переменам в настроении. Так что ничего особенного я

не заметила.

— А… Иногда близкие чувствуют, когда что-то не так. Вы же согласны со мной, Элси?

Мать промолчала.

— Жаль… Просто он совсем не хочет помогать расследованию.

— По-вашему, он что-то скрывает?

— Не знаю, — протянул Джерард с омерзительной улыбочкой; судя по тону, он ожидал, что Бруно подслушивает. — А вы как считаете?

— Разумеется, я считаю, что нет. К чему вы клоните, Артур?

Он ее рассердил. Теперь она будет о нем не столь высокого мнения. Глупый, глупый Джерард.

— Вы же хотите, чтобы я докопался до правды, Элси? Он так и не дал мне прямого ответа, куда пошел в ночь на пятницу, расставшись с вами. Он водит дружбу с весьма сомнительными личностями. Один из его приятелей вполне мог оказаться наемником кого-то из конкурентов Сэма. Шпионом или вроде того. А Чарльз вполне мог ненароком сболтнуть о вашем отъезде…

— К чему вы клоните? По-вашему, Чарльз что-то знает?

— Ну, я бы этому не удивился. А вы?

«Чтоб ты сдох», — прошептал Бруно себе под

нос. Как он смеет говорить такое его матери?!

— Не сомневайтесь, если он мне что-то скажет, я вам передам.

Бруно отступил — в шоке от того, как легко она пошла у Джерарда на поводу. Неужели что-то заподозрила? Простить убийство выше ее сил. Разве он не понимал этого в Санта-Фе? А если она вспомнит, что он рассказывал ей про Гая в Лос-Анджелесе? Если Джерард найдет Гая в ближайшие две недели, его могут выдать царапины, или какой-нибудь порез, или синяк. В холле послышалась мягкая поступь Герберта. Дворецкий принес матери бокал на подносе и тут же удалился. Сердце у Бруно выпрыгивало из груди. Он словно попал в гущу битвы, и на него наседали со всех сторон. Поспешно ретировавшись к себе, он выпил от души, прилег и попытался уснуть.

Разбудил его Джерард, положив руку ему на плечо. Бруно дернулся и отпрянул.

— До свиданья. — Джерард ощерил желтые от табака зубы. — Я уезжаю, зашел попрощаться.

— И ради этого вы меня разбудили?

Джерард усмехнулся и вышел прежде, чем Бруно успел придумать ему достойную отповедь. Он рухнул на подушку и попробовал снова уснуть, но перед глазами маячила коренастая

фигура Джерарда в светло-коричневом костюме. Детектив шнырял по коридорам, как призрак, просачивался сквозь запертые двери, совал нос в ящики и чужие письма, строчил в своем блокноте, указывал пальцем на Бруно, донимал его мать, так что невозможно было не поддаться на провокацию.

27

— А как еще это понимать? Он меня обвиняет! — кричал Бруно через стол.

— Ну что ты, милый! Он просто делает свою работу.

Бруно убрал со лба волосы.

— Может, потанцуем, мам?

— Куда тебе танцевать в таком состоянии?

— Тогда я хочу еще выпить.

— Милый, вот-вот принесут еду.

Бруно не мог поднять глаза на мать. Ее безграничное терпение, ее осунувшееся лицо заставляли его сердце сжиматься от боли. Он стал вертеть головой в поисках официанта. Поди разбери, кто тут официант, в такой толпе. Взгляд задержался на человеке, сидевшем за столиком с другой стороны от танцпола. Человек был похож на Джерарда. Бруно не мог рассмотреть, с кем он там сидит, но этот тип выглядел в точности как Джерард — пегие волосы, лысина, разве что костюм черный, а не светло-коричневый. Бруно прикрыл один глаз, чтобы все вокруг перестало двоиться.

— Чарли, сядь, я тебя прошу. Сейчас подойдет официант.

Там был Джерард, и он смеялся. Видимо, его спутник сказал, что Бруно на них смотрит. Несколько мучительных секунд Бруно раздумывал, сообщать ли матери. Внутри у него все клокотало.

Наконец он сел и выпалил в бешенстве:

— Там Джерард!

— Правда? Где?

— Вон там, слева от музыкантов. Под голубой лампой.

— Не вижу. — Мать вытягивала шею. — Милый, тебе померещилось.

— Ничего мне не померещилось! — крикнул Бруно и швырнул салфетку в свой ростбиф.

— Я вижу человека под голубой лампой, — спокойно проговорила мать, — и это не Джерард.

— Ты отсюда не разглядишь! Это он, и я не желаю есть с ним в одном помещении!

— Чарльз… — Мать вздохнула. — Если хочешь еще выпить, выпей. Вот официант.

— И пить с ним я тоже не желаю! Хочешь, я докажу тебе, что это он?

— Какое это имеет значение? Он нам не мешает. Наверняка он пришел нас охранять.

— Вот, ты признаешь, что это он! Шпионить явился! И темный костюм нацепил! Нарочно, чтобы красться за нами повсюду!

— Это не Артур, — тихим голосом отрезала мать, выжимая дольку лимона над жареной рыбой. — У тебя галлюцинации.

Бруно разинул рот.

— Мам, как ты можешь? — Голос у него сорвался.

— Милый, на нас все смотрят.

— Да плевал я!

— Ну вот что, послушай. Ты выискиваешь в поведении Джерарда то, чего там нет. Не спорь! Ты хочешь эмоциональной встряски, адреналина. Мне это знакомо.

Бруно потерял дар речи. Собственная мать обратилась против него. Она смотрела на него таким же взглядом, каким прежде смотрел Капитан.

— Наверняка ты в сердцах ляпнул Джерарду какую-нибудь глупость. Теперь он считает, что ты странно себя ведешь. И я его понимаю.

— И это достаточный повод, чтобы следить за мной днем и ночью?

— Милый, здесь нет никакого Джерарда, — отрезала мать.

Бруно с трудом встал и, шатаясь, пошел к сто-

лику, за которым сидел папашин сыщик. Ничего, сейчас она убедится, что это Джерард, а Джерард — что Бруно так просто не запугаешь. Путь ему преграждала еще пара столов, но Бруно уже ясно видел Джерарда.

Джерард обернулся и фамильярно помахал рукой, а помощник его тупо сидел и пялился. Бруно убивала мысль, что они с матерью за это еще и платят! Он раскрыл рот, не зная, что сказать, развернулся, еле удерживая равновесие. Он прямо сейчас позвонит Гаю, вот что он сделает! Прямо здесь, под носом у Джерарда!

Бруно хотел пройти к телефонной будке через танцпол, но медленно кружащиеся фигуры не пускали его, теснили его назад, как морские волны, такие легкие, мягкие и при этом непреодолимые. В памяти всплыла картинка из детства, когда он во время домашней вечеринки так же пытался пройти через гостиную к матери и его не пускали вальсирующие пары.

Очнулся он ранним утром в своей постели и некоторое время неподвижно лежал, вспоминая, чем закончился вечер. Значит, в какой-то момент он отключился. Но успел ли он перед этим позвонить Гаю? И если да, мог ли Джерард узнать номер? С Гаем Бруно не говорил, иначе непремен-

но бы это запомнил. Следовало узнать у матери, где он отключился, не в телефонной ли будке. Но стоило ему подняться, как началась утренняя трясучка, и пришлось идти в ванную. Слишком резко подняв стакан к губам, Бруно плеснул себе разбавленным виски в лицо и схватился за дверь, ища опоры. Трясучка теперь донимала его и утром, и вечером, будила все раньше и раньше, и с вечера, чтобы уснуть, приходилось пить все больше и больше. А между приступами трясучки был Джерард.

28

Едва Гай сел за рабочий стол с аккуратно разложенными чертежами больницы, к нему моментально вернулось привычное ощущение, что он ни в чем не нуждается и ему ничто не угрожает.

За прошедший месяц он вымыл и перекрасил все книжные полки, отнес в чистку ковер и шторы, до блеска отдраил свою маленькую кухоньку. «Нет покоя виноватому», — думал он, сливая грязную воду в раковину. Спал он теперь по два-три часа в сутки, и то после физической нагрузки, поэтому решил, что уборка — более полезный способ утомиться, чем бесцельные шатания по улицам.

Взгляд упал на лежащую на кровати неразвернутую газету. Гай подошел и внимательно просмотрел ее. Вот уже полтора месяца, как в газетах перестали упоминать об убийстве. Он уничтожил все, что могло бы его уличить, — лиловые перчатки изрезал и смыл в унитаз, пальто (хорошее пальто, он даже хотел отдать его какому-нибудь нищему, но потом решил, что

это низость — подсовывать кому бы то ни было одежду убийцы) и брюки разодрал на кусочки и выбросил вместе с мусором. «Люгер» сбросил с Манхэттенского моста, а с другого моста — ботинки. При нем остался лишь маленький револьвер.

Гай достал револьвер из ящика стола, чувствуя под пальцами приятную твердость. Единственная улика, от которой он не избавился. Но если его вычислят, другой и не потребуется. Гай прекрасно знал, отчего не может расстаться с револьвером, — это была часть его самого, его третья рука, совершившая убийство. Это был сам Гай — в пятнадцать лет, когда купил его, потом в Чикаго, когда любил Мириам и хранил его в спальне, любуясь им в минуты уединенных раздумий. Револьвер обладал механической, неоспоримой логикой, он был лучшей частью Гая. Он содержал в себе способность убить.

Если у Бруно хватит наглости снова объявиться, Гай и его убьет. Он знал, что сможет. И Бруно наверняка тоже знал. Он с самого начала видел Гая насквозь, и его молчание радовало Гая едва ли не больше молчания полиции. На самом деле он вообще не беспокоился, найдет его полиция или нет. Причина его терзаний находилась в собственной душе, в непрекращающейся битве

с самим собой, столь мучительной, что иногда вмешательство закона представлялось ему желанным избавлением. Законы общества куда милосердней законов совести. Он мог бы сам сдаться на милость закона. Но что такое признание — пустой жест, попытка обойтись малой кровью, способ уйти от правды.

«Я не питаю особого уважения к закону». Так он говорил Питеру Риггсу два года назад. С чего ему было уважать некий свод правил, согласно которому они с Мириам продолжали считаться мужем и женой? «Я не питаю особого уважения к церкви», — с глупым бахвальством заявил он тому же Питеру в пятнадцать. Тогда он, конечно, имел в виду баптистов в Меткалфе. В семнадцать он пришел к Богу сам. Пришел к Нему через свой пробуждающийся талант, познав единство всех искусств, природы и науки — всех сил, которые созидают и упорядочивают мир. Он не смог бы построить ничего без веры в Бога. И где же была его вера, когда он совершал убийство? Это он оставил Бога, не Бог его. И теперь он думал, что ни одна живая душа не чувствовала и не должна почувствовать такого гнета вины и что он не выжил бы под этим гнетом, если бы душа его не была уже мертва, а от него самого не осталась

лишь пустая оболочка.

Гай со свистом втянул воздух сквозь зубы и нервно, раздраженно утер рот. Его не покидало ощущение, что его ждет кара еще суровей, открытие еще горше. С губ вдруг сорвался шепот:

— Я страдаю недостаточно!

Только почему он шепчет? Он что, стыдится?

— Я страдаю недостаточно! — повторил Гай нормальным голосом и оглянулся, словно кто-то мог его услышать.

Надо скорее браться за дело. Ему поручили спроектировать здание больницы. Гай хмуро посмотрел на небольшую стопку своих набросков, лежащих в круге света от настольной лампы. Даже не верилось, что он действительно получил работу. Он почти ждал, что вот-вот проснется — и проект в его руках растает, как сладкий сон. Больница. Пожалуй, больница лучше, чем тюрьма. Странная мысль… Две недели назад, когда Гай начал разрабатывать интерьер больницы, он думал не о смерти, а о здоровье и исцелении. Кстати, он до сих пор не поделился новостью с Анной. Вот почему ему трудно поверить, что это происходит на самом деле. Его сосуд реальности — Анна, а вовсе не работа. Так почему же он с ней не поделился?

Следовало заняться делом, но в ногах уже появилась безумная энергия, возникавшая с приближением ночи. Каждый вечер она выгоняла его нарезать круги по улицам в тщетных попытках ее сжечь. Гай боялся этой энергии, потому что не мог найти задачу, которая поглотила бы ее, и начинал опасаться, что такой задачей может быть самоубийство. Но в глубине души против собственной воли он все еще цеплялся за жизнь, к тому же видел в самоубийстве удел трусов и жестокость по отношению к близким.

Он подумал о матери, о том, что больше никогда не позволит ей себя обнять. Вспомнил ее слова: все люди хорошие, ведь у каждого есть душа, а в душе не может быть ничего дурного. Она считала, что зло приходит в человека извне. И Гай разделял эту точку зрения, даже в месяцы после разрыва с Мириам, когда бредил убийством ее любовника. И даже читая Платона в поезде. В его собственной душе обе лошади, влекущие за собой колесницу, были одинаково послушны. Но теперь он предполагал, что любовь и ненависть, добро и зло живут в человеческом сердце бок о бок. И не просто в разных пропорциях в каждой душе — нет, каждый человек носит в себе все добро и все зло на свете. Надо лишь приглядеться,

отыскать частицу добра или зла — и найдешь сразу все. Достаточно копнуть чуть глубже. Все существует в единстве с противоположностью: у каждого зверя есть свой враг, есть аргументы за и против, мужчины и женщины, минус и плюс. Расщепив атом, человек сделал первое истинное разрушение, поправ всеобщий закон единства. Ничто не может существовать вне связи со своей противоположностью. Есть ли пространство внутри здания без стен, которые его ограничивают? Может ли существовать энергия без материи или материя без энергии? Материя и энергия, покой и движение — когда-то их считали противоположностями, но теперь признали их единство.

И Бруно. Он и Бруно. Каждый из них был тем, кем другой сознательно решил не быть, отверженным «я», которое они оба в себе ненавидели, хотя на самом деле, возможно, любили.

Гай испугался, что сходит с ума. Что ж, гениальность часто сочетается с безумием. Но до чего же заурядна жизнь большинства!

Нет, дуализм пронизывает всю природу вплоть до бесконечно малых протонов и электронов в составе атома. Теперь наука пытается расщепить электрон, и вполне возможно, что эти попытки не

увенчаются успехом, ведь в их основе лишь идея, единственная на свете истина: у всего сущего есть противоположность. Кто знает, что есть электрон — материя или энергия? Возможно, в каждом электроне Бог и дьявол танцуют рука об руку!

Гай бросил сигарету в мусорную корзину и промазал.

Наклонившись за окурком, он увидел в корзине смятый листок, на котором накануне писал чистосердечное признание — одно из многих, продиктованных безумным гнетом вины. Это так резко вернуло его к реальности, что сделалось дурно. Реальность нападала со всех сторон — Бруно, Анна, комната, ночь, завтрашняя конференция в департаменте здравоохранения.

Ближе к полуночи, когда его начало клонить в сон, Гай осторожно прилег, не раздеваясь из опасения прогнать дремоту.

Ему снилось, что его будит размеренное, осторожное дыхание — так дышал он сам, когда пытался уснуть. Дыхание доносилось из-за окна. Кто-то лез в дом по стене. Вдруг в комнату метнулась высокая фигура в длинном плаще, напоминающем крылья летучей мыши.

— Я здесь, — произнес незваный гость.

Гай вскочил, готовясь драться.

— Кто ты? — крикнул он и узнал Бруно.

Бруно сдерживал его удары, не пытаясь дать отпор. Собрав все силы, Гай мог прижать Бруно к полу — и каждый раз в этом сне он именно так и делал. Навалившись на поверженного Бруно коленями, Гай душил его, а Бруно продолжал весело скалить зубы.

— Ты, — отвечал он Гаю наконец.

Гай очнулся весь в поту. Голова гудела. Он приподнялся на постели, с опаской оглядел пустую комнату. Из-за окна доносилось негромкое хлюпанье, как будто внизу по бетонному двору ползла змея, шлепая мокрыми кольцами по стенам. Он не сразу понял, что это всего лишь дождь, серебристый летний дождь. Гай опустил голову на подушку и тихо заплакал. Он думал о косом дожде, льющемся на землю. Дождь спрашивал: «Где молодые побеги? Где новая жизнь, что я должен напоить?» «Где та зеленая лоза, Анна? Где зеленая лоза нашей любви?» — написал он вчера на смятом листке с признанием. Дождь отыщет и напоит собой новую жизнь, на голый бетонный двор падают его излишки. Где та зеленая лоза, Анна…

Гай лежал с открытыми глазами, пока рассвет, как фигура Бруно из сна, не ухватился пальцами

за подоконник. Тогда он включил лампу, задернул шторы и сел за работу.

29

Гай ударил по тормозам, но автомобиль все равно несло прямо на ребенка. Раздался негромкий лязг падающего велосипеда. Гай выскочил, обежал машину, крепко приложившись коленом к бамперу, и поднял мальчишку под руки.

— Я цел, — заверил тот.

Подбежала Анна.

— С ним все в порядке?

— Вроде да.

Гай зажал переднее колесо велосипеда между коленями и выправил помятый руль. Мальчишка с любопытством глядел на его трясущиеся руки.

— Спасибо, — бросил он, запрыгнул на велосипед и укатил.

Гай смотрел ему вслед так, будто узрел чудо. Потом обернулся к Анне и сказал с прерывистым вздохом:

— Лучше мне сегодня не садиться за руль.

— Хорошо, — ответила она так же тихо и направилась к месту водителя, но Гай заметил подозрение в ее глазах.

Сев в машину, Гай извинился перед Фолкне-

рами, они пробормотали, что такое со всеми случается. Остаток пути ехали в молчании, Гай спиной чувствовал их потрясение и страх. Он видел, как мальчик на велосипеде приближался по боковой дороге. Мальчик остановился, пропуская его, но Гай крутанул руль, будто нарочно хотел его сбить. Неужели и правда хотел? Дрожащей рукой он достал сигарету. Ерунда, просто в последнее время нелады с координацией — вот уже две недели он то налетит на вращающуюся дверь, то еще что-нибудь в таком духе. Ему даже не всегда удавалось провести прямую черту по линейке, и часто накатывало ощущение иллюзорности окружающего. Усилием воли он вернул себя к реальности. Вот он едет в Олтон за рулем автомобиля своей невесты. Дом готов. На прошлой неделе Анна и миссис Фолкнер повесили в нем занавески. Воскресенье, время к полудню. Анна говорила, что накануне пришло чудесное письмо от матери Гая, которая выслала ей три ажурных фартука и домашние соленья и варенья, чтобы кухонные полки с первых дней не пустовали. И как он все это запомнил? Ведь его мысли полностью занимают чертежи больницы в Бронксе, о которой он до сих пор ни слова не сказал Анне. Хотелось уехать куда-нибудь, не

заниматься ничем, кроме работы, не видеть никого, даже Анну. Он украдкой посмотрел на нее, на ее спокойное лицо, небольшую горбинку носа. Ее тонкие сильные руки уверенно держали руль, мастерски проводя автомобиль через повороты. Гай вдруг подумал, что свою машину она любит больше, чем его.

— Никому есть не хочется? — спросила Анна. — Решайте сейчас, вот последний магазин, дальше ничего не будет до самого дома.

Есть никто не хотел.

— Я надеюсь, что вы хотя бы раз в год будете приглашать к себе на ужин, — заметил отец Анны. — Угощать нас утками и перепелами. По слухам, в этих местах неплохая охота. Гай, вы стрелять умеете?

Анна повернула на подъездную дорожку.

— Да, умею, — наконец выговорил Гай, дважды заикнувшись.

Сердце бешено колотилось, гнало спасаться бегством, словно Гай мог успокоить его, лишь побежав без оглядки.

Анна улыбнулась ему и прошептала, остановив машину:

— Тебе нужно выпить. На кухне есть бренди.

Она положила ладонь ему на запястье, и Гай

инстинктивно отдернул руку.

Он знал, что она права, но все равно не собирался пить ни капли.

Миссис Фолкнер шла рядом с ним по лужайке.

— Дом великолепен, Гай. Вы вправе им гордиться.

Гай кивнул. Дом закончен, можно полюбоваться им воочию, а не мысленно рисовать контуры на коричневом комоде гостиничного номера. Анна хотела положить в кухне плитку в мексиканском стиле. В ее гардеробе было столько всего мексиканского — пояс, сумочка, сандалии-гуарачи. Вот и сейчас из-под твидового пальто выглядывала длинная вышитая мексиканская юбка. Гай думал, что нарочно поселился тогда в мрачном отеле «Монтекарло», чтобы лицо Бруно на фоне коричневого комода преследовало его всю оставшуюся жизнь.

До свадьбы остался месяц. Еще четыре пятничных вечера, и Анна будет сидеть в большом зеленом кресле у камина, будет звать его из мексиканской кухни, они будут вместе работать в студии наверху. Какое он имеет право обрекать ее на свое общество? Гай размышлял об этом на пороге спальни, краем сознания отметив, что обстановка в ней довольно захламленная. Анна

упоминала, что хотела бы видеть спальню старомодной, никакого минимализма.

— Не забудь сказать маме спасибо за мебель, — шепнула ему Анна.

Да, конечно, гарнитур из вишневого дерева… Анна говорила ему об этом за завтраком. На ней в тот момент было черное платье — то самое, в котором она пришла к Гаю от Хелен Хэйберн на рассвете и увидела бинты и царапины… Гай пропустил момент, когда следовало поблагодарить за подарок, а потом стало уже поздно. Наверняка Фолкнеры видят, что с ним что-то не так. Это всем на свете видно. Он лишь получил отсрочку, временную передышку, но скоро на него обрушится кара и превратит в прах.

— О чем задумались, Гай? О новой работе? — спросил мистер Фолкнер, предлагая ему сигарету.

Гай не заметил его на боковом крыльце, когда выходил. Словно оправдываясь, он достал из кармана сложенный чертеж и принялся объяснять. Мистер Фолкнер внимал с увлеченным видом. Гай смотрел на его густые, каштановые с проседью брови, глубокомысленно сдвинутые над переносицей, и думал: «Он совсем меня не слушает. Он просто хочет рассмотреть черное

пятно вины, которое теперь меня окружает».

— Странно, дочь об этом даже не обмолвилась.

— Я хочу сделать ей сюрприз.

— А… — Мистер Фолкнер усмехнулся. — Свадебный подарок?

Потом родители Анны взяли автомобиль и поехали в магазин за сэндвичами. Гай устал от дома и позвал Анну прогуляться.

— Минутку, — отозвалась она. — Подойди сюда.

Она стояла у большого каменного камина. Положив руки Гаю на плечи, Анна заглянула ему в лицо — слегка настороженно, но все еще светясь от гордости за их прекрасное новое жилище.

— Ты как-то осунулся. — Она провела пальцем по его щеке. — Ну ничего, я тебя откормлю.

— Мне просто надо поспать, — пробормотал Гай.

Он говорил ей, что в последнее время приходится работать до глубокой ночи. Мол, как Майерс, набрал много мелких заказов, чтобы подзаработать.

— Милый, зачем ты так переутомляешься? У нас вполне хватает денег. Что тебя тревожит?

Она уже раз пять спрашивала его, не в свадьбе ли дело? Может, он не хочет на ней жениться?

Если бы она спросила еще раз, Гай вполне мог ответить, что так и есть. Но он знал, Анна не задаст этот вопрос здесь, перед их камином.

— Ничего, — быстро произнес он.

— Тогда не мог бы ты работать поменьше? — попросила она с умоляющим видом и обняла его в порыве радости и предвкушения.

Механически — отметив про себя, что не вкладывает в это никаких эмоций, — Гай коснулся губами ее губ, потому что так было надо. Он не целовал ее очень давно и знал, что от нее не укроется малейшее изменение в поцелуе.

Она ничего не сказала, и Гай понял: случившаяся с ним перемена так велика, что Анна просто не нашла слов.

30

Гай прошел через кухню к двери черного хода.

— Невежливо с моей стороны заявиться в гости именно в тот вечер, когда у кухарки выходной.

— И что же тут невежливого? — Миссис Фолкнер угостила его стебельком сельдерея, который мыла в раковине. — Разве что Хэйзел расстроится — упустила возможность порадовать вас своим бисквитом. Придется довольствоваться тем, что печет Анна.

Гай вышел во двор. Еще ярко светило солнце, но от ограды из штакетника на клумбы с ирисами и крокусами уже падали длинные тени. За волной зеленой травы виднелась макушка Анны с собранными в конский хвост волосами — у ручья, где они не раз вместе рвали мяту и водяной кресс. Ручей бежал из леса, где Гай когда-то дрался с Бруно. Он напомнил себе, что Бруно из его жизни исчез.

К дому подъехал аккуратный черный автомобиль мистера Фолкнера и медленно вкатился в открытый гараж. «Что я здесь делаю?» Гай чувствовал, что обманывает всех, даже чернокожую

кухарку, которая любила печь для него бисквиты, потому что он однажды их похвалил. Гай шагнул в тень грушевого дерева, чтобы не попасться на глаза ни Анне, ни ее отцу. Если он исчезнет из жизни Анны, заметит ли она потерю? У нее полно друзей, она общается и с друзьями Тедди, и это сплошь достойные молодые люди, которые играют в поло и самую малость в казино, получают работу в отцовских компаниях и женятся на прекрасных девушках, украшающих собой загородные клубы. Анна, конечно же, не из таких, иначе она бы не обратила внимания на Гая. Она не из тех юных созданий, которые работают пару лет и завершают карьеру, выйдя замуж за достойного молодого человека. Но разве Анна не стала бы той, кто она есть, без Гая? Хотя она часто говорила, что черпает вдохновение в его целеустремленности, она была так же талантлива до встречи с ним, так же настроена на успех, разве не смогла бы она достичь высот и без него? И разве не встретился бы ей другой мужчина, который, в отличие от Гая, был бы ее достоин?

Гай зашагал к невесте через лужайку.

— Я почти закончила, — крикнула ему Анна. — Ты чего так долго?

— Спешил как мог, — ответил Гай, потупив-

шись.

— Как же, десять минут подпирал там стены.

Гай увидел плывущий по течению стебелек кресса и подхватил его, ловко, как опоссум.

— Я подумываю устроиться на работу, — сообщил он.

Анна подняла на него изумленный взгляд.

— Устроиться? В смысле — в фирму?

Гай кивнул, отводя глаза.

— Да, по-моему, разумно. Постоянная работа с хорошим жалованьем.

— Постоянная? — Она усмехнулась. — У тебя еще год уйдет на больницу!..

— Ну, мне же не придется весь год сидеть за кульманом.

Анна поднялась с земли.

— Ты из-за денег? Потому что не берешь платы за больницу?

Гай отвернулся и сделал большой шаг вверх по мокрому берегу.

— Не совсем, — выдавил он сквозь зубы. — Ну, может отчасти.

Он давно решил вернуть департаменту здравоохранения свой гонорар.

— У нас нет особой нужды. Мы ведь все обсудили. Ты вполне можешь поработать безвозмездно.

Мир затих и прислушивался. Гай смотрел, как Анна убирает прядь волос с лица, оставив на лбу грязную полосу.

— Я ненадолго. На полгода, может, даже меньше.

— Но зачем?!

— Мне так хочется!

— Почему тебе так хочется? Почему ты делаешь из себя мученика?

Гай молчал.

Заходящее солнце опустилось ниже крон деревьев и вдруг озарило их с Анной ярким сиянием. Гай сощурился, пряча глаза за нахмуренными бровями. На одной из бровей у него белел шрам, этот шрам всегда будет напоминать о том, как он продирался через лес той ночью. Гай пнул носком ботинка вросший в землю камень. Пусть Анна думает, что работа в фирме — следствие его депрессии после завершения «Пальмиры». Пусть думает что хочет.

— Гай, я тебе очень сочувствую.

Он обернулся.

— Сочувствуешь?

— Да. Я догадываюсь, в чем дело.

— В смысле?

Он глядел на нее, держа руки в карманах. Анна

ответила не сразу.

— После окончания «Пальмиры» ты сам не свой. Возможно, ты этого даже не осознаешь… но, в общем, я считаю, что все дело в Мириам.

Гай отпрянул.

— Нет! Нет, она тут ни при чем! — воскликнул он горячо.

— Послушай меня, — произнесла Анна тихо и четко. — Может, на самом деле ты не так хочешь нашей свадьбы, как себя убедил. Если передумал, лучше признайся. Мне будет легче принять такую правду, чем твое намерение устроиться в фирму. Если хочешь отложить свадьбу или вообще ее отменить, говори честно, я переживу.

За спокойствием ее слов явно стояло давно принятое решение. Гай мог отказаться от нее прямо сейчас. Эта боль заглушит боль вины.

— Анна, где ты там? — крикнул мистер Фолкнер из дверей кухни. — Мне нужна мята!

— Минуту, пап! Ну что, Гай?

Прижимая язык к небу, Гай думал: «Ты — солнце в моем темном лесу». Но произнести это вслух он не мог и вымолвил лишь:

— Я не знаю…

— Что ж… За себя могу ответить, что сильнее прежнего хочу быть с тобой, потому что нужна

тебе сильнее прежнего. — Она вложила ему в руку мяту и кресс. — Отнесешь это папе? И выпей с ним. А мне надо переодеться.

И она зашагала к дому — достаточно быстро, чтобы Гаю не пришло в голову ее догонять.

Гай выпил несколько бокалов мятного джулепа. Отец Анны готовил его по старинке, разливая виски с мятой и сахаром сразу по бокалам и настаивая целый день в холоде, — и вечно спрашивал Гая, пробовал ли он напиток вкуснее. Гай уже не раз пытался напиться, пил до тошноты, но опьянение так и не наступало.

Уже в темноте, сидя на террасе с Анной, он подумал, что знает эту девушку не больше, чем в день, когда в первый раз ощутил трепетное, радостное желание добиться ее любви. Потом он вспомнил о доме в Олтоне, который уже дожидается их приезда после свадьбы в воскресенье, и его накрыла волна прежнего счастья. Он хотел защищать Анну, сделать что-нибудь невозможное, просто чтобы ее порадовать, — и это было самое прекрасное, самое жизнеутверждающее стремление на свете. А если он еще способен испытывать такие эмоции, значит, выход есть. Значит, проблема заключается лишь в части его души — не во всей душе, не в Бруно, не в работе.

Надо просто уничтожить эту часть души и стать самим собой.

31

Однако слишком часто скверная часть души теснила хорошую, ту, что Гай хотел сохранить. Спровоцировать наступление могло что угодно: определенное слово, звук, освещение, жест, и даже если ничего не делать, не слышать и не видеть, торжествующий внутренний голос мог прокричать что-то такое, отчего Гай приходил в ужас. И свадьба — так старательно подготовленная, такая пышная, чистая, утопающая в белизне одежд и кружев, такая долгожданная — казалась ему самым страшным предательством, какое он только может совершить. Приближалась назначенная дата, и Гай с нарастающей паникой безнадежно думал, не отменить ли все. До самого последнего момента ему хотелось сбежать.

Позвонил старый чикагский приятель Боб Тричер, поздравил и спросил, нельзя ли прийти на свадьбу. Гай сочинил какую-то невразумительную отговорку. Свадьба виделась ему делом Фолкнеров — она должна была пройти в их семейной церкви среди их друзей, и Гай опасался, что присутствие кого-то из своих пробьет брешь

в его обороне. Со своей стороны он позвал только Майерса — с которым уже почти не общался, поскольку офис они больше не делили, — Тима О'Флаэрти, который не мог прийти, да трех сокурсников из архитектурной академии, которые были знакомы с работами Гая ближе, чем с ним самим. Однако через полчаса он сам перезвонил Тричеру в Монреаль и попросил его быть на свадьбе шафером.

Он вдруг осознал, что уже год совсем не вспоминал о Тричере и оставил без ответа его последнее письмо. Он думать забыл о Питере Риггсе, Викторе де Пойстере, Гунтере Холле. А ведь прежде частенько заглядывал в гости к Виктору с женой в их квартирку на Бликер-стрит, один раз взял с собой Анну. Виктор был художником, прошлой зимой он присылал Гаю приглашение на свою выставку. Гай не пришел и даже не извинился. Он смутно помнил, что Тим как-то приезжал в Нью-Йорк и звал его пообедать. Это случилось как раз в то время, когда Бруно преследовал его звонками, и Гай тогда сослался на дела. Если верить трактату «Теология Германика»,[10] древние

[10] Примечания: 10

«Теология Германика» (Theologia Germanica) — христианский религиозно-мистический трактат, написанный предположительно в конце XIV века неизвестным священником Тевтонского ордена.

германцы решали, виновен человек или нет, в зависимости от того, много ли друзей готовы за него поручиться. И кто поручится за него теперь? Он никогда не уделял друзьям достаточно времени, да они и не ждали от него особого внимания, но теперь избегали его, инстинктивно чувствуя, что он недостоин их дружбы.

Утром перед церемонией Боб Тричер был с ним в церкви. Гай бродил кругами, вызывая в памяти чертежи больницы, цепляясь за них как за последнюю соломинку, единственное свидетельство своего существования. Больница удалась на славу, Боб Тричер ее хвалил. Гай доказал, что еще способен творить.

Боб оставил попытки завязать разговор и сидел, сложив руки на груди; на его круглом лице застыло любезно-рассеянное выражение. Он думал, что Гай просто волнуется. Ему было невдомек, какие мысли у друга на душе. Гаю постоянно мерещилось, что люди видят его насквозь, хотя он понимал — это не так. В том-то и заключался весь ужас происходящего. До чего легко можно скрывать свою истинную личину! Гай ждал начала свадьбы в маленькой каменной комнатке с высоким зарешеченным окном, и она представлялась ему тюрьмой, а гул голосов снаружи — ропотом

взбешенной толпы, готовой взять тюрьму штурмом и собственными руками учинить над ним расправу.

— Ты, случайно, выпить не прихватил?

Боб подпрыгнул на стуле.

— Прихватил, конечно! Надо же, карман оттягивает, а из головы вылетело!

Он поставил на стол бутылку и подвинул к Гаю.

Боб был человеком скромным, но жизнерадостным, в свои сорок пять убежденным холостяком, целиком посвятившим себя профессии.

— После тебя. — Он кивнул Гаю на бутылку. — Давай-ка выпьем с тобой за Анну. Красивая у тебя невеста. — Он улыбнулся и тихо добавил: — Прекрасна, как белый мост.

Гай смотрел на откупоренную бутылку. В голосах за окном теперь звучала насмешка; над ним и Анной глумились. Бутылка тоже была частью всеобщего веселья, комический зеленый спутник традиционной свадьбы. Гай пил виски на свадьбе с Мириам. Он схватил бутылку и швырнул в стену. Удар и звон осколков на секунду заглушили уханье труб, голоса, дурацкое тремоло органа.

— Извини, Боб. Извини, пожалуйста.

Боб таращился на него во все глаза.

— Ничего, тебе простительно. — Он улыбнулся.

— Вовсе мне не простительно!

— Слушай, старина… — Боб явно не знал, смеяться ему или сохранять серьезную мину. — Ты тут посиди, я сейчас за другой сбегаю.

Не успел он открыть дверь, как на пороге возник Питер Риггс. Гай представил их друг другу. Питер ехал на эту свадьбу из самого Нового Орлеана. А вот на свадьбу с Мириам тогда прийти отказался. Он терпеть не мог Мириам. Виски у него поседели, однако улыбка на худощавом лице так и осталась мальчишеской. Гай коротко обнял друга, снова чувствуя, будто двигается по проложенным рельсам, — как в ночь убийства.

Боб заглянул в дверь и сообщил:

— Пора.

К алтарю вело двенадцать ступеней. Гай смотрел на лица людей и видел в них обвинение. Все притихли от ужаса, как Фолкнеры тогда в автомобиле, когда он чуть не сбил ребенка. Неужели никто не вмешается и не прекратит этот фарс? Сколько можно ждать?

— Гай! — прошептал кто-то.

Он считал ступени. Шесть, семь…

— Гай! — Откуда-то слева, тихо и четко.

Две женщины оглянулись в сторону наруши-

теля тишины. Гай посмотрел туда же. Там стоял Бруно. Не кто иной, как Бруно.

Гай быстро отвернулся. Ему мерещится? На губах Бруно играла довольная улыбка, серые глаза впивались как иголки. Гай машинально считал ступени. Десять, одиннадцать… Перешагнуть через третью и четвертую… Легко запомнить: раз-два-пять-широкий-шаг. Затылок покалывало. Значит, Бруно ему не привиделся, он действительно смотрит сейчас в спину? Гай молил Бога не дать ему потерять сознание, а внутренний голос кричал, что лучше уж потерять сознание, чем жениться.

И вот он у алтаря, рядом с ним Анна, а за спиной Бруно, и это не просто стечение обстоятельств, это вечное состояние, в котором ныне проходит его жизнь. Бруно, он и Анна. И рельсы. Они будут двигаться по рельсам, пока смерть не разлучит их. Вот его наказание. Куда уж суровей?

Все вокруг кивали и улыбались, и Гай кивал и улыбался, как болван. Свадьбу устраивали в загородном клубе, после церемонии был фуршет, все пили шампанское, даже Гай. Бруно растворился. Гая окружали безвредные морщинистые старушки в шляпках и облаках духов. Потом миссис Фолкнер обняла его за шею и поцеловала в

щеку, и за ее плечом Гай увидел, как Бруно нагло вваливается в дверь — с той же ухмылкой и тем же острым взглядом. Бруно зашагал прямиком к нему и остановился, раскачиваясь на пятках.

— Прими мои… э-э… наилучшие пожелания. Не мог пропустить это счастливое событие! Надеюсь, ты не против.

На нем был новый габардиновый костюм василькового цвета с широкими, как у смокинга, лацканами.

— Пошел вон. Сейчас же.

Улыбка сползла с лица Бруно.

— Я только вернулся с Капри, — произнес он хрипло. — Хотел узнать, как твои дела.

К Гаю подплыла очередная надушенная тетушка Анны с объятиями и поздравлениями. Гай пробормотал что-то ей в ответ и попытался уйти.

— Я просто хотел пожелать тебе счастья, — громко объявил Бруно.

— Вон. Дверь у тебя за спиной. — Гай чувствовал, что лучше ему замолчать, иначе он взорвется.

— Да ладно тебе, объявим перемирие! Познакомь меня с невестой!

Две родственницы Анны взяли Гая под руки и увлекли за собой. Не оглядываясь на Бруно,

Гай знал, что тот наверняка с обиженным видом отступил к столу с напитками.

— Ну как, Гай? Держитесь? — Мистер Фолкнер забрал у него полупустой бокал. — Пойдемте-ка в бар, нальем вам чего получше.

Гай залпом выпил полбокала виски. Он что-то говорил, говорил и себя не слышал. Он был уверен, что просит прекратить все это и отправить гостей по домам, но, наверное, сказал что-то другое — иначе мистер Фолкнер так не хохотал бы. Или, наоборот, это просьба его так рассмешила?

Когда резали торт, Бруно не сводил с них глаз. В основном с Анны. Его тонкие губы растягивались в безумной улыбке, глаза сверкали ярче бриллиантовой булавки на темно-синем галстуке, а лицо отражало ту же смесь грусти, восторга, решимости и веселья, как и тогда в поезде.

Бруно подошел к Анне.

— Знаете, вы мне смутно знакомы. Вы часом не родня Тедди Фолкнеру?

Гай смотрел, как Бруно пожимает ей руку. Он думал, что этого не вынесет, однако стоял и смотрел, ничего не предпринимая.

— Он мой кузен, — ответила Анна с той же легкой улыбкой, которой одаривала всех гостей.

— Мы с ним пару раз играли в гольф.

Чья-то рука легла Гаю на плечо.

— Есть минутка? — спросил Питер Риггс. — Я хотел…

— Нет, — перебил его Гай.

Бруно с Анной удалялись неспешным шагом. Гай догнал их и взял Анну за левую руку. Бруно шел справа от нее — с прямой спиной и самым непринужденным видом. В руках он нес тарелку с нетронутым куском свадебного торта.

— Мы с вашим мужем старые приятели. — Бруно подмигнул Гаю у Анны из-за спины. — Давно друг друга знаем.

— Правда? Откуда же?

— Учились вместе. Я еще не встречал такой красивой невесты, миссис Хэйнс. Мне очень приятно с вами познакомиться. — Он произнес это не как дежурную фразу для окончания беседы, а с искренней убежденностью, и Анна снова улыбнулась.

— Мне тоже очень приятно.

— Надеюсь, мы будем часто видеться. Где вы живете?

— В Коннектикуте.

— Ах, Коннектикут, прекрасный штат. — Бруно еще раз подмигнул Гаю, отвесил грациозный поклон и удалился.

— Он друг Тедди? — стал допытываться Гай. — Это Тедди его пригласил?

— Ну что ты так волнуешься, милый? — Анна рассмеялась. — Мы с тобой скоро уедем.

— Где Тедди?

Впрочем, Гай уже сам понимал, что разбираться с Тедди нет никакого смысла.

— Минуту назад был у того конца стола. Ой, там Крис, пойду поздороваюсь.

Гай стал искать глазами Бруно и тут же его увидел. Бруно накладывал себе на тарелку яйца бенедиктин и оживленно рассказывал что-то двум молодым людям, которые улыбались ему, как околдованные.

В машине Гай с горечью думал о том, что на самом деле Анна совсем его не знает. Какая ирония судьбы… Когда они повстречались, он переживал меланхолию. Потом он изо всех сил старался ей понравиться и стать для нее лучше, чем он есть на самом деле. И разве что в те недолгие дни в Мехико он был с ней самим собой.

— А где вы учились с тем человеком в синем костюме? — спросила Анна. — В архитектурной академии?

Они ехали в Монток-Поинт. Родственники Анны дали им ключи от своего домика на побере-

жье, чтобы они провели там медовый месяц. На самом деле медовый месяц ограничивался тремя днями. Через пару недель Гай выходил на работу в архитектурное бюро «Хортон, Хортон и Киз» и должен был к тому времени закончить чертежи больницы.

— Нет, в институте.

Зачем он поддержал ложь Бруно?

— Интересное у него лицо. — Анна расправила юбку, прежде чем положить ноги на сиденье.

— Интересное? — переспросил Гай.

— Не в том смысле что привлекательное. Очень живое.

Гай стиснул зубы. Живое!.. А безумия она в этом лице не заметила? Как люди могут этого не замечать?!

32

Секретарша в бюро «Хортон, Хортон и Киз» доложила, что ему звонил Чарльз Бруно, и передала листок с номером. Номер был из Грейт-Нека.

— Благодарю вас, — сказал Гай и пошел дальше по коридору.

А если бы эта компания записывала входящие звонки? Она, конечно, не записывала, но вдруг? А если Бруно вздумает сюда явиться? Впрочем, «Хортон, Хортон и Киз» — контора до того гнилая, что на Бруно здесь никто не обратит внимания. Да и не оттого ли Гай устроился именно сюда, погрузился в отвратительное болото, питая иллюзию, что найдет в этом искупление, что ему станет легче на душе?

Гай прошел в обширный холл со стеклянной крышей и закурил. В больших кожаных креслах уже сидели и читали отчеты два ведущих архитектора компании, Мэйнвэринг и Уильямс. Гай встал у окна, спиной чувствуя на себе их взгляды. Здесь на него все таращились, как на диковину. Хортон-младший не уставал распинаться о его гениальности, и никто не понимал, что привело

гения в эту контору. Очевидно, он на мели, а тут еще эта свадьба, больница в Бронксе, за которую он не взял денег, и вообще ясно, что нервы у него ни к черту, да и хватка явно не та. Даже лучшим случается потерять хватку, много ли толку от чистоплюйства, устроился человек на теплое местечко, правильно сделал… Гай смотрел вниз на беспорядочное нагромождение грязных манхэттенских крыш — наглядное пособие по тому, как не надо строить город. Когда он обернулся, Мэйнвэринг, будто школьник, поспешно отвел глаза.

Утро Гай провел, лениво ковыряясь в задаче, с которой тянул уже несколько дней. Ему велели никуда не торопиться. Мол, его дело — выполнить все указания клиента и подписать то, что получилось, своим именем. Сейчас в работе находился проект универмага для маленького и очень богатого поселка в Вестчестере. По мысли клиента, здание должно было выглядеть как старый особняк, «чтобы не выбивалось из общего стиля города, однако и смотрелось вроде как современно, понимаете, о чем я?». И поручить этот проект клиент требовал непременно Гаю Дэниэлу Хэйнсу. Гай мог бы настроить мозг на задачу и наскоро склепать этот «современный старый особняк», но все-таки речь шла об универмаге, и это влекло за

собой ряд функциональных требований. Все утро он точил карандаши и орудовал ластиком, прикидывая, что ему потребуется еще дня четыре, нет, пять… Пожалуй, он предъявит клиенту первый черновой вариант в конце будущей недели.

Вечером Анна крикнула ему из кухни:

— Чарли Бруно сегодня тоже придет.

— Что?! — Гай выскочил из-за перегородки.

— Его ведь так зовут? Ну, того молодого человека, который на свадьбе был в синем костюме.

Анна крошила зеленый лук на деревянной доске.

— Ты его пригласила?

— Нет, он просто услышал от кого-то о новоселье, позвонил, ну и… вроде как напросился. — Анна говорила так непринужденно, что у Гая возникла дикая мысль, а не проверка ли это. — Хэйзел, милая, не надо молока, в холодильнике есть сливки!

Гай смотрел, как Хэйзел достает сливки, ставит их на стол к миске с мелко нарезанной горгонзолой.

— Ты не возражаешь? — спросила его Анна.

— Да нет, просто я не считаю его своим другом.

Гай неловко прошел к стенному шкафу, зачем-то достал банку с кремом для обуви. Может ли

он помешать Бруно? Наверняка есть какой-то способ, и наверняка он до этого способа не додумается…

— Значит, возражаешь, — с улыбкой вздохнула Анна.

— Я просто считаю его хамом.

— Плохая примета — отказывать тому, кто хочет прийти на новоселье.

Бруно явился пьяным. Все гости хвалили новый дом, только Бруно не проявил к обстановке никакого интереса. В гостиную, выполненную в кирпично-красных и темно-зеленых тонах, он вошел так, словно был в ней уже сотню раз. Или вообще жил здесь. Гай представил его гостям, а Бруно скалил зубы и смотрел на Гая и Анну, почти не замечая присутствия других людей, — кстати, некоторые из них, похоже, его знали. Исключение Бруно сделал лишь для миссис Честер Болтинофф, жившей в местечке Мюнси-Парк на Лонг-Айленде. Он обеими руками схватил ее протянутую ладонь и пожал с таким видом, будто нашел себе союзника. К ужасу Гая, миссис Болтинофф ответила Бруно широкой, радушной улыбкой.

— Как делишки? — поинтересовался Бруно у Гая, налив себе выпить.

— Хорошо. Очень хорошо.

Гай твердо решил не терять самообладания — даже если для этого придется прибегнуть к анестезии. Он уже успел два или три раза хлебнуть неразбавленного виски на кухне. Но, сам того не желая, при первой возможности ретировался в угол гостиной, где была винтовая лестница. Всего на минутку, просто чтобы прийти в себя… Он взбежал по ступеням наверх, скрылся в спальне, приложил холодную ладонь ко лбу и медленно провел ею вниз по лицу.

— Прошу прощения, я тут осматриваюсь, — произнес женский голос с другого конца комнаты. — Ваш дом прекрасен, Гай. Я прямо очутилась в девятнадцатом столетии.

Хелен Хэйберн, подруга Анны со школьных лет на Бермудах. Она стояла рядом с комодом — в котором Гай держал маленький револьвер.

— Конечно, осматривайтесь. Я просто зашел за платком. Вам чего-нибудь налить? — Гай полез в правый верхний ящик, где лежал револьвер и носовые платки, одинаково ему ненужные.

— Ах, наливай не наливай, лучше мне не станет…

Видимо, Хелен переживала очередной период хандры. Она была художником-оформителем, по

мнению Анны, очень хорошим, но имела обыкновение брать заказы, только когда подходили к концу деньги, поступавшие на ее счет раз в три месяца, а также время от времени впадала в депрессивное состояние. Гая она недолюбливала с того дня, как он проигнорировал приглашение к ней на вечеринку. Гай подумал, что Хелен его в чем-то подозревает. Иначе почему она сейчас в их с Анной спальне? Зачем притворяется, что алкоголь ударил ей в голову сильнее, чем на самом деле?

— Гай, неужели вы всегда такой серьезный? Знаете, что я сказала Анне, когда она собралась за вас замуж?

— Что она сошла с ума?

— Я сказала: «Он же такой серьезный! Очень красивый, вполне возможно, гений, но такой серьезный! Как ты его терпишь?» — Хелен подняла к нему хорошенькое, слегка квадратное лицо, обрамленное белокурыми волосами. — Вы даже не пытаетесь это отрицать. И наверняка вы слишком серьезны, чтобы поцеловать меня.

Гай сделал над собой усилие, наклонился к ней и поцеловал.

— Разве это поцелуй?

— Вы же хотели, чтобы я не был серьезным.

Он вышел. Наверняка она теперь скажет что-нибудь Анне. Например, что обнаружила его в спальне пьяным в десять вечера. Или захочет сунуть нос в ящик комода и найдет револьвер. Впрочем, он сам в это не верил. Хелен, конечно, глупа, и непонятно, что Анна в ней находит, но ссорить подругу с мужем она не станет. И лазать по шкафам тоже — она не любительница совать нос в чужие дела, так же как и Анна. Господи, а ведь он все это время хранил револьвер в спальне… совсем не боялся, что Анне придет в голову заглянуть в ящик комода, как не боялся того, что она вскроет его письма.

Вернувшись в гостиную, Гай увидел Бруно и Анну на угловом диване у камина. Бруно рискованно поставил бокал на спинку, и по зеленой обивке расползались темные пятна.

— Мы с Чарльзом говорим о Капри, — сообщила Анна. — Я давно мечтаю туда с тобой поехать.

— Главное, не мелочиться и снимать целый дом, — разглагольствовал Бруно, не обращая внимания на Гая. — Даже замок, чем больше, тем лучше. Мы с матерью один раз жили в таком огромном замке, что ни разу не дошли до его противоположного конца. Однажды вечером я ошибся дверью. И представляете, набрел на це-

лую итальянскую семью, которая ужинала там на веранде. Они потом все пришли к нам, человек, наверное, двенадцать, и попросились работать у нас бесплатно, лишь бы мы разрешили им пожить в замке. Конечно, мы разрешили.

— И вы не выучили ни слова по-итальянски?

— А зачем? — Бруно пожал плечами.

Голос у него снова сделался хриплым, именно таким, каким он звучал в голове у Гая.

Гай сосредоточенно курил, спиной чувствуя устремленный на Анну жадный взгляд, робкие попытки с ней заигрывать, чувствуя все это острее, чем гул от выпитого в голове. Наверняка Бруно успел похвалить ее платье. Она сегодня надела любимое платье Гая — из серой тафты с мелким узором, напоминающим павлиний глаз. Бруно всегда обращал внимание, во что одеты женщины.

— Мы с Гаем как-то подумывали отправиться в путешествие. — Эти слова прозвучали громче — видимо, Бруно повернулся к нему.

Гай не торопясь затушил окурок в пепельнице и шагнул к дивану.

— Не желаешь ли посмотреть игровую комнату на втором этаже?

— С удовольствием. — Бруно встал. — А в какие

игры вы играете?

Гай привел его в маленькую комнатку с красными обоями, втащил внутрь и захлопнул дверь.

— Далеко ты собрался зайти?

— Гай! Ты пьян!

— Зачем говоришь всем подряд, что мы старые друзья?

— Да я не всем подряд, я только Анне сказал…

— Зачем? Зачем ты вообще сюда явился?

— Тихо, Гай! Ш-ш-ш! — Бруно как ни в чем не бывало вертел в пальцах бокал.

— Разве полиция не следит за всеми твоими друзьями?

— Следить-то следит, но не так хорошо, чтобы из-за этого волноваться.

— Убирайся. Вон из моего дома.

Голос у Гая дрожал от сдерживаемой ярости. Впрочем, а надо ли ее сдерживать? В соседней комнате лежит револьвер с последней пулей в барабане.

Бруно вздохнул со скучающим видом.

— Анна очень красивая, — заметил он со светской любезностью.

— Посмеешь еще раз заговорить с ней, и я тебя убью.

На мгновение улыбка Бруно померкла, затем

сделалась еще шире.

— Это угроза?

— Обещание.

Через полчаса в стельку пьяный Бруно валялся в гостиной под зеленым диваном. Распластанное на полу тело казалось необыкновенно длинным, а голова — совсем крошечной на фоне большого камина. Трое мужчин подняли его и замерли, не зная, что делать дальше.

— Отнесите… ну, в гостевую спальню, — распорядилась Анна.

— Хорошая примета! — воскликнула Хелен сквозь смех. — Хорошая примета, когда после новоселья кто-то остается ночевать! Это первый гость в вашем доме!

К Гаю подошел Крис Нельсон.

— Где ты его раскопал? Парня выгнали из Грейт-Нек-клаба, потому что он то и дело до беспамятства напивался.

Вечером после свадьбы Гай выяснил, что Тедди не приглашал Бруно. Он знал Бруно только в лицо и не переносил на дух.

Поднявшись в студию, Гай закрыл за собой дверь. На рабочем столе лежал набросок безумного вестчестерского универмага, который он, мучаясь совестью, все-таки взял домой, намере-

ваясь закончить в выходные. Знакомые линии плыли перед глазами, вызывая тошноту. Гай взял чистый лист и стал рисовать заново. Он точно знал, что желает видеть клиент. Он хотел бы закончить прежде, чем его вывернет, зато уж потом чтобы вывернуло наизнанку. Но когда набросок был готов, тошнота прошла. Гай немного посидел, откинувшись на спинку стула, и пошел открывать окно.

33

Идею универмага приняли и высоко оценили — сперва Хортоны, а потом и клиент, мистер Говард Уиндхем из города Нью-Рошелл, который в понедельник приехал взглянуть на работу Гая. Гай вознаградил себя тем, что остаток дня просидел у себя в кабинете, листая *Religio Medici*[11] в сафьяновом переплете. Книгу он купил в магазине «Брентано» и собирался подарить Анне на день рождения. Знать бы, что ему теперь поручат. Он перелистывал страницы, оживляя в памяти места, которые особенно нравились им с Питером. «Во мне все еще жив человек без сердцевины…» Какую мерзость его попросят сделать теперь? Второй такой универмаг он не вынесет. Это не жалость к самому себе, это инстинкт выживания. Он встал из-за кульмана, сел за пишущую машинку и начал печатать заявление об уходе.

Вечером Анна настояла на том, чтобы отпраздновать это событие в ресторане. Ее переполняла

---

[11] Примечания: 11

«Religio Medici», или «Религия врача», — написанное в XVII веке сочинение британского философа и медика сэра Томаса Брауна о религии, алхимии и астрологии.

радость, и, глядя на нее, Гай немного приободрился — пока робко и неуверенно, как воздушный змей, который пытается оторваться от земли в безветренную погоду. Он смотрел, как она быстрыми, ловкими пальцами подбирает волосы, скрепляет их заколкой.

— Ну теперь-то мы поедем в круиз? — спросила она, вместе с ним спускаясь в гостиную.

Она мечтала отправиться в свадебное путешествие — круиз вдоль побережья на борту «Индии». Вообще-то Гай планировал целиком погрузиться в работу над больницей — проект передали в чертежные мастерские, и он хотел бы контролировать процесс. Но отказать Анне теперь он не мог.

— Как ты считаешь, когда удастся отправиться? Через пять дней? Или через неделю?

— Пожалуй, через пять дней.

— Ой, совсем из головы вылетело… — спохватилась Анна и вздохнула. — Мне надо быть здесь до двадцать третьего числа. Приедет один человек из Калифорнии, которого очень заинтересовали наши хлопковые ткани.

— А как же показ мод в конце месяца?

— О, с этим Лилиан разберется без меня. Мне так приятно, что ты помнишь!

Гай ждал, пока она расправит капюшон леопардового пальто, и с улыбкой представлял, как через неделю она будет отчаянно торговаться с калифорнийским заказчиком. Лилиан она этого не доверит. Из них двоих именно Анна отличалась деловой хваткой. Тут Гай впервые обратил внимание на букет оранжевых цветов с длинными стеблями на кофейном столике.

— А это откуда?

— Чарли Бруно прислал. В записке извинился за свое поведение в пятницу. — Анна засмеялась. — Очень трогательно.

— И что это за цветы? — Гай не сводил глаз с букета.

— Герберы. — Анна придержала для него дверь, и они пошли к автомобилю.

Очевидно, что ей было приятно получить цветы. Хотя Гай знал, что после новоселья о Бруно она невысокого мнения. Теперь все гости считают их приятелями. А значит, полиция может со дня на день вызвать его на допрос. Со дня на день! Почему он совсем не боится? Что это за состояние души, когда не знаешь, в каком ты состоянии? Обреченность? Желание умереть? Тупая апатия?

В конторе у Хортонов Гай должен был провести еще несколько дней. Он маялся бездельем, описы-

вал чертежникам интерьер будущего универмага и задавался вопросом, не сошел ли с ума. В первую неделю после той ночи его жизнь и свобода висели на волоске, который мог легко оборваться, потеряй он самообладание хоть на миг. Теперь это в прошлом, но кошмары, в которых Бруно влезал к нему в дом через окно, по-прежнему не оставляли. Просыпаясь на рассвете, Гай помнил, как только что во сне стоял посреди комнаты с пистолетом. Он все еще чувствовал необходимость искупить свою вину, однако не мог представить, какой жертвы, какого служения будет для этого достаточно. В нем словно уживались два человека: один творил в гармонии с Богом, другой был способен на убийство. «Любой способен на убийство», — заявлял Бруно в поезде. Любой? И даже тот, кто пару лет назад в Меткалфе объяснял Бобби Картрайту принцип расчета консоли? Или кто спроектировал больницу и даже этот глупый универмаг? Тот, кто полчаса спорил с собой, в какой цвет покрасить скамейку на заднем дворе? Нет, не они, а тот, кто гляделся вчера вечером в зеркало и видел убийцу, как тайного брата.

И как ему вообще удается думать сейчас об убийстве? Ведь меньше чем через десять дней он поплывет с Анной на белом корабле. За что ему

послали Анну и любовь к ней? Не оттого ли он так легко согласился оставить работу и поехать в круиз, что расценил это как возможность на три недели освободиться от Бруно? Бруно может лишить его Анны, если пожелает. Гай в душе признавал это, стараясь подготовиться к такому повороту событий. Но после того, как он увидел Бруно рядом с Анной, гипотетическая возможность превратилась в реальную угрозу.

Он встал из-за стола, надел шляпу и пошел обедать. Уже шагая через вестибюль, он услышал из своего кабинета жужжание коммутатора, а потом секретарша позвала его:

— Мистер Хэйнс, вам звонят. Можете ответить здесь, если вам удобно.

Гай взял трубку, уже зная, что это Бруно, что он будет просить о встрече и что придется согласиться. Действительно, Бруно предложил вместе пообедать. Гай обещал прийти через десять минут в ресторан «Мариос Вилла д'Эсте».

На окнах ресторана висели бело-розовые занавески. У Гая возникло ощущение, что это ловушка и по ту сторону занавесок его поджидает не Бруно, а сыщики. И ему было все равно. Абсолютно все равно.

Бруно сидел за барной стойкой. Завидев Гая,

он слез с табурета и с широкой улыбкой пошел ему навстречу.

— Привет. Наш стол в конце этого ряда, — объявил он, кладя руку Гаю на плечо.

На нем был старый ржаво-коричневый костюм. Гай вспомнил, как шел за долговязой фигурой в этом костюме по трясущемуся купейному вагону, но это воспоминание не вызвало в нем никакой досады. Пожалуй, он даже чувствовал расположение к Бруно — что уже случалось с ним по ночам, но еще никогда днем. Его даже не раздражал нескрываемый восторг Бруно от того, что он принял приглашение.

Бруно заказал коктейли и обед. Себе он велел принести печень на гриле, сославшись на какую-то новую диету, а для Гая — яйца бенедиктин, зная, что тот их любит. Гай придирчиво осматривал посетителей за соседними столиками. Некоторое подозрение у него вызвали четыре хорошо одетые женщины средних лет, которые пили коктейли и неестественно улыбались, прикрыв глаза. Рядом с ними упитанный господин европейской наружности вел с кем-то любезную беседу. Сновали туда-сюда расторопные официанты. Может, все это какой-то безумный спектакль, а они с Бруно — главные действующие лица?

Каждое слово, каждое движение окружающих в восприятии Гая было окутано мрачным и героическим флером предопределения.

— Нравится? — спросил Бруно. — Купил сегодня в «Клайдсе». Там лучший выбор в городе — ну, по крайней мере, в части летних коллекций.

Перед Гаем в раскрытых коробках лежали четыре галстука — трикотажный, льняной, нежно лиловый галстук-бабочка и еще один из шелковой тафты бирюзового цвета, в тон узору на платье Анны.

Бруно явно был задет, не увидев восторга на его лице.

— Слишком кричащие, да? Но они же летние…

— Красивые, — ответил Гай.

— Вот этот мне больше всех понравился, никогда такого не встречал. — Бруно взял в руки белый трикотажный галстук с тонкой красной полосой по центру. — Думал и себе такой купить, но не стал. Хочу, чтобы он был только у тебя. Подарок.

— Спасибо.

У Гая дернулась верхняя губа. Бруно добивался его благосклонности подарками, как любовник после ссоры.

— Выпьем за грядущую поездку! — Бруно поднял бокал.

Как выяснилось, с утра он позвонил Анне, и она упомянула свадебное путешествие. Об Анне Бруно мог говорить долго и с чувством:

— Такая хорошая! Такая чистая! Редко встретишь девушку с такими добрыми глазами. Ты, наверное, ужасно с ней счастлив.

Бруно надеялся, что Гай хоть одной фразой, хоть словом объяснит, чем же он с ней счастлив. Но Гай промолчал, и Бруно почувствовал себя отвергнутым. От обиды у него комок застрял в горле. Что он такого сказал, почему Гай вдруг ощетинился? Ему захотелось накрыть ладонью кулак Гая, небрежно лежащий на краю стола, просто коснуться по-братски.

— А ты ей сразу понравился или пришлось за ней долго ухаживать? Гай?

Гай молча слушал, как он настойчиво повторяет вопрос. С той поры прошло так много времени…

— Да какое это имеет значение? Главное, что понравился.

Он рассматривал узкое лицо Бруно, его начинающие круглеть щеки, непослушный вихор, который вечно падал на лоб и делал своего обладателя похожим на робкого паренька. Лицо было прежним, а вот взгляд изменился. Похоже, Бруно

стал гораздо уверенней, чем в день их первой встречи, и не таким ранимым. Наверняка дело в деньгах, которые он получил в собственное распоряжение.

— Да-да, понимаю тебя, — кивнул Бруно.

Но он не понимал. Гай был счастлив с Анной, несмотря на довлеющее над ним убийство. Он был бы счастлив с ней даже без гроша в кармане. Бруно с содроганием думал о том, что собирался предложить Гаю деньги. Он буквально слышал его ледяной отказ, видел отстраненный взгляд, словно Гай в одну секунду удалился от него на мили. Бруно знал: того, что есть у Гая, он не купит никакими деньгами. Он хотел, чтобы мать принадлежала только ему, добился своего, но это не принесло ему счастья.

— А как по-твоему, я ей нравлюсь?

— Нравишься.

— А что она еще любит делать, кроме своей работы? Может, готовить? Или еще чего в таком духе? — Бруно смотрел, как Гай поднимает бокал с мартини и осушает его в три глотка. — Мне просто интересно, что вы с ней делаете на досуге? Ну, там гуляете, разгадываете кроссворды?

— И то и другое.

— А как вечера проводите?

— Анна иногда работает по вечерам.

Мыслями — легко и спокойно, чего обычно не бывало в обществе Бруно — Гай перенесся в домашнюю студию на втором этаже, где они с Анной нередко работали бок о бок. Они говорили о том о сем, Анна интересовалась его мнением, показывала ему свои рисунки. Все получалось у нее совершенно непринужденно, без усилий, а когда она ополаскивала кисть в баночке с водой, звон напоминал веселый смех.

— Я пару месяцев назад видел ее фотографию в журнале «Харперс Базар». Она очень талантливая, да?

— Очень.

— Я… — Бруно сложил руки на столе, как школьник, одну на другую. — Я рад, что ты с ней счастлив.

Конечно, он счастлив. Гай почувствовал, как расслабляются плечи, а дыхание становится свободнее. Он до сих пор не до конца верил, что Анна принадлежит ему. Она сошла к нему с небес, как богиня, спасла его от верной смерти, как богини в мифах спасают героев. В детстве ему не нравились истории с таким концом, он считал их фальшивыми и нечестными. Скучными и равнодушными летними ночами, когда его

мучила бессонница, он потихоньку выходил из дома, набросив плащ на пижаму, и поднимался в гору. В такие минуты Гай запрещал себе думать об Анне.

— *Dea ex machina,*[12] — пробормотал он.

— Чего?

Почему он сидит здесь с Бруно, ест с ним за одним столом? Ему хотелось ударить Бруно, заплакать, осыпать его бранью — но эти эмоции смыла волна жалости. Бруно не умел любить, а спасение именно в любви. Он пропащая душа, он чересчур слеп, чтобы любить или пробуждать к себе любовь, и Гай почувствовал в этом трагедию.

— А ты никогда не влюблялся?

Лицо Бруно приняло незнакомое, упрямое выражение. Он сделал знак официанту, что желает еще выпить.

— Да нет, не припомню.

Бруно облизнул губы. Он не просто никогда не влюблялся, его вообще не особо влекло к женщинам. Если ему случалось вступать с ними в близость, он не мог отделаться от мысли, какое

---

[12] Примечания: 12

Dea ex machina *(лат.)* — «бог из машины». Выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, на которую повлиял внешний, ранее не действовавший в ней фактор.

глупое это занятие, и всегда как будто видел себя со стороны. А один раз и вовсе не удержался от смеха. Он не любил об этом вспоминать. В отношении к женщинам заключалось самое тягостное различие между ним и Гаем. Гай мог влюбиться очертя голову, он чуть не погубил себя из-за Мириам.

Гай посмотрел на Бруно, и тот опустил глаза, — словно ждал, что сейчас его научат влюбляться.

— Знаешь величайшую на свете мудрость?

— Которую? — Бруно ухмыльнулся. — Я их много знаю.

— Все существует бок о бок со своей противоположностью.

— В смысле — противоположности притягиваются?

— Нет, это слишком примитивно. Я о другом. Вот ты ждал меня здесь с галстуками. Но я бы не удивился, если бы вместо подарка ты привел сюда полицию.

— Да ты что, Гай, ты же мой друг! — воскликнул Бруно, переполошившись. — Ты мне нравишься!

«Ты мне нравишься, во мне нет к тебе ненависти», — думал Гай. Бруно такого сказать не мог, ведь на самом деле он ненавидел Гая. Гай же не раз давал понять, что ненавидит Бруно, хотя

правда была в том, что Бруно ему нравился.

Гай стиснул зубы, яростно потер пальцами лоб. В каждом действии он наблюдал баланс добра и зла, и это парализовало его, не давало вообще ничего сделать. Вот, например, сейчас — он зачем-то продолжает сидеть напротив Бруно.

Гай вскочил, опрокинув коктейли на скатерть.

Бруно посмотрел на него с ужасом.

— Ты чего?! — И побежал за уходящим Гаем. — Подожди! Ты действительно считаешь, что я на такое способен?! Да я бы никогда!

— Убери руки!

— Гай!

Бруно чуть не плакал. Почему люди с ним так поступают? Почему? Стоя посреди тротуара, он закричал Гаю вслед:

— Да я бы никогда! Я бы ни за что! Честное слово!

Гай толкнул его в грудь и захлопнул за собой дверь такси. Он знал, что Бруно не предал бы его ни за какие сокровища. Но если все на свете балансирует между добром и злом, разве можно быть в чем-то уверенным?

34

— В каких отношениях вы находитесь с миссис Хэйнс?

Бруно ожидал этого вопроса. Джерард следил за его счетом и не мог не заметить цветы, отправленные на имя Анны.

— В дружеских. Я друг ее мужа.

— Ах, друг…

— Хороший знакомый.

Бруно небрежно пожал плечами. Джерард, конечно, подумает, что он просто хвастается, потому что Гай — известный человек.

— И давно вы с ним знакомы?

Бруно полулежа развалился в кресле.

— Не очень. — Он достал зажигалку.

— Почему же вы решили послать цветы его жене?

— Да просто настроение было хорошее. Я заходил к ним в гости накануне.

— То есть вы достаточно близкие друзья, чтобы вас приглашали в гости?

Бруно снова пожал плечами.

— Ну, они устраивали вечеринку, позвали

много гостей. Вообще, я по делу зашел. Мы с матерью хотим строить новый дом и выбираем архитектора.

Ответ пришел ему в голову только что, и Бруно нашел его удачным.

— Вернемся к Мэтту Левайну.

Бруно перевел дух. Гая оставили в покое — может, на время, пока он в отъезде, а может, и навсегда. Левайн — тип более чем сомнительный. Незадолго до убийства Бруно провел в обществе Мэтта довольно много времени, даже не задумываясь, что впоследствии это может сыграть ему на руку.

— А что вас интересует?

— Меня интересует, зачем вы столько раз с ним встречались. Двадцать четвертого, двадцать восьмого, тридцатого апреля, затем второго, пятого, шестого и седьмого марта и еще разок за два дня до убийства.

— Ого! — Бруно улыбнулся.

Мэтт не питает к нему приятельских чувств и вполне мог сболтнуть лишнего. В прошлый раз Джерард был в курсе всего трех встреч.

— Мэтт хотел купить мой автомобиль.

— А вы собирались его продавать? Потому что планировали вскорости купить себе новый?

— Я решил, что мне нужна машина поменьше. — Бруно словно бы не заметил намека. — Купил себе «кросли». Вы ее видели в гараже.

Джерард улыбнулся.

— А Марка Лева вы давно знаете?

— Да с той поры, когда он звался Марком Левицким. Если копнете поглубже, выясните, что дома, в России, он убил собственного отца.

Бруно сверкнул глазами. «Собственного отца» прозвучало немного чрезмерно, тут он перегнул палку, но Джерард разозлил его своими инсинуациями.

— Мэтт о вас не лучшего мнения. Что, не смогли договориться?

— О машине?

— Чарльз. — В голосе Джерарда звучало бесконечное терпение.

— Тут мне сказать нечего. — Бруно взглянул на свои обкусанные ногти, думая, что Мэтт прекрасно подходит под описание убийцы со слов Герберта.

— А почему вы прекратили общаться с Эрни Шредером?

Со скучающим видом Бруно пустился в объяснения.

35

Гай сидел на палубе «Индии», скрестив босые ноги в белых парусиновых брюках. На горизонте нарисовался Лонг-Айленд, но Гаю пока не хотелось смотреть в его сторону. Его покачивало в такт ходу яхты, приятно и знакомо, словно так было всегда. Остался в прошлом безумный день, когда он обедал с Бруно. Тогда он точно сходил с ума. И Анна не могла этого не заметить.

Он потянулся и ущипнул кожу на загорелом плече. За время путешествия он стал смуглым, как португальский мальчишка Эгон, которого они наняли юнгой в лонгайлендском порту. Только шрам на правой брови по-прежнему оставался белым.

Три недели в море принесли Гаю покой и смирение, которые еще месяц назад он счел бы невозможными. Он пришел к выводу, что искупление, каким бы оно ни было, является частью его судьбы, а значит, найдет его само. Гай верил в судьбу. Еще в детстве, предаваясь мечтам вместе с другом Питером, он точно знал, что его мечты осуществятся, а мечты Питера так и останутся

плодами воображения. Он мечтал, что построит великолепные здания, что его имя навсегда останется в истории архитектуры, а венцом его свершений будет мост. Белый мост, похожий на крыло ангела, — как творения Робера Майяра, которые Гай видел в альбомах. Пожалуй, это довольно самонадеянно — так сильно верить в свою судьбу; с другой стороны, разве покорность ей не признак истинной кротости духа? Теперь Гай предполагал, что убийство — вопиющее злодейство, преступление против самого себя — могло также быть частью его судьбы. А если так, судьба сама принесет ему возможность искупления и даст на него силы. Если же искуплением станет смертный приговор, судьба даст ему силы достойно встретить казнь, а Анне — это пережить. Странное дело, Гай чувствовал себя незначительней самой мелкой рыбешки и в то же время мощнее самой высокой горы. Однако он не был самонадеян. Прежняя его самонадеянность служила защитным механизмом, она достигла наивысшей точки после разрыва с Мириам. Но даже тогда, отвергнутый и нищий, разве не знал он, что в его жизни будет настоящая любовь? За три недели в море они с Анной стали еще ближе друг другу, их жизни слились в единое гармонич-

ное целое. Разве это не лучшее подтверждение его гипотезы?

Гай обернулся туда, где стояла Анна. Прислонившись к грот-мачте, она смотрела на него сверху — и улыбнулась сдержанной, гордой улыбкой, как мать, выходившая больного ребенка. Гай улыбнулся в ответ. Его поражало то, что она обыкновенный человек, простая смертная — так беззаветно он верил в ее непогрешимость и правоту. А больше всего его поражало, что она принадлежит ему. Он посмотрел на свои сцепленные руки и стал размышлять о больнице, над которой продолжит работать завтра, о всей будущей работе, всех будущих событиях, уготованных судьбой.

Бруно позвонил через несколько дней. Сказал, что он неподалеку и хотел бы зайти. Голос у него был трезвый и печальный.

Гай спокойно и твердо объявил, что ни он, ни Анна не желают его больше видеть. Он уже чувствовал, как переполняется чаша его терпения, а с трудом приобретенное душевное равновесие рушится на глазах — потому что безумием являлся сам факт этого разговора.

Бруно знал, что Джерард еще не выходил на связь с Гаем. Он не сомневался, что возможный

допрос займет всего несколько минут. Он хотел предупредить Гая, что Джерард знает его имя, что его могут вызвать на допрос, хотел заверить его, что впредь будет встречаться с ним только тайно и только с его позволения. Но Гай оборвал его так холодно, что Бруно не смог обо всем этом даже заикнуться.

— Я понял, — глухо произнес он и нажал на отбой.

Не успел Гай перевести дух и закурить, как телефон снова зазвонил. Он воткнул сигарету в пепельницу и взял трубку.

— Добрый день. Вас беспокоит Артур Джерард, частное детективное бюро. Скажите, могу ли я приехать? Я должен задать вам несколько вопросов.

Гай в испуге обвел взглядом гостиную. У него возникло бредовое подозрение, что дом на прослушке, Джерард в курсе всех их разговоров и уже поймал Бруно.

Он поднялся наверх предупредить Анну о том, что у них будет посетитель.

— Частный детектив? — изумленно переспросила Анна. — Что ему нужно?

Гай на секунду растерялся. Предательская растерянность, как часто она нападала на него не

вовремя! Какого черта Бруно не мог держаться подальше?!

— Не знаю.

Вскоре прибыл Джерард. Он галантно поцеловал Анне руку, извинился за вторжение, похвалил дом и прекрасный сад. Гай несколько растерялся. Джерард выглядел глуповатым, усталым, каким-то неопрятным. У Гая закралась мысль, что Бруно не зря отзывается о нем с таким пренебрежением. Отсутствующий вид и медлительная речь не вязались с образом блестящего детектива. Но когда Джерард устроился в кресле с сигарой и бокалом виски, Гай заметил во взгляде его светло-карих глаз проницательность, а в короткопалых руках — энергию. Тогда Гай занервничал по-настоящему. Джерард был непредсказуем.

— Вы дружите с Чарльзом Бруно, мистер Хэйнс?

— Я с ним знаком.

— Вы, наверное, знаете, что в марте убили его отца и убийца до сих пор не найден?

— Я этого не знала! — воскликнула Анна.

Джерард медленно перевел взгляд с нее на Гая.

— Я тоже об этом не знал.

— То есть вы не близкие знакомые?

— Нет.

— Где и когда вы с ним познакомились?

Гай покосился на Анну.

— В Институте искусств Паркера. Насколько я помню, в прошлом декабре.

Гай чувствовал, что сам загнал себя в ловушку. Он зачем-то повторил версию, которую Бруно выдал Анне на свадьбе — а ведь Анна, вероятно, уже про нее забыла. Джерард явно не поверил ни одному его слову. Неужели Бруно не мог предупредить? И почему они не договорились об ответах? Бруно ведь когда-то предлагал врать, что они познакомились в баре…

— А потом? Вы продолжали общаться?

— Нет, потом я встретил его лишь на своей свадьбе в июне.

Гай напустил на себя озадаченный вид, словно не понимал, к чему Джерард клонит. К счастью, он успел заверить Анну, что Бруно называет себя его другом не всерьез. И добавил на всякий случай:

— Мы его не приглашали.

— То есть он просто взял и явился? — без удивления спросил Джерард. — А на вечеринку в июле он тоже пришел без приглашения?

— Он позвонил и напросился, — пояснила Анна. — Я возражать не стала.

Джерард поинтересовался, от кого из общих знакомых Бруно мог узнать о вечеринке, и Гай назвал миссис Честер Болтинофф, которая встретила Бруно с такой ужасающе радостной улыбкой. Больше ему никто в голову не пришел.

Джерард с улыбкой откинулся на спинку кресла.

— А он вам нравится?

Гай молчал. Вместо него ответила Анна.

— Да, вполне, — сказала она тактично.

— Ну да, — подтвердил Гай, поймав на себе взгляд Джерарда. — Хотя он бывает назойлив.

Он подумал, не осматривает ли Джерард его лицо на предмет шрамов, и порадовался тому, что правая бровь у него в тени.

— У него есть склонность находить себе кумира. — На этот раз улыбка у Джерарда вышла неискренней, хотя, вероятно, она с самого начала такой и была. — Извините, что побеспокоил вас, мистер Хэйнс.

Через пять минут за ним захлопнулась входная дверь.

— И как это понимать? — спросила Анна. — Он подозревает Чарльза Бруно в убийстве?

Гай закрыл дверь на задвижку.

— Скорее кого-то из его знакомых. Наверное,

думает, что Чарльз покрывает убийцу. Чарльз ненавидел отца. По крайней мере он сам мне так говорил.

— И ты полагаешь, он знает убийцу?

— Ну, тут можно только гадать. — Гай вытащил сигарету.

— Боже мой… — Анна остановившимся взглядом смотрела на диван, на котором сидел Бруно на новоселье. — Что у людей случается в жизни!

36

— Послушай! — резко сказал Гай в трубку. — Послушай меня, Бруно!

Бруно был пьян, еще пьянее обычного, но Гай твердо решил достучаться до его замутненного сознания. Потом он подумал, что за плечом у Бруно вполне может стоять Джерард, и опасливо понизил голос. Он выяснил, что Бруно звонит из телефонного автомата и рядом с ним никого нет.

— Ты говорил Джерарду, что мы познакомились в Институте искусств?

Бруно ответил, что да. По крайней мере Гай так понял из его пьяного бормотания. Он хотел приехать! Гай никак не мог донести до него, что Джерард уже являлся сюда с расспросами. Нашел время звонить!

Гай с грохотом опустил трубку на рычаг и ослабил ворот. Джерард придавал грозящей ему опасности конкретную форму. Прекратить всякие контакты с Бруно теперь было важнее, чем продумать с ним легенду об их отношениях. Самое неприятное, из бессвязной речи Бруно Гай так и не понял, что там у него стряслось или хотя

бы в каком он настроении.

Они с Анной были в студии на втором этаже, когда затренькал дверной звонок. Гай приоткрыл дверь слегка, но Бруно ударом распахнул ее, ввалился в гостиную и рухнул на диван. Гай застыл над ним, лишившись дара речи — сначала от гнева, потом от омерзения. Воротник рубашки впивался Бруно в отекшую, красную шею. Он напоминал раздутый труп, даже веки у него настолько опухли, что глубоко посаженные глаза неестественно выкатились. Гай подошел к телефону, чтобы вызвать такси.

— Гай, кто там? — шепотом спросила Анна со второго этажа.

— Чарльз Бруно. Пьяный.

— Ничего и не пьяный! — возразил Бруно.

Анна спустилась до середины лестницы.

— Может, его наверх отнести?

— Я не хочу видеть этого типа в своем доме. — Гай листал телефонную книгу в поисках номера такси.

— Хочеш-ш-шь, — прошипел Бруно, как лопнувшая покрышка.

Гай обернулся. Бруно смотрел на него одним глазом. Кроме этого глаза в распростертом теле не осталось ничего живого. Бруно бубнил что-то

речитативом себе под нос.

— Что он бормочет? — Анна подошла поближе к Гаю.

Гай схватил Бруно за ворот рубашки и попытался поднять. Его выводило из себя тупое бормотание, к тому же Бруно напустил слюней ему на руки.

— Вставай и убирайся! — прорычал он.

И тут наконец разобрал, что Бруно мямлит.

— Я скажу ей, я скажу ей, я скажу ей, я скажу ей, — повторял он и таращил на Гая бешеные, красные глаза. — Не смей выгонять, а то скажу ей.

С отвращением Гай разжал хватку.

— В чем дело, Гай? Что он бормочет?

— Уложу его наверху.

Он попытался взвалить Бруно себе на плечи, но, даже собрав все силы, не смог сдвинуть с места безжизненную тушу. В конце концов Гай сдался и уложил Бруно на диване. Причем у дома не стояло никакой машины, — Бруно как с неба свалился. Он спал на диване, беззвучно дыша, а Гай сидел рядом, смотрел на него и курил.

В три часа ночи Бруно проснулся, сделал пару глотков виски, чтобы прийти в себя, и вскоре выглядел уже вполне нормально, если не счи-

тать отеков. Узнав, что он в доме у Гая, очень обрадовался — он совершенно не помнил, как сюда попал.

— Выдержал еще один раунд против Джерарда, — сообщил Бруно с ухмылкой. — Три дня подряд. Газеты читаешь?

— Нет.

— И не читай, у тебя все в ажуре. Джерард уверен, что взял след. Есть у меня один приятель с не самой лучшей репутацией — Мэтт Левайн… Герберт считает, что он похож. Я три дня провел в разговорах с этой троицей. Думаю, Мэтта повяжут.

— И казнят?

— Вряд ли, просто он сядет. Это не первое убийство на его счету.

Гаю захотелось схватить пепельницу и обрушить ее на эту опухшую рожу, дать выход накопившемуся напряжению. Вместо этого он крепко взял Бруно за плечи.

— Уйдешь ты отсюда или нет? Больше я тебя впускать не намерен!

— Не уйду, — тихо ответил Бруно.

Он сидел без движения, ничем не выражая намерение сопротивляться, и Гай увидел в его глазах то же безразличие к боли и к смерти, как и

в тот вечер, когда дрался с ним в роще возле дома родителей Анны.

Гай закрыл лицо ладонями.

— Если этот твой Мэтт сядет, — прошептал он, — я пойду в полицию и выложу все от начала до конца.

— Да не сядет он. У них не хватит доказательств. Я пошутил. — Бруно расплылся в улыбке. — Тип подходящий, да улик мало. А против тебя улик много, зато ты тип уж больно неподходящий. Ты важная птица! — Он вытащил что-то из кармана и протянул Гаю. — Вот, попало мне в руки на прошлой неделе. Молодец!

Гай смотрел на фотографию Питтсбургского универмага в брошюре Музея современного искусства. «Гай Дэниэл Хэйнс, молодой архитектор, которому нет и тридцати, достойный продолжатель традиций Фрэнка Ллойда Райта. Его яркий собственный стиль отличается строгой простотой, не уходящей при этом в аскетизм, а также грацией, которую сам он называет певучестью…» Гай поморщился. Пассаж о певучести не имел к нему никакого отношения.

Бруно убрал брошюру в карман.

— В общем, ты большой человек. Если будешь держать нервы в узде, тебя никто не заподозрит.

Гай посмотрел на него сверху вниз.

— И все-таки зачем ты сюда явился?

Впрочем, он знал ответ. Их жизнь с Анной вызывала у Бруно восхищенное любопытство. А для него самого общество Бруно было пыткой, в которой он находил извращенное утешение.

Бруно будто прочел его мысли.

— Ты мне нравишься, Гай. Но помни, улик против тебя у них гораздо больше, чем против меня. Если пойдешь в полицию, я выкручусь, а вот ты уже нет. Герберт тебя узнает. Анна вспомнит, что ты как-то странно себя вел. Царапины, шрам, еще куча мелочей, которые тебе предъявят всем скопом. Револьвер, обрывки перчаток… — Бруно перечислял не спеша и с нежностью, как любовно хранимые воспоминания. — Если и я буду против тебя…

37

Гай сразу понял по голосу Анны, что она заметила вмятину. Вообще-то он собирался ее выправить и забыл. Сначала он попробовал сделать вид, что ничего не знает о вмятине, потом сдался. Сказал, что выходил в море на прошлой неделе и наткнулся на буй.

— Не надо «очень извиняться», — передразнила Анна и взяла его за руку. — Это ерунда. Эгон сказал, что ты брал яхту. И скрыл это от меня из-за дурацкой вмятины?

— Ну да…

— И что же, ты выходил в море один? — Анна чуть улыбнулась.

Она знала, что Гай недостаточно хорошо управляется с яхтой для морских прогулок в одиночку.

На самом деле Гаю тогда позвонил Бруно и настоял, чтобы они прокатились. Джерард зашел в тупик с Мэттом Левайном, его повсюду поджидали тупики, и Бруно хотел отпраздновать.

— Нет, не один. С Чарльзом Бруно.

С Чарльзом Бруно и револьвером…

— Я не сержусь. Только не понимаю, зачем ты

решил с ним встретиться. Он ведь тебя раздражает.

— Сам не знаю, что на меня нашло, — пробормотал Гай. — Два дня сидел дома за работой, захотелось голову проветрить…

Конечно, она сердится. Анна всегда содержала «Индию» в безукоризненном порядке. Яхта сияла начищенной медью и белизной крашеного дерева, словно ее изваяли из золота и слоновой кости. Да еще Бруно! Анна теперь опасается Бруно.

— Гай, а помнишь, к нам зимой привязался какой-то человек возле твоего дома? — Анна шла за ним по палубе. — Это случайно был не Чарльз?

— Да, это был он. — Пальцы Гая бессильно сжались на лежащем в кармане револьвере.

— Что ему от тебя нужно? Он не особенно интересуется архитектурой. Мы говорили с ним тогда, на новоселье.

— Да ничего ему от меня не нужно. Он просто не знает, чем себя занять.

Гай думал лишь о том, как поскорее избавиться от револьвера. Тогда он сможет болтать с ней сколько угодно.

— И вы познакомились в институте?

— Ну да. Просто в коридоре столкнулись.

Однажды он запутается в щупальцах лжи, ска-

жет что-то не то и потеряет Анну. Возможно, уже потерял. Вот она стоит у грот-мачты и наблюдает за ним. Гай закурил. Вес револьвера в кармане становился неподъемным. Собрав волю в кулак, Гай направился к носу яхты. За спиной послышались легкие шаги — Анна ушла в кубрик.

Низкое серое небо обещало пролиться дождем. «Индия» лениво покачивалась на волнах и за час как будто ничуть не отдалилась от берега. Опершись на бушприт, Гай взглянул на свои ноги в белых брюках, на синий китель с золочеными пуговицами, найденный им в рундуке на борту и, видимо, принадлежавший отцу Анны. А ведь он мог бы стать не архитектором, а моряком. В четырнадцать он просто бредил морем. И что же ему помешало? Какой была бы его жизнь без… Без кого? Конечно, без Мириам. Он нервно расправил плечи и достал револьвер.

Держа его на вытянутых руках над водой, Гай думал о том, как невинно это драгоценное творение человеческого разума. Он же, напротив… Гай разжал пальцы. С неизменной готовностью повиноваться, револьвер сделал один идеально сбалансированный оборот в воздухе и ушел под воду.

— Что ты туда бросил?

Гай обернулся. Анна стояла на палубе метрах в трех от него. И он не знал, совсем не знал, что ей ответить.

38

Бруно смотрел на стакан и колебался. Выпить или не стоит? Его не покидало ощущение, что стены ванной вот-вот разлетятся на тысячу осколков, словно они ненастоящие, или сам он ненастоящий.

— Ма! — позвал Бруно, устыдился своего жалкого блеяния и опрокинул в себя стакан.

Потом на цыпочках прокрался в комнату матери и разбудил ее, нажав кнопку звонка для прислуги. Этим звонком мать оповещала Герберта, что проснулась и готова позавтракать.

— О-о… — Она зевнула и улыбнулась. — С добрым утром.

Она похлопала сына по руке и пошла в ванную умываться.

Бруно молча сидел на ее постели, пока она не вернулась и не юркнула под одеяло.

— У нас сегодня встреча с турагентом. Как его там, Сондерс? Надеюсь, ты не отправишь меня к нему одну.

Бруно помотал головой. Они собирались в путешествие — сначала по Европе, а там, глядишь,

и в кругосветное. Но сейчас эта идея утратила для него всю привлекательность. Вот если бы поехать вокруг света с Гаем… Бруно поднялся, раздумывая, не выпить ли еще.

— Как самочувствие?

Мать умела спросить не вовремя.

— Ничего. — Бруно опять сел.

Раздался стук в дверь, и вошел Герберт.

— Доброе утро, мадам. Доброе утро, сэр, — произнес он, глядя мимо них.

Подперев рукой подбородок, Бруно мрачно уставился на щегольские, до блеска начищенные ботинки Герберта. Заносчивость дворецкого в последнее время стала невыносимой! С подачи Джерарда возомнил себя главным человеком в деле — он, конечно, мигом найдет убийцу, если перед ним выставят подозреваемых. Все восхищались его храбростью — надо же, бросился вдогонку за убийцей! А папаша отписал ему двадцать тысяч в завещании. Герберт теперь и сам может позволить себе путешествие!

— Ужин подавать на шесть или семь персон, мадам?

Бруно смотрел на его острый розовый подбородок и думал: «Вот куда тебе двинул Гай, и ты завалился на лопатки».

— Ох, я еще никому не звонила… Но, скорее всего, на семь.

— Хорошо, мадам.

Значит, придет Рутледж Овербек Второй. Бруно так и знал, что мать в итоге пригласит его, хотя она и делала вид, что сомневается — мол, тогда гостей будет нечетное число. Рутледж Овербек питал к ней безумную любовь или просто хорошо притворялся. Бруно хотел пожаловаться матери, что Герберт за полтора месяца ни разу не отправил его одежду в глажку, но его мутило, и не было сил даже начать.

— Знаешь, я умираю как хочу посмотреть на Австралию. — Мать с аппетитом жевала тост, изучая карту, разложенную на кофейнике.

Бруно ощутил странное покалывание ниже спины.

— Ма, мне нехорошо.

Ее обеспокоенный взгляд напугал его еще больше — он вдруг понял, что она ничем не сможет ему помочь.

— Что такое, милый? Что мне сделать?

Бруно метнулся к двери, тошнота подкатывала к горлу. В ванной у него потемнело в глазах. Он ввалился к себе, выронил закупоренную бутылку виски на кровать.

— Чарли, что с тобой?

— Мне надо прилечь.

Он завалился на кровать, однако легче не стало. Отмахнулся от матери, сел, тут же захотел снова лечь и поэтому вскочил на ноги.

— Кажется, я умираю!

— Ляг, милый! Давай я принесу тебе… давай принесу горячего чаю?

Бруно сорвал с себя смокинг, затем пижамную рубаху. Он задыхался, хватал ртом воздух. Он на самом деле чувствовал, что умирает!

Мать прибежала с мокрым полотенцем.

— Что болит? Живот?

— Все болит!

Он сбросил тапки, хотел распахнуть окно и обнаружил, что оно уже открыто.

— Ма, я умираю! — воскликнул он, обливаясь потом. — Я умираю?

— Я принесу тебе выпить!

— Нет! — взвизгнул Бруно. — Врача мне! И выпить!

Негнущимися пальцами он развязал веревочку и стянул с себя пижамные штаны. Что с ним происходит? Это не обычная утренняя трясучка. Он слишком слаб, чтобы его трясло. Бессильно повисшие руки покалывало, как иголочками. Бруно

поднял их к лицу. Пальцы у него скрючились, и он никак не мог заставить их разжаться.

— Ма! У меня что-то с руками! Ма, смотри! Что это? Что это?

— Вот, выпей!

Горлышко бутылки зазвенело о край стакана. Бруно не мог ждать. Он выскочил в коридор, сгорбившись, в ужасе разглядывая свои безвольные, скрюченные руки. Средние и безымянные пальцы помимо его желания согнулись так, что почти касались ладоней.

— Милый, надень халат! — прошептала мать.

— Зови врача!

Халат! Нашла о чем волноваться! Ну да, он голый, что с того? Мать набирала номер, а он вертелся вокруг, причитая:

— Только не давай им меня увезти! Запри все двери! А то знаешь, что со мной сделают?

Он тараторил заговорщицким шепотом, потому что по телу расползалось онемение, и он уже понимал, что происходит. Он сошел с ума! Он таким останется на всю жизнь!

— Знаешь, что со мной сделают, ма? Наденут на меня смирительную рубашку, и тогда я умру!

— Доктор Пэкер? Это миссис Бруно. Вы можете порекомендовать специалиста неподалеку от

нас?

Бруно закричал. Какие могут быть врачи в Грейт-Неке, в этой дыре?! Он попытался выразить это вслух, но язык не слушался. Болезнь добралась до голосовых связок!

— А-а-а! — вопил он, уворачиваясь от смокинга, который мать хотела на него набросить.

Пусть Герберт любуется, если ему угодно!

— Чарльз!

Безумными жестами он пытался объяснить, что у него отнялся язык. Подскочил к зеркалу, увидел в нем свое побелевшее лицо, плоское вокруг рта, как будто его припечатали доской, увидел обнаженные в жутком оскале зубы. А руки! Как он теперь возьмет стакан, как зажжет сигарету?! А как машину водить?! Да он теперь и в туалет без посторонней помощи не сходит!

— Выпей!

Да, виски, виски! Бруно ловил живительную влагу онемевшими губами, обжигающая струйка стекала по подбородку на грудь. Жестом он потребовал еще. Как бы донести до матери, что надо запереть двери… Господи, лишь бы прошло!.. Он позволил матери с Гербертом уложить себя в постель.

— Низя! — прохрипел он, схватив мать за пе-

ньюар и едва не завалив ее на себя. — Низя мя уввзить!

Мать заверила, что его никуда не увезут и что она запрет все двери.

Бруно думал о Джерарде. Джерард продолжает копать и прекращать не собирается. И не только Джерард — целая армия ищеек вынюхивает, проверяет, опрашивает людей, стучит клавишами пишущих машинок, собирает кусочки тут и там, в том числе и в Санта-Фе, и однажды эти кусочки сложатся перед Джерардом в единую картину. Однажды Джерард явится сюда утром, найдет его в таком состоянии и все из него вытянет. Он убил человека. Убийство карается смертью.

Остановившимся взглядом Бруно смотрел на люстру. Отчего-то ему вспомнилась круглая никелированная пробка от раковины в доме бабушки в Лос-Анджелесе. И при чем тут пробка?

К реальности его вернул болезненный укол иглы для подкожных инъекций.

Шторы были задернуты, в комнате царил полумрак. В углу мать беседовала с молодым, нервного вида доктором. Бруно полегчало. Теперь его никуда не увезут. Все прошло, паника откатила. Он осторожно пошевелил пальцами. Затем прошептал: «Гай». Язык еще плохо слушался, но по

крайней мере речь к нему вернулась.

Дверь за доктором закрылась, мать подошла к постели.

— Ма, я не хочу в Европу, — пробубнил Бруно на одной ноте.

— Хорошо, милый, мы не поедем.

Она осторожно присела рядом, и ему тут же стало легче.

— Но это ведь не врач запретил? — зачем-то спросил Бруно.

Можно подумать, он бы не поехал, если бы ему хотелось! Чего он боится? Да ничего! Даже второго такого приступа! Бруно тронул пышный рукав ее пеньюара, но вспомнил про Рутледжа Овербека и уронил руку. Наверняка у матери с ним роман. Уж очень часто она ездила в его квартиру в Сильвер-Спрингз и задерживалась там подолгу. Бруно долго не хотел этого признавать, но все происходило у него под носом, пора открыть глаза. Папаша мертв, это ее первый роман, почему бы и нет — только зачем она выбрала такого мерзкого типа?! В полумраке комнаты глаза матери стали темными. Она так и не оправилась после смерти отца. Бруно вдруг понял, что она останется такой навсегда, больше не будет молодой — какой он ее любил.

— Выше нос, мам.

— Милый, обещай мне много не пить. Врач говорит, это начало конца. Твой организм тебя предупреждает.

Она облизнула губы — мягкие, накрашенные, покрытые морщинками. Видеть их так близко было невыносимо. Бруно зажмурился.

— Ну это же не белая горячка? Со мной никогда не приключалось белой горячки.

— Это хуже. Врач говорит, алкоголь разрушает нервную ткань. Ты можешь умереть, ты понимаешь?

— Да, мам.

— Даешь слово?

Бруно закрыл глаза и вздохнул. Глядя на него, мать думала, что трагедия произошла не этим утром, а гораздо раньше, много лет назад, когда он в первый раз выпил в одиночку. И беда была даже не в том первом стакане, а в том, что стакан стал последним убежищем. Этому наверняка предшествовало крушение надежд, какое-то большое разочарование — в ней и Сэме, в друзьях, в своих увлечениях. Но она не могла вычислить, с чего это началось, сколько бы ни ломала голову. Чарли ни в чем не нуждался, они с Сэмом поощряли его во всем, чем бы он ни решил заняться.

Если бы только понять, с чего началось… Она встала, чувствуя, что ей самой надо выпить.

Бруно осторожно разлепил веки, еще восхитительно тяжелые ото сна. Он видел себя со стороны, как на экране. Вот он в ржаво-коричневом костюме на острове в Меткалфе. Вот его молодое и стройное тело изгибается над Мириам, швыряет ее на землю. Эти короткие мгновения разделили его жизнь на «до» и «после». Он тогда был особенно ловок, особенно умен, и эти мгновения более не повторятся. Гай думал точно так же о времени своей работы над «Пальмирой», — сам рассказывал, когда они вдвоем ходили в море на яхте. Бруно было приятно, что «звездный час» случился почти одновременно у них обоих. Пожалуй, теперь он мог спокойно умереть — разве в будущем его может ожидать нечто такое, что затмило бы собой тот вечер в Меткалфе? Иногда — как, например, сейчас — он чувствовал угасание былой энергии. Что-то в нем умирало, возможно, любопытство. Но Бруно это не печалило, потому что взамен он обрел мудрость и умиротворение. Еще вчера он хотел объехать вокруг света. А зачем? Чтобы потом хвастаться? Кому хвастаться-то? В прошлом месяце он написал Уильяму

Бибу[13] и попросился добровольцем на спуск под воду в новой супербатисфере, которую Биб пока испытывал без людей. Зачем? Все это было такой глупостью по сравнению с вечером в Меткалфе. И все вокруг были так глупы по сравнению с Гаем. А самая большая глупость — в Европе он всерьез собирался пройтись по европейским женщинам! Да, папашины шлюхи дурно на него повлияли, ну и что? Многие считают, что необходимость секса сильно преувеличена. По утверждению психологов, любовь не может длиться вечно. Впрочем, Гая и Анны это, похоже, не касается. Бруно чувствовал, что их любовь не угаснет, хотя и не знал почему. Дело было даже не в том, что Гай растворился в ней и безразличен ко всему другому. И не в том, что денег у них достаточно. Нет, причина в чем-то невидимом. А в чем, Бруно никак не мог понять, хотя иногда ему казалось, что он на пороге разгадки. И ответ он хотел найти не для себя, а из чисто научного интереса.

Улыбаясь, Бруно повернулся на бок и стал щелкать крышкой золотой зажигалки «Данхилл». Встреча с турагентом не состоится ни сегодня,

[13] Примечания: 13

Уильям Биб — американский ученый и мореплаватель, в 1934 году погрузившийся в батисфере на рекордную на тот момент глубину — 932 метра.

ни вообще. Дома гораздо уютней, чем в Европе. И Гай рядом.

39

Джерард гнался за ним по лесу, размахивая уликами — лохмотьями перчаток, лоскутом от пальто и даже револьвером. Гай уже пойман, стоит привязанный к дереву в чаще леса с глубокой раной на правой руке. Если Бруно не найдет способ к нему вернуться, он истечет кровью. Джерард хихикал, радуясь тому, что раскусил их хитрую схему. Вот-вот он настигнет Бруно, схватит его своими мерзкими лапами!

— Гай! — слабым голосом позвал Бруно.

Джерард уже тянул к нему свои ручищи — если коснется, все пропало!

Бруно собрал все силы и сел на постели. Кошмарный сон осыпался грудой тяжелых камней.

Перед ним сидел Джерард! Собственной персоной!

— Приснилось чего? — сочувственно поинтересовался он и протянул розовато-лиловую руку.

Бруно кубарем скатился с постели. Джерард засмеялся.

— Как хорошо, что я вовремя вас разбудил.

Бруно стиснул зубы, едва не раскрошив их, мет-

нулся в ванную и хлебнул виски, не заботясь о том, чтобы прикрыть дверь. Рожа в зеркале была такая, что краше в гроб кладут.

— Вы уж простите за вторжение, но у меня новости. — Голос у Джерарда звучал напряженно и пискляво, а это значило, что его распирает восторг от какой-то победы. — Касаемо вашего приятеля, Гая Хэйнса. Того, который вам сейчас снился.

Стакан в руке у Бруно хрустнул. Он аккуратно собрал осколки из раковины, сложил на уцелевшее донышко с зазубренными краями и, приняв скучающий вид, прошел назад в спальню.

— Когда вы познакомились, Чарльз? Я знаю, что не в прошлом декабре. — Облокотившись на комод, Джерард раскуривал сигару. — Может, полтора года назад? В поезде до Санта-Фе? — Он выждал несколько секунд, достал что-то из-под мышки и бросил на кровать. — Вот, припоминаете?

На кровати, в оберточной бумаге с полустершимся адресом, лежал Платон, забытый Гаем в купе.

— Конечно, припоминаю. — Бруно отодвинул от себя сверток. — Потерял по дороге на почту.

— Ваша потеря все это время стояла на полке

в отеле «Ла Фонда». Откуда у вас вдруг взялся интерес к трудам Платона?

— Я нашел книгу в поезде. В вагоне-ресторане. В ней был адрес Гая, и я решил отправить ее почтой.

Он прямо взглянул в маленькие проницательные глазки.

— Чарли, когда вы с ним познакомились? — спросил Джерард с терпеливой интонацией взрослого, который говорит с завравшимся ребенком.

— В декабре.

— И вы, конечно, знаете, что его жена была убита.

— Ну да, в газетах читал. А потом там писали, как он строил клуб «Пальмира».

— И вы подумали: «Надо же, а я ведь полгода назад нашел книгу, принадлежавшую этому человеку!»

— Ну да, — поколебавшись, ответил Бруно.

Джерард хмыкнул и с презрительной улыбкой отвернулся.

Бруно сделалось неуютно. Он уже видел такую улыбку. Когда-то он попался на явной лжи, но отчаянно продолжал на ней настаивать, и отец тоже хмыкнул и улыбнулся, и как же ему тогда

стало стыдно! Почувствовав, что взглядом умоляет Джерарда о прощении, Бруно намеренно стал смотреть в окно.

— То есть вы не знали Гая Хэйнса, но тем не менее звонили ему в Меткалф?

— В смысле?

— Вы звонили ему несколько раз.

— Ну, может, разок и позвонил спьяну.

— Несколько. По какому поводу?

— Да по поводу распроклятой книги, по какому еще?! — Если уж Джерард в курсе всех его привычек, он не сможет не признать, что это вполне в его духе. — Мог еще позвонить, когда про смерть жены прочитал.

Джерард покачал головой.

— Нет, вы звонили до ее смерти.

— И что?

— И что? Об этом я спрошу мистера Хэйнса. Кстати, даже странно, что вы не звонили после ее смерти, принимая во внимание ваш интерес к убийствам.

— Да тошнит меня уже от ваших убийств! — проорал Бруно.

— А вот в это, Чарли, я охотно верю. — Джерард вышел и вальяжно направился в сторону комнаты матери.

Бруно не спеша принял душ и оделся. Все-таки Гай вызвал у Джерарда гораздо меньше энтузиазма, чем Мэтт Левайн. К тому же о звонках в Меткалф он узнал из счетов отеля «Ла Фонда», а оттуда Бруно звонил всего дважды. Что касается прочих звонков, никто не докажет, что они вообще были, — мать Гая могла и ошибиться.

— Зачем приходил Джерард? — спросил Бруно у матери.

— Да так, по пустяку. Спрашивал, знаю ли я твоего друга Гая Хэйнса. — Мать начесывала волосы для укладки, взбитые пряди стояли торчком вокруг ее спокойного, усталого лица. — Это тот, который архитектор?

— Да. Ну, он не то чтобы друг, скорее знакомый.

Бруно шагал туда-сюда у нее за спиной. Как он и надеялся, про газетные вырезки в Лос-Анджелесе она уже забыла. Слава богу, он не хвастал ей дружбой с Гаем, когда везде печатали фотографии «Пальмиры». Он уже тогда в глубине души знал, что Гай выполнит его задумку.

— Еще Джерард говорит — ты звонил этому Гаю прошлым летом. О чем он?

— Мам, у меня в печенках Джерард и его дурацкие намеки!

40

Тем утром Гай выходил от директора проектной компании «Хэнсон и Кнапп» в необыкновенно приподнятом настроении. Завершалась работа над чертежами больницы — самый сложный проект, которым ему когда-либо приходилось руководить. Последние согласования по строительным материалам успешно закончились, а еще рано утром Гай получил радостную телеграмму от Боба Тричера. Боба назначили в консультативный инженерный комитет по строительству плотины в канадской провинции Альберта. Боб пять лет к этому стремился.

Гай шагал к выходу между рядами длинных столов; тут и там кто-нибудь из чертежников поднимал голову и смотрел ему вслед. Гай кивнул в ответ на улыбку их начальника. В душе начинала теплиться искра самоуважения. А может, он просто чувствовал себя уверенней в новом костюме, только и всего. За его жизнь это третий по счету костюм, сшитый на заказ. Серо-голубую клетчатую ткань выбрала Анна, она же посоветовала надеть к нему шерстяной галстук помидорного

цвета — старый, но один из самых любимых. Гай стал поправлять узел перед зеркалом возле лифта и вдруг увидел в густой темной брови одиноко торчащий белый волос. Прежде он не замечал у себя седины.

Из-за двери выглянул один из чертежников.

— Мистер Хэйнс, как хорошо, что вы не ушли! Вас к телефону.

Гай пошел назад, надеясь, что разговор будет недолгим. Они с Анной собирались вместе пообедать, и до назначенного времени оставалось десять минут. Он миновал чертежный зал и взял трубку в пустом кабинете.

— Алло, Гай! Слушай, тут Джерард нашел твоего Платона… Ну да, в Санта-Фе. Ты не волнуйся, это ничего не меняет…

Через пять минут Гай уже снова ожидал лифт. Чуяло его сердце, что книгу рано или поздно найдут. А Бруно-то уверял, что никогда. Бруно совершил ошибку и может попасться. Сама эта идея казалась невероятной. Такие, как Бруно, никогда не попадаются! Не попадались — до сегодняшнего дня.

Едва выйдя на солнечный свет, Гай остро почувствовал на себе непривычный новый костюм и так разозлился, что даже кулаки сжал.

«Я ему сказал, что книгу нашел в поезде. И в Меткалф тебе из-за нее звонил. А познакомились лично мы только в декабре».

Бруно тараторил взволнованным, срывающимся голосом — будто совершенно не своим. Гай бесстрастно размышлял над легендой, которую предложил Бруно, — как над образцом ткани для костюма. Дыр в ткани не было, но это не означало, что она не расползется по швам. Мог найтись свидетель, видевший их вместе в поезде. Например, официант, который приносил ужин в купе.

Гай поднял лицо к маленькому диску зимнего солнца. Темные брови — с седым волосом и белым шрамом, брови, по словам Анны, в последнее время ставшие гуще, — защитили его глаза от яркого света. Он где-то слышал, что если смотреть прямо на солнце в течение пятнадцати секунд, можно получить ожог роговицы. Его защищала Анна, защищала работа. И костюм, дурацкий новый костюм. Гай вдруг почувствовал себя тупоумным, беспомощным, ни на что не способным. Смерть прокралась в его сознание, охватила коконом. Слишком долго он дышал ее воздухом и, пожалуй, свыкся с ней. Что ж, так или иначе, ему не страшно. Гай с храбрым видом расправил плечи.

Анны в ресторане еще не было. Гай вспомнил,

что она собиралась по дороге заехать за фотографиями, которые они сделали дома в воскресенье. Он сидел и перечитывал телеграмму Боба снова и снова.

> НАЗНАЧЕН В КОМИТЕТ АЛЬБЕРТЫ. РЕКОМЕНДОВАЛ ТЕБЯ. ГАЙ, ЭТО МОСТ! ЗАКРУГЛЯЙСЯ С РАБОТОЙ. ТВОЮ КАНДИДАТУРУ ПРИМУТ БЕЗ ВОПРОСОВ. ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ. БОБ.

Кандидатуру примут без вопросов. Как бы он ни строил свою жизнь, его способность построить мост ни у кого не вызывает сомнений. Гай погрузился в раздумья, держа в руке бокал с мартини. На поверхности напитка не было ни малейшей ряби.

41

— Мы тут набрели еще на одно дело, — невозмутимо сообщил Джерард, просматривая лежащий перед ним машинописный отчет. — Убийство жены Гая Хэйнса. Его так и не раскрыли.

С момента, когда Бруно вошел в кабинет, Джерард ни разу не удостоил его взглядом.

— Да, я про это слышал.

— И, сдается мне, слышали немало. Ну-ка, расскажите, что вам известно.

Джерард поудобней устроился в кресле. Он явно успел как следует изучить вопрос с понедельника, когда ему в руки попал злополучный Платон.

— Да ничего. Насколько я знаю, об этом убийстве никому ничего не известно.

— А что вы думаете? Наверняка вы много говорили об этом с Гаем Хэйнсом.

— Да нет, вообще не говорили. Что вас навело на такую мысль?

— Ваш необыкновенный интерес к убийствам.

— Какой такой интерес?

— Да бросьте, Чарльз! — взорвался Джерард, что было ему совсем не свойственно. — Даже

если б я не знал об этом от вас, уж от вашего отца наслушался!

Бруно потянулся за сигаретой и уронил руку.

— Мы это обсуждали, — признался он совсем другим тоном, тихо и уважительно. — Гай ничего не знает. К тому моменту они с женой давно не общались.

— Есть предположения насчет личности убийцы? Вам не приходило в голову, что за этим преступлением мог стоять сам мистер Хэйнс? Может, вас заинтересовало, как он так ловко все устроил и остался безнаказанным? — Джерард заложил руки за голову, по-прежнему невозмутимо, словно беседа велась о погоде.

— Разумеется, ничего подобного мне в голову не приходило, — парировал Бруно. — Вы явно слабо представляете, о человеке какого калибра идет речь.

— Калибр, Чарльз, имеет значение только для оружия. — Джерард снял телефонную трубку. — Пригласите, пожалуйста, мистера Хэйнса.

Бруно вздрогнул, и от Джерарда это не укрылось. Они молча смотрели друг на друга, слушая, как по коридору приближаются шаги. Бруно успокаивал себя, что ожидал такого поворота событий.

Вид у Гая был нервный. Впрочем, он всегда нервничал и спешил, так что это не бросалось в глаза. Он поздоровался с Джерардом, сдержанно кивнул Бруно и сел на единственный пустующий стул.

— Мистер Хэйнс, я позвал вас, чтобы выяснить одну простую вещь. О чем вы чаще всего говорите с мистером Бруно?

Джерард предложил ему сигарету из пачки, наверняка не один год провалявшейся у него в столе, и Гай не стал отказываться, с раздражением сдвинув брови.

— Мы иногда обсуждали клуб «Пальмира».

— А еще?

Гай посмотрел на Бруно. Тот подпирал рукой подбородок и грыз ноготь — с таким безмятежным видом, что это невозможно было бы счесть признаком волнения.

— Даже не знаю…

— Он расспрашивал вас об убийстве вашей жены?

— Да.

— И в каком ключе вы обсуждали убийство? — поинтересовался Джерард. — То есть я все еще про вашу жену.

Гай почувствовал, как кровь прилила к лицу, и

снова покосился на Бруно. Ну и что? Разве можно ни разу не взглянуть на человека, о котором говорят в третьем лице в его присутствии?

— Он спрашивал, знаю ли я, кто мог ее убить.

— А вы знаете?

— Нет.

— Вам нравится Чарльз?

Пальцы у Джерарда неприятно подрагивали. Чтобы это скрыть, он принялся вертеть в них коробок со спичками. Гай вспомнил, как Бруно в купе вертел спичечный коробок, пока не уронил его себе в тарелку.

— Да, пожалуй, — ответил Гай непонимающим тоном.

— А вы не находите его чересчур надоедливым? Разве у него нет обыкновения навязывать свою компанию?

— Да нет.

— Вас не рассердило то, что он явился к вам на свадьбу без приглашения?

— Нет.

— Чарльз говорил вам, что ненавидит отца?

— Да.

— А что хотел бы его убить?

— Нет, — отчеканил Гай без запинки.

Джерард извлек из ящика стола коричневый

бумажный сверток.

— Вот книга, которую Чарльз собирался вам послать. Извините, пока я вам ее не отдам, она мне может еще понадобиться. Как она попала к Чарльзу?

— Он сказал, что нашел ее в поезде.

Гаю не давала покоя сонная, загадочная улыбка Джерарда. Тень ее он видел, когда Джерард приезжал к нему домой, но сейчас она всерьез действовала на нервы. Эта улыбка намеренно провоцировала антипатию. Она была профессиональным оружием. А каково видеть эту улыбку перед собой каждый день… Гай непроизвольно посмотрел на Бруно.

— То есть в поезде вы не встречались? — уточнил Джерард.

— Нет.

— А я имел беседу с официантом, который приносил вам ужин в купе.

Жгучий стыд, который испытал Гай, был тяжелее вины. Раздавленный стыдом, он все же не опустил глаз и продолжал сидеть, расправив плечи.

— Ну и что? — взвизгнул Бруно.

— А то, что мне интересно, зачем вы взяли на себя труд скрывать истинные обстоятельства

вашей встречи. — Джерард покачал головой и усмехнулся. — Зачем врали, что познакомились месяцы спустя. — Он подождал несколько мучительных секунд. — Молчите. Ладно, ответ-то очевиден. То есть предположение.

Гай чувствовал, как предположение Джерарда повисло в воздухе, связывая их троих между собой. Отсутствующий фрагмент мозаики, то, что, по мысли Бруно, никому и в голову не придет.

— Объясните мне, Чарльз, зачем вы читаете так много детективов?

— Не понимаю, к чему вы клоните.

— Через несколько дней после вашей встречи была убита жена мистера Хэйнса. А через несколько месяцев — ваш отец, Чарльз. Напрашивается вывод, что эти убийства для вас обоих не стали сюрпризом…

— Чушь! — перебил его Бруно.

— …вы знали о них заранее и в поезде обсуждали их между собой. Конечно, это лишь гипотеза. Если предположить, что вы действительно познакомились в поезде. — Джерард улыбнулся. — Так где вы познакомились, мистер Хэйнс?

— В поезде.

— И отчего же вы так боялись это признать? — Джерард направил на Гая рябой обвиняющий

палец.

Гай снова подумал, что намеренно заурядная внешность сыщика также является орудием устрашения.

— Не знаю.

— Может, Чарльз посвятил вас в свой замысел убить отца? Поэтому вы занервничали?

— Чарльз ничего не говорил об убийстве отца, — произнес Гай с расстановкой.

Джерард перевел взгляд на Бруно ровно в ту секунду, когда у того на лице вспыхнула довольная ухмылка.

— Конечно, это лишь гипотеза, — повторил Джерард.

Гай и Бруно выходили из его конторы вместе. Джерард отпустил их одновременно, и они бок о бок пошли через длинный квартал к маленькому парку рядом со входом в метро и стоянкой такси. Бруно оглянулся на высокое узкое здание, где остался Джерард.

— Ничего, доказательств у него все равно нет, — заверил он. — Как ни крути.

Гай лишь теперь задумался, как непринужденно Бруно вел себя под натиском Джерарда. Гай прежде считал, что под давлением Бруно впадает в истерику. Он покосился на высокую, сутулую

фигуру Бруно с тем же внезапным чувством товарищества, как тогда в ресторане. Однако ответить ему было нечего. Должен же Бруно понимать, что Джерард не станет выкладывать им все свои козыри.

— Но самое удивительное, — продолжал Бруно, — он считает, что это сделали не мы, а кто-то другой.

42

Джерард сунул палец между прутьями клетки и помахал птичке, в ужасе забившейся в дальний угол. Тихонько присвистнул.

Анна беспокойно наблюдала за ним, стоя в середине комнаты. Этот человек ей не нравился. Сначала он обвинил ее Гая во лжи, потом напугал ее канарейку. Уже четверть часа Джерард вызывал у нее неприязнь, и оттого, что в прошлый раз она сочла его симпатичным, теперь было только хуже.

— Как ее зовут? — поинтересовался Джерард.

— Крошка.

Анна смущенно наклонила голову и отвернулась. В новых туфельках из крокодиловой кожи она чувствовала себя высокой и грациозной. Покупая их сегодня, она думала о том, что Гаю они непременно понравятся и он будет с улыбкой поглядывать на них за коктейлем перед ужином. Но Джерард испортил все удовольствие.

— Вы догадываетесь, почему ваш муж скрывал факт своего знакомства с Чарльзом в прошлом июне?

Анна про себя припомнила, что тогда, в июне, погибла Мириам. Больше в том месяце не произошло ничего особенного.

— У Гая был трудный период. Его жену убили. Обо всем остальном он мог просто забыть.

Анна хмурилась. Джерард прицепился к мелочи, не имеющей никакого значения. Гай ведь потом не встречал этого человека полгода.

— Ну это он вряд ли забыл, — спокойно заметил Джерард, усаживаясь. — Нет, я предполагаю, что в поезде Чарльз жаловался вашему мужу, что ненавидит отца и мечтает его убить. Возможно, даже изложил подробности, как именно он собирается…

— Гай не стал бы такое слушать, — перебила Анна.

— Конечно, я не могу утверждать наверняка, — продолжал Джерард светским тоном. — Но у меня есть все основания полагать, что Чарльз знал о грядущем убийстве отца и вполне мог излить душу случайному попутчику. А такой человек, как ваш муж, скорее всего, не стал бы об этом распространяться и постарался бы прекратить с Чарльзом всякое общение. Вы со мной согласны?

Анна подумала, что гипотеза Джерарда многое бы объяснила. Но в такой версии Гай получался

практически сообщником. Джерард явно пытался выставить его именно в таком свете. И Анна отрезала решительно:

— Если бы мой муж услышал нечто подобное, он не стал бы терпеть Чарльза ни минуты.

— В ваших словах есть резон. Однако… — Джерард умолк, будто потерял мысль.

Вид его рябой лысины был неприятен. Анна перевела взгляд на узорный портсигар, лежащий на кофейном столике, и, поразмыслив, взяла сигарету.

— Как вы считаете, миссис Хэйнс, у вашего мужа есть подозрения насчет того, кто убил его первую жену?

Анна демонстративно выдохнула дым.

— Разумеется, нет.

— Видите ли, если Чарльз тогда в поезде решил поговорить с вашим мужем об убийстве, он наверняка посвятил его во все подробности. А если ваш муж подозревал, что его тогдашней жене может угрожать опасность, и упомянул об этом… В таком случае они с Чарльзом оказались связаны общей тайной. Тайной, имеющей обоюдный риск. — И Джерард поспешил добавить: — Расследуя убийство, приходится рассматривать самые невероятные гипотезы.

— Мой муж не мог упомянуть ни о какой опасности, потому что не мог знать ни о какой опасности. Когда произошло убийство, он находился со мной в Мехико, а прежде мы с ним вместе были в Нью-Йорке.

— А в марте этого года вы тоже находились с ним рядом? — все тем же ровным голосом осведомился Джерард и протянул Анне пустой бокал.

Отойдя к бару налить еще виски, Анна вспоминала март — месяц, когда погиб отец Чарльза. Гай тогда был сам не свой. А когда он подрался в баре? В феврале или в марте? И не Чарльз ли его так побил?

— Ваш муж в то время не мог встречаться с Чарльзом без вашего ведома?

Конечно, мог, и это многое бы объяснило: зная, что Чарльз планирует убийство, Гай попытался его остановить, оттого и произошла та драка.

— Может быть, — неуверенно проговорила Анна. — Точно не скажу.

— А вы не помните, как вел себя ваш муж в марте, миссис Хэйнс?

— Он нервничал. И я знаю, что именно его беспокоило.

— И что же?

— Проблемы на работе.

Ей не хотелось вдаваться в подробности. Каждое ее слово Джерард сумеет уложить в свою мутную картину, в которую хочет вписать и Гая. Она выжидала, и Джерард ждал, играя с ней в молчанку.

Наконец он потушил сигару в пепельнице.

— Если все-таки припомните что-то об отношениях вашего мужа с Чарльзом в прошлом марте, обязательно со мной свяжитесь. Можете звонить в любое время дня и ночи. В конторе всегда есть кому принять сообщение.

Он нацарапал на визитке еще одно имя и вручил ее Анне.

Едва закрыв за ним дверь, Анна поспешила убрать его бокал с кофейного столика. Она проследила из окна, как Джерард сел в машину и некоторое время сидел, низко опустив голову, будто заснул. Видимо, строчил в своем блокноте. И наверняка записал, что в марте Гай мог встречаться с Чарльзом без ее ведома. Зачем она ляпнула?! Это же неправда. Гай ведь говорил ей, что до свадьбы не видел Чарльза с декабря.

Гай пришел домой через час. Анна была на кухне, проверяла, не дошла ли запеканка в духовке. Заметив, что он принюхивается, она пояснила:

— Запеканка с креветками. Пожалуй, надо проветрить.

— Джерард приезжал?

— Да. А он тебя предупредил?

— Сигарами пахнет, — лаконично ответил Гай. — И чего он хотел на этот раз?

— Хотел узнать побольше о Чарльзе Бруно. Не подозреваешь ли ты его в чем-нибудь. А еще, что было в марте.

— В марте?

Он подошел к ней, и Анна обратила внимание, как сузились у него зрачки. После той драки в баре на одной скуле у него остались шрамы — тонкие, как ниточки.

— Он спрашивал, не подозревал ли ты, что в марте Чарльз организует убийство своего отца.

Гай не отреагировал. Лишь смотрел на нее, сжав губы в прямую линию, и на его лице не было ни удивления, ни вины. Анна отступила и прошла в гостиную.

— Надо же, какой ужас, — проговорила она. — Убийство!

Гай вынул из пачки сигарету и постучал ею по наручным часам. «Убийство…» Как мучительно слышать это слово из уст Анны. Если бы он только мог стереть Бруно из ее памяти.

— Ты ведь не подозревал? Тогда, в марте?

— Нет. Что ты сказала Джерарду?

— Думаешь, Чарльз в самом деле организовал убийство отца?

— Не знаю. Возможно. Нас это не касается. — Несколько секунд Гай даже сам верил в свою ложь.

— Ну да. Не касается. — Анна снова взглянула на него. — А еще Джерард утверждает, что ты встретил Чарльза в позапрошлом июне. Что вы вместе ехали в поезде.

— Да, правда.

— А это… имеет значение?

— Не знаю.

— Ты услышал от Чарльза что-то ужасное? Ты поэтому его не любишь?

Гай поглубже сунул руки в карманы пиджака, чувствуя необходимость выпить. Он понимал, что Анна видит его насквозь и увиливать бесполезно.

— Послушай, — быстро начал он. — Тогда в поезде Бруно признался, что желает отцу смерти. Он не излагал мне никаких планов, не называл имен. Мне очень не понравилось то, что он говорил, и очень не понравился он сам. Но я не желаю выкладывать все Джерарду, потому что не могу знать наверняка, стоит за этим убийством Бруно

или нет. Пусть полиция разбирается. Из-за таких доносов иногда отправляют на казнь невинных людей.

Вот теперь ему конец. И даже неважно, поверила ему Анна или нет. Он произнес самую низкую ложь, совершил самый низкий поступок — переложил свою вину на другого. До такого не опустился бы даже Бруно. Он весь — сплошная ложь и фальшь. Гай швырнул сигарету в камин, закрыл лицо руками. И услышал мягкий голос Анны:

— Гай, я верю, что ты поступаешь правильно.

Все в нем лживо — спокойные глаза, твердая линия рта, нервные пальцы. Гай отнял руки от лица и сунул в карманы.

— Не нальешь мне бренди?

— А не с Чарльзом ты подрался тогда, в марте? — спросила Анна, отойдя к бару.

У него не было причин не солгать и в этом, но Гай не смог.

— Нет.

Анна бросила на него быстрый взгляд, и Гай понял, что она ему не поверила. Скорее всего, решила, что он вступил в схватку с Бруно, пытаясь его остановить. Наверное, даже гордилась им! Неужели она всегда будет защищать его, даже

когда он совсем не хочет ее защиты? Неужели ему так и будет все сходить с рук? Впрочем, Анна не успокоится, будет снова и снова заводить этот разговор, пока не вытянет из него правду.

Вечером Гай затопил камин — впервые в этом году и в этом доме. Анна лежала на полу у огня, подложив под голову диванную подушку. В воздухе ностальгически пахло осенней прохладой. Гая наполняла меланхолия и беспокойная энергия — не та осенняя энергия юности, от которой хочется парить, а отчаянная энергия заката жизни, исступленное желание еще хоть что-то успеть. А закат уже надвигался — иначе почему грядущая кара его совсем не пугает? Джерарду известно, что они с Бруно познакомились в поезде. Разве не может он теперь раскрыть их замысел? Разве не осенит его догадка в любой момент — днем ли, ночью ли, в миг, когда его толстые пальцы поднесут ко рту сигару? И почему же они с Бруно до сих пор не арестованы? Порой у Гая возникало ощущение, что Джерард хочет собрать против них все свидетельства вины, все возможные улики, чтобы потом обрушить этот груз и раздавить их обоих. Но пусть сам Гай будет раздавлен, после него останется то, что он построил. Он снова почувствовал странную изоляцию духа от плоти

и даже от разума.

А что, если их с Бруно тайну никогда не раскроют? Временами Гая охватывали ужас от содеянного и глубочайшее уныние от собственной безнаказанности, от того, что его тайна остается нерушимой, как заколдованная. Может, оттого он и не боится Джерарда, что в глубине души верит в ее нерушимость? Если до сих пор никто ее не разгадал, несмотря на их с Бруно вопиющую небрежность, возможно, тайну хранит некая сверхъестественная сила?

Анна уснула. Гай долго смотрел на гладкий изгиб ее лба, бледного, почти серебристого в свете тлеющих углей, потом склонился и поцеловал ее в лоб, нежно, чтобы не разбудить. Боль, раздиравшая его изнутри, превратилась в слова: «Я тебя прощаю». Он хотел слышать их от Анны, от нее и ни от кого больше.

В его сознании груз вины безнадежно перевешивал чашу весов. На другой чаше лежал аргумент самозащиты, и был он легче перышка. Гай убеждал себя, что совершил преступление ради самозащиты. Однако сам не знал, верит в это или нет. Если предполагать, что зло целиком захватило его душу, следует согласиться и с естественным желанием дать этому злу волю. А

потому иногда он не мог не задаваться вопросом: а не получил ли он своего рода удовольствия от убийства, некого первобытного удовлетворения — которым только и мог объяснить тот факт, что человечество продолжает вести войны. Откуда берется этот неизбывный энтузиазм перед войной, если люди не испытывают удовольствия от убийства?

Этот вопрос возникал в голове так часто, что Гай уже не сомневался в верности своей догадки.

43

Окружной прокурор Фил Хауленд, сухопарый и безукоризненный в каждой мелочи, снисходительно улыбался рыхлому и неряшливому Джерарду, сидящему напротив него в облаке сигаретного дыма.

— Может, оставите уже парня в покое? Да, поначалу я видел в вашей идее резон. Но мы проверили и его, и его друзей и ничего не нашли. Мы не можем арестовать человека лишь потому, что он вам не нравится.

Джерард переложил ногу на ногу и позволил себе вежливо улыбнуться. Настал его звездный час. Еще приятней было от того, что ему не раз приходилось сидеть в том кабинете и вежливо улыбаться по гораздо менее знаменательным поводам.

Хауленд кончиками пальцев подвинул к нему отпечатанный на машинке лист.

— Вот еще двенадцать имен. Друзья покойного мистера Сэмюэля Бруно, сведения получены от страховых компаний.

Хауленд говорил намеренно вальяжным, ску-

чающим тоном. Теперь, в должности окружного прокурора, он располагал сотнями людей, раскидывал свои сети очень далеко и определенно знал себе цену.

— Можете это порвать, — сказал Джерард.

Хауленд усмехнулся, скрывая удивление, но не смог скрыть вспыхнувшее в темных глазах любопытство.

— Ах да, конечно, вы же нашли убийцу… Чарльз Бруно.

— Конечно. — Джерард хохотнул. — Только он совершил другое убийство.

— Всего одно? Вы, помнится, утверждали, что на его совести может быть четыре или пять.

— Такого я никогда не утверждал, — негромко возразил Джерард, разглаживая на коленях листы бумаги, сложенные втрое, как письма.

— И кого же он убил?

— Интересно? А вы сами не знаете?

Джерард подвинул к себе стул и стал раскладывать на нем листы. Он никогда не клал своих бумаг на стол Хауленду, и тот давно уже не пытался ему это предлагать. Джерард знал, что Хауленд невысокого о нем мнения — как о человеке и профессионале. Хауленд обвинял его в нежелании сотрудничать с полицией. Хотя на самом деле

именно полиция не желала сотрудничать с Джерардом, а нередко и вовсе ему мешала. Однако за последние десять лет Джерард раскрыл внушительное число преступлений, в отношении которых официальное следствие лишь терялось в догадках.

Хауленд встал, неспешно подошел к Джерарду на длинных тонких ногах и заглянул в бумаги.

— И как это связано с нашим делом? — спросил он, вернувшись к столу.

— Беда полиции в том, что она мыслит однослойно. А это преступление, как и многие другие, является плодом двуслойного разума. Такую задачку может решить лишь другой двуслойный разум.

Хауленд вздохнул.

— Кого и когда?

— Вам знакомо имя Гай Хэйнс?

— Конечно. Мы допросили его на прошлой неделе.

— Была убита его жена. Одиннадцатого июня прошлого года в техасском городке Меткалф. Если помните, ее задушили.

— И это сделал Чарльз Бруно? — Хауленд посерьезнел.

— Вам известно, что первого июня прошлого

года Чарльз Бруно ехал на юг одним поездом с Гаем Хэйнсом? За десять дней до убийства миссис Хэйнс. Какие вы можете сделать из этого выводы?

— То есть в тот момент они уже были знакомы?

— Нет, они познакомились в поезде. Ну, остальное-то вы можете сложить? Я даю вам недостающее звено.

Окружной прокурор слабо улыбнулся.

— Вы утверждаете, что Чарльз Бруно убил жену Гая Хэйнса?

— Именно так. — Джерард наконец закончил с бумагами и поднял глаза. — Вы, конечно, спросите, как я это обосную. Вот, пожалуйста. — Он кивнул на листы, разложенные, как карты в пасьянсе. — Читайте снизу вверх.

Пока Хауленд читал, Джерард налил себе стакан воды из фонтанчика в углу и прикурил новую сигару от предыдущей. Последнюю бумагу, от таксиста из Меткалфа, он получил сегодня утром и даже не успел выпить по этому поводу. Но ничего, он еще выпьет, и не раз — как только уйдет от Хауленда и сядет в вагон-люкс до Айовы.

Бумаги представляли собой подписанные показания служащих отеля «Ла Фонда», а также

некоего Эдварда Уилсона, который в день убийства Мириам Хэйнс видел Чарльза садящимся в поезд из Санта-Фе на восток, а также таксиста, который вез Чарльза в парк развлечений на озере Меткалф, а также от бармена придорожной забегаловки, где Чарльз пытался купить крепкий алкоголь. Были там и счета за междугородние звонки из Санта-Фе в Меткалф.

— Думаю, вам все это уже известно, — заметил Джерард.

— По большей части да, — спокойно ответил Хауленд, продолжая читать.

— То есть вы знали, что Чарльз в тот день ездил в Меткалф? — уточнил Джерард почти без сарказма, до того благостное у него было расположение духа. — Нам пришлось попыхтеть, чтобы найти этого таксиста. Мы шли по его следу аж до Сиэтла, но когда разыскали, он сразу все вспомнил. Чарльз Бруно — человек незабываемый.

— Значит, говорите, Чарльз Бруно так одержим идеей убийства, что решил прикончить жену своего случайного попутчика? — спросил Хауленд, усмехаясь. — Неизвестную ему женщину, которую он ни разу не видел?

Джерард опять хохотнул.

— Именно! В том-то и замысел моего Чарль-

за. — «Мой» вырвалось случайно, но Джерарду было плевать. — До сих пор не понимаете? Все очень просто! Это лишь половина!

— Джерард, сядьте, пока вас удар не хватил.

— Конечно, вам не понять, вы же не интересовались, что за человек Чарльз Бруно. Не обратили внимания на тот факт, что на досуге он любит планировать идеальные убийства.

— Ну хорошо, в чем вторая половина вашей теории?

— В том, что Сэмюэля Бруно убил Гай Хэйнс.

— О-о… — простонал Хауленд.

И улыбнулся Джерарду широко и искренне — впервые за много лет, с тех пор, как Джерард допустил ошибку в расследовании.

— Я еще не закончил проверять Хэйнса. — Джерард с деланой непосредственностью пыхтел сигарой. — Я не хотел бы с этим торопиться и прошу не торопиться вас. Собственно, потому я и пришел. С вас ведь станется, располагая всей информацией, немедленно задержать Чарльза.

Хауленд пригладил черные усы.

— Вы снова подтвердили мое убеждение, что не напрасно ушли в отставку пятнадцать назад.

— О, за эти пятнадцать лет я раскрыл не одно дело.

— Но чтобы человек вроде Гая Хэйнса совершил убийство… — Хауленд снова недоверчиво усмехнулся.

— Запросто, если его вынудит человек вроде Чарльза Бруно. Прошу заметить, я не утверждаю, что Хэйнс действовал по доброй воле. Чарльз заставил его пойти на убийство в ответ на свою непрошеную услугу — освобождение от нелюбимой жены. Чарльз ненавидит женщин. Он задумал этакое убийство по обмену. Преступник не имеет мотива, не оставляет следов… О, я прямо слышу, как он об этом разглагольствует! Но даже в Чарльзе есть нечто человеческое. Он так заинтересовался Гаем Хэйнсом, что не смог оставить его в покое. А мистер Хэйнс был так перепуган, что не сумел от него отвязаться. Да… — Джерард закивал, тряхнув щеками. — Хэйнса вынудили. И можно лишь гадать, насколько жесткими методами.

Тут Хауленд понял, что Джерард не шутит, и улыбка сошла с его лица. Вероятность такого хода событий была небольшая, но все же была.

— Хм-м…

— Разве что он сам нам об этом расскажет, — прибавил Джерард.

— И как вы предлагаете развязать ему язык?

— О, я все еще надеюсь на чистосердечное признание. Вина изводит его. А я намерен выложить перед ним факты, которые сейчас собирают мои люди. У меня к вам одна просьба, Хауленд. Когда ваши… ваши быки ринутся проверять показания, — Джерард ткнул пальцем в бумаги на стуле, — пусть не трогают мать Гая Хэйнса. Не хочу, чтобы она его предупредила.

— А… Поиграете с мистером Хэйнсом в «кошки-мышки».

Посмеиваясь, Хауленд отвернулся к телефону и сделал звонок по какому-то отвлеченному вопросу. Джерард ждал, злясь на то, что вынужден передавать Хауленду свои наработки, что должен на время оставить историю Чарльза и Гая Хэйнса.

— Ну… — Хауленд испустил длительный вздох. — …И чего вы от меня хотите? Чтобы мы вывалили эту вашу информацию на сыночка? Думаете, он тут же сдаст все подробности своего преступного сговора с архитектором Гаем Хэйнсом?

— Не надо ничего на него вываливать. Я люблю работать чисто. Мне нужно еще несколько дней, может, недель, чтобы закончить с Хэйнсом, а потом я прищучу их обоих. Я передаю вам ин-

формацию, потому что официально устраняюсь от расследования — то есть они должны в это поверить. Уезжаю в отпуск в Айову — что, кстати, правда — и Чарльза поставлю в известность. — Джерард сверкнул зубами.

— Мне будет очень трудно сдержать парней, — заметил Хауленд с сожалением. — Вы просите нас бездействовать все то время, пока вы будете собирать доказательства вины Гая Хэйнса.

— Между прочим, — Джерард помахал шляпой. — Даже располагая моими сведениями, вы не сможете расколоть Чарльза, а вот Гая Хэйнса я бы мог расколоть хоть сейчас.

— А мы бы, значит, Гая Хэйнса расколоть не смогли?

Джерард посмотрел на прокурора с нескрываемым презрением.

— А вы разве хотите его расколоть? Вы ведь считаете, что он ни при чем.

— Поезжайте уже в свой отпуск!

Джерард методично сложил бумаги.

— Я думал, вы мне их оставите, — вмешался Хауленд.

— О, если вы считаете, что они вам понадобятся…

Джерард любезно вручил ему пачку бумаг и

повернулся к двери.

— Не поделитесь, чем вы готовы расколоть Гая Хэйнса?

Джерард пренебрежительно хмыкнул.

— Он страдает от угрызений совести.

44

— Знаете, в целом мире… — У Бруно навернулись слезы, и он был вынужден опустить взгляд. — …В целом мире нет места, где я хотел бы сегодня находиться более, чем здесь.

Он вальяжно опирался локтем на высокую каминную доску.

— Мне очень приятно, — ответила Анна с вежливой улыбкой и поставила на стол расплавленный сыр и канапе с анчоусами. — Попробуйте, пока не остыло.

Бруно взял канапе, понимая, что едва ли сможет проглотить хоть кусочек. Накрытый на двоих стол смотрелся очень красиво: серая льняная скатерть, большие серые тарелки. Джерард отчалил в отпуск, у него вскипели мозги. Они с Гаем одержали победу! Бруно расцеловал бы Анну, если бы она не принадлежала Гаю. Он выпрямился и поправил манжеты, гордый оттого, что держится таким джентльменом.

— Как Гай настроен по поводу работы? — спросил он. Гай уехал в Канаду строить большую плотину в провинции Альберта. — Хорошо, что

вся эта эпопея с допросами закончилась и не будет отвлекать его от дела. Лично я доволен и хочу отпраздновать! — Он засмеялся, прежде всего над тем, насколько преуменьшил свои чувства.

Анна разглядывала высокого неугомонного человека у камина и думала, испытывал ли Гай, несмотря на свою ненависть, такое же странное им очарование. И все же она до сих пор не пришла к выводу, мог ли Чарльз спланировать убийство собственного отца, и согласилась провести в его обществе целый день именно затем, чтобы это понять. От некоторых ее вопросов он увиливал, отшучиваясь, на другие отвечал вполне серьезно. О Мириам отзывался с такой неприязнью, будто знал ее лично. Анну удивило, что Гай ему так много о ней рассказал.

— Почему вы скрывали, что познакомились с Гаем в поезде?

— Да я не хотел скрывать. Просто сдуру приврал, что мы вместе учились, а потом начались допросы, и Джерард сделал из мухи слона. Оно и понятно, это на самом деле выглядело подозрительно. Сами понимаете, ведь через несколько дней погибла Мириам. Гай хорошо поступил, что на допросах не стал втягивать в это дело случайных знакомых. — Хохотнув, он опустился

в кресло. — Хотя навряд ли кто-то счел бы меня сомнительным персонажем!

— Это ведь не имеет никакого отношения к допросам после смерти вашего отца?

— Конечно, нет. Но Джерард игнорирует логику. Ему б изобретателем быть!

Анна помрачнела. Ей не верилось, что Гай поддержал бы ложь Чарльза лишь потому, что правда выглядела подозрительно — и даже если в поезде Чарльз якобы изливал ему душу о ненависти к отцу. Она решила еще раз спросить об этом Гая. Ей так много надо было у него спросить. Например, отчего Чарльз дурно говорит о Мириам, если ни разу ее не видел.

Анна скрылась на кухне, а Бруно с бокалом в руке подошел к окну. В темном небе, мигая красными и зелеными огнями, летел самолет, похожий на человека, который делает зарядку — касается пальцами плеч и снова вытягивает руки в стороны. Вот бы на этом самолете Гай возвращался домой!.. Бруно взглянул на циферблат наручных часов приглушенного розового цвета и подумал, что Гаю понравились бы такие часы за их современный дизайн. Он провел с Анной без малого сутки, до полных суток оставалось всего три часа. Накануне вечером он заехал сюда без

звонка, и Анна любезно предложила ему переночевать. Он спал в той же гостевой комнате, куда его уложили после новоселья, и перед сном Анна принесла ему чашку горячего бульона. Анна так добра к нему, он ее просто обожает!.. Развернувшись на каблуках, Бруно увидел, как она выходит из кухни с тарелками.

— Гай очень к вам расположен, — сказала она за ужином.

Бруно уставился на нее, тут же забыв, что они только что обсуждали.

— Я для него готов на все! Я испытываю к нему глубочайшую привязанность, как к брату. Наверное, потому что сразу после нашей встречи в его жизни начались большие перемены.

Фаршированный картофель на тарелке выглядел очень аппетитно, однако Бруно не рискнул положить в рот еще кусок. Так же как и глотнуть красного вина. У него возникло желание остаться еще на одну ночь. Она ведь наверняка предложит ему остаться, если он почувствует себя плохо? Хотя, пожалуй, не стоит. Его новый дом отсюда ближе, чем Анна думает, а в субботу намечается грандиозная вечеринка.

— Вы уверены, что Гай вернется к выходным?

— Обещал. — Анна задумчиво жевала зеленый

салат. — Только я не знаю, будет ли он в настроении ехать на вечеринку. Когда он погружен в работу, то не любит отвлекаться и обычно готов разве что ненадолго выйти в море.

— Выйти в море? О, я бы присоединился, если вы не против.

— Пожалуйста.

И тут она вспомнила, что Чарльз уже был на борту «Индии» — напросился к Гаю в компанию и сделал вмятину на фальшборте. Возникло ощущение, что ее обвели вокруг пальца. Наверное, Чарльз способен на что угодно — совершить любую мерзость и одурачить всех своим подкупающим простодушием и застенчивой улыбкой. Всех, кроме Джерарда. Да, этот человек мог организовать убийство своего отца. Джерард не стал бы бросаться такими обвинениями, если бы не имел на то оснований. Не исключено, что напротив нее за столом сидит убийца. С некоторым испугом Анна поднялась и унесла на кухню тарелки — чересчур поспешно, как будто спасалась бегством. А с каким мрачным, безжалостным удовольствием он выражал свое презрение к Мириам! Ведь с наслаждением убил бы ее!.. У Анны закралось подозрение, что Мириам и правда убил Чарльз, подозрение хрупкое и невесомое, как

сухой лист на ветру.

— А после встречи с Гаем вы поехали в Санта-Фе? — спросила она из кухни, чуть не заикаясь.

— Ага. — Бруно полулежа устроился в большом зеленом кресле.

Анна с жутким грохотом уронила на кафель сервировочную ложку. Странно — что бы она ни сказала, что бы ни спросила, Бруно сохранял полнейшую невозмутимость. Он был просто непрошибаем. И, вопреки логике, это качество не делало общение с ним легче. Наоборот, именно непрошибаемость Чарльза отталкивала Анну сильнее всего.

— А в Меткалфе вы бывали? — крикнула она через перегородку.

— Нет. Хотя побывал бы с удовольствием. А вы?

Потом Бруно пил кофе, стоя у камина. Анна сидела на диване, откинув голову на спинку. В полумраке самым светлым пятном выделялось ее горло над кружевным воротничком платья. Гай говорил, что Анна для него как свет. Если задушить ее, тогда никто не стоял бы между ним и Гаем. От этой мысли Бруно помрачнел, но тут же рассмеялся, переступив с ноги на ногу.

— Чему вы смеетесь?

— Да так, вспомнил одну идею, которую любит развивать Гай. Все имеет двойственную природу. Добро и зло сосуществуют бок о бок. Для каждого решения есть довод против.

— В смысле — у каждой вещи есть две стороны?

— Да нет, это слишком просто! — Все-таки женщины бывают на удивление примитивны! — Все на свете двойственно — люди, чувства! В каждом человеке уживаются двое. И у каждого из нас есть полная противоположность, неизвестная половина личности, которая ждет где-то в засаде.

Он с трепетом повторял слова Гая, хотя, когда впервые услышал их, они ему не понравились. Гай утверждал, что две эти противоположности — смертельные враги, имея в виду себя и Бруно.

Анна медленно подняла голову. Идея была очень в духе Гая, но ей самой он почему-то ничего подобного не говорил. Анна вспомнила анонимное письмо, которое получила прошлой весной. Наверняка его послал Чарльз. Больше никто из знакомых не вызывает у Гая такой болезненной реакции. Чарльз вполне способен чередовать ненависть и преданную дружбу.

— И дело не просто в существовании добра и зла, а в том, как они проявляются в действи-

ях, — весело продолжал Бруно. — Кстати, надо обязательно рассказать Гаю, как я дал тысячу долларов нищему. Видите ли, я мечтал это сделать, как только обзаведусь собственными деньгами. Так вот, даю я нищему пачку купюр — и, думаете, слышу в ответ благодарность? Как бы не так! Я двадцать минут убеждал его, что деньги не фальшивые! Пришлось при нем разменять одну сотенную в банке! Тогда он поверил и решил, что я псих!

Бруно опустил глаза и покачал головой. Он надеялся, что это будет незабываемое приключение, но на следующий день мерзавец сидел с протянутой рукой на том же углу, да еще и зыркнул недобро — как же, ему не принесли еще тысячи!

— О чем я…

— О добре и зле, — напомнила Анна.

Бруно вызывал у нее презрение. Теперь она понимала эмоции Гая, вот только не могла понять, зачем Гай его терпит.

— Ах, ну да. Добро и зло проявляется в действиях. Вот, к примеру, убийцы. Гай считает, что законной карой их не исправишь. Внутри у каждого человека свой суд, он сам назначает себе достаточное наказание. Если верить Гаю, человек вмещает в себе вообще все!

Бруно расхохотался. Он был так пьян, что очертания Анны плыли перед глазами, однако ему хотелось выложить ей все разговоры с Гаем, вплоть до последней маленькой тайны, о которой следовало молчать.

— Выходит, человек, не имеющий совести, остается безнаказанным?

Бруно посмотрел в потолок.

— Выходит, что да. Совести не имеют те, кто слишком туп, и те, кто слишком порочен. Тупых, как правило, ловят. Но возьмем двух убийц — жены Гая и моего отца. — Бруно старался принять серьезный вид. — Оба они наверняка умнейшие люди, вы не находите?

— В смысле — у них есть совесть и ловить их уже не надо?

— Ну бросьте, не надо утрировать! Я вот к чему: не думайте, что они не страдают! Хоть немного, в своей манере. — Бруно снова расхохотался; спьяну он сам не понимал, к чему ведет. — Они не маньяки, вопреки тому, что приписывают убийце Мириам. Наши власти так плохо разбираются в криминологии! Подобное убийство требует тщательного планирования.

Тут он внезапно вспомнил, что убийство Мириам как раз совсем не планировал. Зато до мелочей

просчитал убийство отца, так что его утверждение неголословно!

Анна прижимала пальцы ко лбу, будто у нее разболелась голова.

— Что с вами?

— Ничего.

Он подошел к стойке смешать ей коктейль; Гай встроил бар в стену возле камина, Бруно собирался сделать у себя дома точно так же.

— Откуда у Гая в прошлом марте взялись царапины на лице? — ни с того ни с сего спросила Анна.

Бруно обернулся. Гай уверял, что она не знает о царапинах.

— Какие?

— Не просто царапины — порезы. И синяк на голове.

— Я не в курсе.

— Он подрался с вами?

В глазах у Чарльза вспыхнул странный розоватый блеск. Анне не хватило лицемерия, чтобы улыбнуться. Сомнений у нее не осталось. Она чувствовала, что Чарльз готов броситься на нее, но не отводила взгляда. Если она сообщит о драке Джерарду, это докажет, что Чарльз знал об убийстве.

На лицо Чарльза вернулась улыбка.

— Нет, конечно! — рассмеялся он и сел в кресло. — В марте я вообще его ни разу не видел. Меня даже в городе не было.

У него вдруг стало нехорошо в животе — не от вопросов, просто нехорошо. А если с ним опять случится приступ, сейчас или завтра утром? Нельзя отключаться, нельзя, чтобы все это произошло на глазах у Анны!

— Думаю, мне пора, — пробормотал Бруно, вставая.

— Вам плохо? Вы как-то побледнели.

В ее голосе не было сочувствия. Способна ли на сочувствие хоть одна женщина, кроме его матери?

— Спасибо вам за… за гостеприимство.

Она вручила ему пальто, и Бруно, стиснув зубы, поплелся к машине, припаркованной вдалеке у обочины.

Спустя несколько часов в уже спящий, темный дом приехал Гай. Он бегло осмотрел гостиную, заметил окурок, брошенный в камин, сбитую подставку с курительными трубками на журнальном столике, вмятину на диванной подушке. Тут и там были неправильности, которые не могли создать Анна, Тедди, Крис или Хелен Хэйберн.

Разве он не знал, что это произойдет?

Он побежал в гостевую спальню, не нашел там Бруно, зато увидел на тумбочке распотрошенную газету и несколько мелких монет, небрежно выложенных из кармана. За окном занимался рассвет, совсем как тогда. Гай развернулся спиной к окну, дыхание вырвалось из груди со всхлипом. Зачем Анна с ним так поступила? Именно сейчас, когда это невыносимо! Когда одна половина его находится в Канаде, а другая — здесь, в сжимающейся хватке Бруно! Бруно, который теперь избавлен от полицейского преследования! Полиция хоть немного держала его в узде! Но теперь он перешел все границы! Больше так продолжаться не может!

В спальне Гай опустился на колени у кровати и стал целовать Анну — испуганно, резко, порывисто, пока она не проснулась и не обвила руками его шею. Он зарылся лицом в одеяло на ее груди. Ему казалось, что вокруг бушует шторм и Анна — единственная тихая гавань в самом его центре, а ее ровное дыхание — единственный признак того, что где-то еще бьется жизнь в нормальном мире. Гай разделся, не открывая глаз.

— Я скучала, — были ее первые слова.

Гай встал у изножья кровати, сжав кулаки в

карманах халата. Напряжение не отпускало, а шторм теперь собрался в самом сердце.

— Я приехал на три дня. Скучала, значит?

Анна повыше устроилась на подушке.

— Почему ты на меня так смотришь?

Гай не ответил.

— Я с ним всего один раз встретилась.

— Почему ты вообще с ним встречалась?

— Потому что…

Ее щеки стали такого же цвета, как розовое пятно на плече, где он поцарапал ее щетиной. Он никогда еще не разговаривал с ней таким тоном, и оттого, что Анна пыталась спокойно ему отвечать, Гай злился еще сильнее.

— Потому что он заглянул…

— Ему вечно неймется заглянуть! Или позвонить!

— Ну и что?

— Он спал здесь! — взорвался Гай, видя ее оторопь в едва заметном подъеме головы, в трепете ресниц.

— Да, прошлой ночью. — В спокойствии ее голоса ему слышался вызов. — Он приехал поздно, и я предложила ему остаться.

В Канаде у Гая возникала мысль, что Бруно может начать заигрывать с Анной просто потому,

что она его жена, и что Анна не будет спешить поставить его на место — просто потому, что захочет вытянуть из него правду. Он не предполагал, что Бруно зайдет далеко, но даже сама мысль о его прикосновении к ее руке и причинах, по которым она это позволит, была мучительной.

— И он оставался здесь до вчерашнего вечера?

— Почему тебя это так волнует?

— Потому что он опасен. Он почти безумен.

— Я думаю, дело не в этом, — произнесла Анна тем же спокойным голосом. — Я не понимаю, почему ты защищаешь его. Почему не хочешь признать, что это он прислал мне то письмо и это он чуть не довел тебя до сумасшествия в прошлом марте.

Гай застыл, готовясь защищаться — как защищается тот, кто виноват. И снова ему приходится защищать Бруно! Он знал, что не Бруно сказал ей о письме, она догадалась сама. Как Джерард, она собирала фрагменты головоломки. Джерард сдался, но Анна не сдастся никогда. Она находит неосязаемые фрагменты, именно из них и сложится цельная картина. Но пока еще не сложилась, потребуется время, еще немного мучительного времени. Гай устало повернулся к окну, слишком мертвый даже для того, чтобы

опустить голову или закрыть лицо руками. Он не стал выяснять у Анны, о чем они с Бруно говорили. Чутье подсказывало ему, что именно она узнала. Неминуемый конец откладывался, и агония продолжалась слишком долго, гораздо дольше, чем следовало, — как иногда продолжается жизнь при смертельной болезни.

— Расскажи мне, — тихо произнесла Анна.

Ее голос звучал ровно, как колокол, отбивающий время.

— Хорошо, — ответил Гай, по-прежнему глядя в окно, однако уже ощущая необычайную легкость внутри.

Наверняка Анна заметила, как изменилось выражение его лица. Ему не терпелось поделиться наполнившей его легкостью с Анной, но он никак не мог отвести глаз от света, заливающего подоконник. Легкость и свет против тьмы и тяжести. Да, он расскажет Анне.

— Иди сюда. — Анна протянула к нему руки.

Он сел рядом, обнял ее и крепко прижал к себе.

— У нас будет ребенок, — проговорила она. — Давай будем счастливы. Ты будешь счастлив?

Гаю захотелось смеяться — от счастья, от удивления, от того, как робко она это сказала.

— Ребенок, — прошептал он.

— Что будем делать, пока ты здесь?

— Анна, когда?

— О, еще не скоро. Думаю, в мае. Что будем делать завтра?

— Обязательно выйдем в море. Если тебе не слишком тяжело.

И услышав глупые заговорщицкие нотки в собственном голосе, он расхохотался.

— О, Гай…

— Ты что, плачешь?!

— Я так давно не слышала твой смех!

45

Утром в субботу позвонил Бруно — поздравить Гая с назначением в комитет Альберты и пригласить их с Анной к себе на вечеринку.

— Я тут выяснил по своим каналам, что Джерард убрался в Айову. — Бруно отчаянно умолял разделить с ним веселье. — Приезжайте, покажу новый дом. Дай трубку Анне.

— Ее нет дома.

Гай знал, что расследование прекращено. Полиция и Джерард известили его об этом с благодарностью.

Он вернулся в гостиную, где они с Бобом заканчивали поздний завтрак. Боб прилетел в Нью-Йорк на день раньше, и Гай позвал его к себе на выходные. Говорили о плотине, о коллегах по комитету, о канадском ландшафте, о ловле форели и вообще о всякой всячине. Гай хохотал над анекдотом Боба на франко-канадском диалекте. Стояло прохладное и солнечное ноябрьское утро, они ждали Анну, отправившуюся за покупками, а затем планировали доехать до Лонг-Айленда на автомобиле и устроить морскую прогулку. У Гая

было восторженное настроение, как у ребенка в преддверии праздника. Боб для него символизировал Канаду, работу, проект, который открыл перед ним новое, обширное пространство собственной души, куда Бруно хода не было. А их с Анной секрет волшебным образом приподнял его над миром, и Гай взирал на все вокруг с безмятежным благодушием.

Не успела Анна появиться в дверях, как телефон снова зазвонил. Гай встал, но Анна уже взяла трубку. Почему-то Бруно всегда точно знал, когда позвонить… Гай недоверчиво слушал их разговор, который неумолимо клонился к сегодняшней морской прогулке.

— Так приезжайте. Да ничего не надо. Ну, если настаиваете, возьмите пива.

Гай поймал на себе озадаченный взгляд Боба.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего. — Гай сел.

— Это Чарльз. — Анна бодро прошагала с пакетами в кухню. — Напросился с нами. Гай, ты не очень возражаешь? На самом деле в четверг он так загорелся идеей пойти на яхте, что я, можно сказать, сама его пригласила.

— Я не возражаю, — ответил Гай, не сводя с нее глаз.

С утра она пребывала в эйфорически приподнятом расположении духа, в котором, скорее всего, любому уступила бы в чем угодно, но Гай понимал, она позвала Бруно не просто по широте душевной. Решила свести их вместе и посмотреть, что будет. Именно сегодня, даже подождать не могла. В нем всколыхнулась волна обиды, однако Гай тут же одернул себя. Анна не знает, не может знать, что делает, и все вина за эту безнадежную ситуацию лежит на нем. Так что он подавил в себе обиду, не стал задумываться, какими безобразными выходками Бруно может шокировать гостей, и твердо решил держать себя в руках.

— Не стоит нервничать понапрасну, старик, — посоветовал Боб и с удовольствием осушил чашку кофе. — Ну, по крайней мере ты уже не такой кофейный маньяк. Сколько ты раньше пил, десять чашек в день?

— Вроде того.

Гай завязал с кофе, когда страдал от бессонницы, и теперь вообще терпеть его не мог.

Они заехали в Манхэттен за Хелен Хэйберн, затем по мосту Трайборо добрались до Лонг-Айленда. Скудные лучи зимнего солнца заливали берег прозрачным морозным светом, нервно

играли на зыбкой водной глади. «Индия» белела, как айсберг на приколе, а ведь еще недавно в ее белизне Гай находил квинтэссенцию лета. Едва он вырулил на парковку, как заметил автомобиль Бруно — длинный ярко-синий кабриолет. Бруно говорил, что на карусели в Меткалфе катался на лошади василькового цвета, наверное, потому он и выбрал такую машину. Бруно стоял под навесом на пирсе, и Гаю был виден он весь, кроме головы, — длинное черное пальто, маленькие ботинки, руки, спрятанные в карманы, знакомая поза нетерпеливого ожидания.

Бруно подхватил упаковку пива и пошел им навстречу, застенчиво улыбаясь, но даже издалека Гай заметил распирающий его восторг. Шею он повязал ярко-синим шарфом, в цвет своему автомобилю.

— Добрый день. Привет, Гай. Вот, хотел пообщаться с тобой, пока ты не уехал. — Он покосился на Анну, ища поддержки.

— Мы вам очень рады! — воскликнула Анна. — Знакомьтесь. Мистер Тричер. Мистер Бруно.

Бруно пожал Бобу руку.

— Может, все-таки вечером доберетесь до моей вечеринки? Будет много гостей. Я вас приглашаю. — Он с надеждой смотрел на всех, включая

Хелен и Боба.

Хелен ответила, что с радостью приехала бы, но у нее дела. Закрывая автомобиль, Гай видел, как она опирается на руку Бруно, переобуваясь в мокасины. Бруно вручил Анне упаковку пива и как будто собрался прощаться.

Хелен вскинула светлые брови.

— А вы что же, не с нами?

Бруно стал вяло отнекиваться.

— Да я не так одет…

— Не волнуйтесь, мы найдем для вас плащ, — заверила Анна.

От пирса к яхте пошли на шлюпке. Гай и Бруно поспорили, кому грести, — вежливо, но упрямо, — и спорили, пока Хелен не предложила грести им обоим. Гай делал длинные взмахи веслами, и Бруно старательно подстраивался под него. По мере приближения к «Индии» Бруно все сильнее охватывало странное волнение. Его шляпу дважды сорвало ветром, в конце концов он вскочил и картинно вышвырнул ее в море.

— Всегда ненавидел шляпы! — пояснил он и бросил взгляд на Гая.

Плащ на борту «Индии» он надеть отказался, хотя брызги то и дело долетали до рубки. Ветер был слишком сильный, так что шли на моторе. У

штурвала стоял Боб.

— За Гая! — выкрикнул Бруно, однако без обычной удали. — Мои поздравления!

Он вообще как-то сник, и язык его плохо слушался, Гай обратил на это внимание еще с утра. Бруно хлебнул из красивой серебристой фляжки, украшенной орнаментом из фруктов, и ни с того ни с сего протянул ее Анне — неуклюже, как механизм, который никак не может раскочегариться.

— Коньяк «Наполеон». Пять звездочек.

Анна пить не стала, замерзшая Хелен сделала глоток, и Боб тоже. Гай сжимал руку Анны под штормовкой и пытался не думать ни о чем — ни о Бруно, ни о канадском проекте, ни о море. Он видеть не мог Хелен, которая поощряла Бруно, и Боба, который улыбался вежливо и смущенно, глядя вперед над штурвалом.

— Кто-нибудь знает «Туманную росу»? — спросил Бруно, стряхивая брызги морской воды с рукава.

Последний глоток из фляжки стал для него явно лишним.

Бруно был разочарован. Никто не хотел пить его замечательный коньяк, никто не хотел петь песни. К тому же Хелен заявила, что терпеть не может заунывные ирландские баллады. Это

«Туманная роса»-то заунывная?! А ему хотелось петь, кричать! Когда еще они будут вот так вместе? Он и Гай. Анна. Хелен. И этот приятель Гая. Бруно съежился на сиденье в углу и глазел по сторонам — на тонкую линию горизонта, которая то появлялась, то исчезала за волнами, на удаляющуюся землю за кормой. Пробовал смотреть на флажок на верху мачты; от ее колыханий сразу кружилась голова.

— Когда-нибудь мы с Гаем обогнем земной шар, как мячик, и повяжем его ленточкой, — сообщил он, но никто не обратил на него внимания.

Хелен болтала с Анной, руками изображая в воздухе мячик, Гай что-то пояснял Бобу о работе мотора. Бруно заметил, что морщины у него на лбу стали глубже.

— Ты так и не понял? — Бруно потряс Гая за плечо. — Разве можно сегодня быть таким серьезным?

Хелен ввернула какую-то чушь — мол, Гай серьезен всегда, но Бруно наорал на нее, и она заткнулась. Ни черта она не знала, какой Гай на самом деле и почему. Встретив улыбку Анны, Бруно преисполнился благодарности и снова протянул фляжку.

Однако Анна все равно не хотела пить, и Гай

тоже.

— Я ж специально для тебя выбирал! — с обидой упрекнул его Бруно. — Думал, тебе понравится.

— Гай, выпей, — сказала Анна.

Гай взял фляжку и отхлебнул.

— За Гая! Гения, друга и партнера! — Бруно выпил следом за ним. — Он же гений! Вы это понимаете?

— Понимаем, — вежливо согласился Боб.

— А ты его старый друг. — Бруно поднял фляжку. — Поэтому я и за тебя выпью!

— Благодарю. Да, я очень давно его знаю.

— В самом деле? — с вызовом переспросил Бруно. — И насколько давно?

Боб посмотрел на Гая и улыбнулся.

— Ну, лет десять.

Бруно помрачнел и произнес тихо и угрожающе:

— А я знаю его всю жизнь. Сами спросите.

Анна высвободила руку, которую Гай пытался удержать. На лице Боба застыла растерянная усмешка. Лоб у Гая похолодел от выступившего пота. С трудом сохраняемое хладнокровие, как всегда, покинуло его в одночасье. Почему он каждый раз думал, что вынесет общество Бруно, и каждый раз терпел неудачу?

— Гай, подтверди, что я твой самый близкий друг.

— Да, — произнес Гай.

От него не укрылась слабая улыбка Анны, ее напряженное молчание. Разве она еще не все знает? Может, просто хочет услышать подтверждение своим догадкам из их с Бруно уст прямо сейчас? Когда-то пятничным вечером в кафе у него возникло ощущение, что он ей уже во всем признался. Сейчас он испытывал нечто похожее. Он ведь собирался признаться Анне, но не успел. И вот Бруно опять исполняет свой танец, живьем сдирая с него кожу. Что ж, это достойная кара за промедление.

— Да, я сумасшедший! — орал Бруно в лицо Хелен, которая старалась отодвинуться подальше. — Настолько сумасшедший, что не боюсь восстать против всего мира! А со всяким, кто в этом усомнится, я разберусь по-свойски!

Он расхохотался, отчего глупые расплывчатые лица вокруг него сделались еще глупее. Не зная, что делать, они засмеялись вслед за ним.

— Макаки! — весело крикнул им Бруно.

— Кто это? — шепотом спросил Боб у Гая.

— Мы с Гаем сверхлюди! — объявил Бруно.

— Вы сверхпьяны, — заметила Хелен.

— Неправда!

— Чарльз, успокойтесь! — потребовала Анна, однако на ее губах была улыбка, и Бруно радостно осклабился в ответ.

— Я возражаю против того, что говорит обо мне та женщина!

— Что он несет? — требовательно спросила Хелен. — Вы с ним сколотили состояние на бирже?

— На бирже! Пф! — Бруно вспомнил о папаше. — Йи-и-ху-у! Я настоящий техасец! Гай, а ты катался на карусели в Меткалфе?

Гай вздрогнул, но даже не посмотрел на Бруно.

— Ладно, ладно, — сказал ему Бруно. — Умолкаю. Хотя ты меня разочаровал. Ужасно разочаровал! — Он потряс опустевшую фляжку и швырнул ее за борт.

— Он плачет, — констатировала Хелен.

Бруно шагнул из рубки на палубу. Ему хотелось уйти подальше от них, даже от Гая.

— Куда он собрался? — всполошилась Анна.

— Пусть идет, — буркнул Гай, пытаясь закурить.

Раздался всплеск, и он сразу понял, что Бруно свалился за борт. Прежде чем кто-то успел вымолвить хоть слово, Гай вылетел из рубки.

Он подбежал к корме, на ходу пытаясь снять

штормовку. Кто-то схватил его за руки и хотел удержать. Гай вырвался, ударил Боба кулаком по лицу и кинулся в воду. Голоса смолкли, качка прекратилась, и на несколько секунд его охватила жуткая безмолвная неподвижность, прежде чем тело начало всплывать. Медленно, как в рапиде, Гай высвободился из штормовки. Ледяная вода жгла кожу. Выскочив на поверхность, он различил голову Бруно, похожую на выступающий из воды замшелый камень. До нее было невероятно далеко.

— Ты его не достанешь! — кричал Боб.

Гая накрыло волной, и голос Боба пропал. Вынырнув, он услышал вопль гибнущего Бруно:

— Гай!

Выругавшись, Гай решительно поплыл в его сторону. Через десять гребков он поднял голову.

— Бруно!

Но Бруно уже пропал.

— Вон там! — крикнула Анна с кормы.

Гай ничего не увидел, но все равно ринулся туда, куда она показала, и нырнул, загребая воду широко разведенными руками. Вода замедляла движения, как в кошмарном сне. Он вылетел на поверхность, чтобы вдохнуть, попал под волну и нахлебался. «Индия» была уже в другом месте,

она разворачивалась. Почему они не показывают ему, где искать? Бессердечные люди!

— Бруно!

Наверняка он где-то рядом, за вздымающимися горами воды!.. Гай отчаянно метался туда-сюда, пока окончательно не потерял направление. В ухо ударила волна. Гай проклинал огромное и уродливое тело океана. Где его друг, его брат?

Он снова нырнул, вытягиваясь во всю длину своего ничтожно малого тела, но вокруг во все стороны простирался лишь безмолвный серый вакуум, в котором он был единственной искрой сознания. Невыносимое одиночество подступало ближе, угрожая поглотить и его жизнь. Гай изо всех сил напрягал глаза, пока серая пустота не превратилась в дощатый коричневый пол.

— Вы его спасли? — спросил Гай, приподнимаясь. — Сколько времени?

— Тихо, тихо, лежи, — велел Боб.

— Он погиб, — проговорила Анна. — Мы видели, как он ушел под воду.

Гай прикрыл глаза и заплакал.

Один за одним все вышли из кубрика. Все покинули его, даже Анна.

46

Осторожно, чтобы не разбудить Анну, Гай встал с постели и спустился в гостиную. Он занавесил окна и включил свет, понимая, что рассвет все равно просочится сквозь жалюзи и зеленые шторы, как аморфная серебристолиловая рыба. В спальне Гай лежал в темноте и ждал, зная, что рассвет рано или поздно явится за ним, вползет по изножью кровати. Гай более чем когда-либо страшился механизма, который запускал в нем рассвет. Теперь ему было ясно, что Бруно нес на своих плечах половину его вины. Гай и прежде едва справлялся с ее грузом, разве по силам она ему одному? Конечно, нет.

Он завидовал Бруно, погибшему молодым так внезапно, спокойно и жутко. И так легко, как ему удавалось все на свете. Гая пробрала дрожь. Он застыл в напряжении, как случалось с ним в первые рассветы после той ночи. Затем по телу прошел спазм, и все закончилось. Гай встал с кресла и пошел в студию, еще не решив зачем. Он взглянул на большие гладкие листы чертежной бумаги на рабочем столе — четыре или пять

набросков, которые он начал для Боба. Сел, взял чистый лист и начал писать — поначалу медленно, затем быстрее и быстрее. Он писал о Мириам, о встрече в поезде, о телефонных звонках, о Бруно в Меткалфе, о письмах, о «люгере» и револьвере, о своем падении и о ночи с пятницы на субботу. Он писал, словно Чарльз Бруно был еще жив и рассказ мог помочь понять его. Признание заняло три больших чертежных листа. Гай сложил их, поместил в большой конверт и запечатал. Затем долго смотрел на него, наслаждаясь частичным освобождением от вины, дивясь тому, что теперь признание существует отдельно от него самого. Прежде он не раз писал горячие, сбивчивые исповеди, но, поскольку знал, что никто их никогда не увидит, они не приносили облегчения. Конверт предназначался Анне. Это ее руки будут прикасаться к нему, это она прочтет написанное на больших листах.

Гай закрыл ладонями усталые глаза. Он писал несколько часов и утомился так, что почти засыпал. Мысли блуждали, ни на чем не останавливаясь, имена и люди — Бруно, Мириам, Оуэн Маркмен, Сэмюэль Бруно, Артур Джерард, миссис Маккосленд, Анна — плясали на краю сознания. Мириам. Странное дело, сейчас она была для него

личностью более, чем прежде. Он попытался описать ее Анне, дать ей оценку. Пришлось и самому задуматься, чего она в действительности стоила. Гай пришел к выводу, что как человеку грош ей была цена — и по меркам Анны, и вообще. Но все же она была человеком. То же касалось и Сэмюэля Бруно, угрюмого и жадного дельца, которого не любила жена и ненавидел сын. А любил ли его вообще кто-нибудь? Горевал ли кто-нибудь по Мириам? Гай вспомнил ее брата в суде — в его маленьких глазах тогда не было горя; в них светились злоба и ненависть. Вспомнил ее мать — как всегда, мстительную и склочную. Несчастье не сломило и не смягчило ее. Ей было все равно, кого обвинят, лишь бы обвинили хоть кого-то. Даже если бы у Гая возникло желание рассказать правду, он только дал бы точку приложения для их ненависти. Стало бы от этого легче им или ему? Навряд ли. Если кто и мог любить Мириам, то разве что Оуэн Маркмен.

Гай отнял руки от лица. Имя всплыло само собой. Он вообще не думал об Оуэне, пока не сел за письмо. Оуэн был смутной фигурой в глубине картины, и мнение о нем Гай имел еще менее высокое, чем о Мириам. Тем не менее Оуэн, наверное, любил ее. Собирался на ней жениться.

Она носила под сердцем его ребенка. Что, если в Мириам он видел свое счастье? Что, если после ее смерти он пережил то же горе, что и Гай, когда Мириам умерла для него в Чикаго? Гай вспомнил, как Оуэн держался в суде, вспомнил его угрюмое лицо, то, как спокойно и прямо он отвечал на вопросы, пока не заговорил о ревности. Кто знает, что на самом деле творилось у него в душе?

— Оуэн, — произнес Гай вслух и медленно встал.

Идея начала формироваться, еще когда он только начал восстанавливать в памяти смуглое, вытянутое лицо и высокую, сутулую фигуру Маркмена. Надо поехать к нему и признаться. Именно Маркмену. Пусть Маркмен убьет его, вызовет полицию, пусть сделает что хочет. Гай сообщит ему правду, честно, лицом к лицу. Он почувствовал острую потребность признаться как можно скорее. Конечно же, это единственно верный шаг, и время настало. Он исполнит свой личный долг и будет готов принять любую кару, назначенную законом. Можно сесть на поезд сегодня, сразу после дачи показаний о гибели Бруно. Им с Анной велели с утра явиться в участок. Если повезет, можно даже улететь самолетом. Где там работал Маркмен, в Хьюстоне? Надо убе-

дить Анну не провожать его в аэропорт. Пусть думает, что он летит в Канаду. Пока ей лучше не знать. Сейчас главное — увидеться с Маркменом, остальное потом.

Определив план действий, Гай преобразился, будто сбросил с плеч старую, заношенную одежду. Да, он остался голым, зато ничего не боялся.

47

Гай притулился на дополнительном месте в проходе самолета, направляющегося в Хьюстон, — несчастный, беспокойный и такой же неуместный, как и крошечное откидное сиденье под ним, торчащее на дороге и нарушающее симметрию салона. Тем не менее он был твердо уверен, что находится на верном пути, и все преграды лишь усиливали его упрямую решимость.

С утра Джерард был в участке. По его словам, прилетел из Айовы. Он выразил сожаление по поводу трагической кончины Чарльза, однако заметил, что покойный никогда не отличался осторожностью. Какая досада, что несчастье случилось именно на яхте Гая.

Гай сумел ответить на вопросы, не проявив никаких эмоций. Детали исчезновения тела казались ему теперь совершенно несущественными. Гораздо сильнее тревожило присутствие Джерарда. Он опасался, как бы Джерард не выследил его в Техасе. Чтобы подстраховаться, Гай не стал сдавать билет на самолет в Канаду и четыре часа сидел в аэропорту, ожидая рейс до Хьюстона.

Впрочем, это были ненужные предосторожности. Джерард обмолвился, что сегодня же вернется в Айову поездом.

Гай снова огляделся по сторонам — на этот раз смелее и внимательнее, чем в первый. Никто из пассажиров не проявлял к нему никакого интереса.

Толстый конверт во внутреннем кармане хрустел, когда Гай склонялся над лежащими на коленях бумагами — полученными от Боба отчетами по работе над плотиной. Гай не мог читать журналы, не хотел смотреть в окно, однако был способен на механическое запоминание, а в отчетах многое следовало зазубрить наизусть. Среди бумаг он обнаружил страницу, вырванную из британского архитектурного журнала. Боб обвел одну колонку красным карандашом:

> Гай Дэниэл Хэйнс — самый заметный архитектор из всех, когда-либо появлявшихся на американском Юге. Его первой независимой работой, выполненной в возрасте двадцати семи лет, стало простое двухэтажное здание, получившее известность как Питтсбургский универмаг. Возводя его, Гай Хэйнс руководствовался

принципами изящества и функциональности, которым остается верен до сих пор и благодаря которым его искусство достигло сегодняшних высот. Именно на неуловимое понятие изящества следует опираться, желая понять гений этого мастера, ведь прежде современная архитектура изяществом не отличалась. Лишь Хэйнс сумел увидеть его в классике нашего века. Вышедший из-под его рук главный корпус знаменитого флоридского клуба «Пальмира» называют американским Парфеноном…

Внизу колонки под пунктирной линией была приписка:

Когда верстался номер, мистера Хэйнса назначили в консультативный инженерный комитет плотины, строящейся в канадской провинции Альберта. Сам он говорит, что его всегда интересовали мосты, и следующие три года он будет счастливо работать над этим проектом.

«Счастливо», — пробормотал Гай. Вот подобрали же слово.

Когда автомобиль пересекал главную улицу Хьюстона, городские часы пробили девять. В аэропорту Гай отыскал адрес Маркмена в телефонной книге, сдал багаж в камеру хранения и сел в такси. Он не ждал, что все получится легко. Едва ли в девять вечера Маркмен окажется дома, один, да еще в настроении сесть и послушать незнакомого человека. Нет, либо дома его не будет, либо выяснится, что он переехал в другой район, а то и в другой город. Поиски могут занять не один день.

— Притормозите у гостиницы, — попросил Гай.

Он зашел и снял номер. И, сделав этот обычный предусмотрительный шаг, сразу приободрился.

Оуэн Маркмен действительно не проживал по адресу на Клеберн-стрит. Такси подвезло Гая к компактному многоквартирному дому. Встреченные в коридоре жители и комендант дома смотрели на Гая подозрительно и старались уклониться от его расспросов. Никто не знал, где найти Маркмена.

Наконец комендант прямо спросил:

— А вы, часом, не из полиции?

— Нет. — Гай невольно улыбнулся.

Уже на крыльце его остановил мужчина и с

неохотой сообщил, что Маркмена можно встретить в одном кафе в центре города.

И Гай действительно нашел его в забегаловке при аптеке, где продавалась всякая всячина и можно было выпить. Маркмен сидел за стойкой в компании двух женщин, которых не стал представлять. При виде Гая он слез с табурета и слегка вытаращил темные глаза. За прошедшее время его длинное лицо потяжелело и сделалось менее привлекательным. Маркмен опасливо смотрел на Гая, спрятав большие ладони в карманы кожаной куртки.

— Вы меня помните, — произнес Гай.

— Ну, допустим.

— Я хотел бы с вами поговорить. Ненадолго. — Гай осмотрелся и пришел к выводу, что лучше пригласить Маркмена в гостиницу. — Я остановился в «Райсе».

Маркмен не спеша смерил Гая взглядом с головы до ног и ответил после долгой паузы:

— Хорошо.

Проходя мимо кассы, Гай заметил полку с напитками. Наверное, вежливо было бы угостить Маркмена.

— Вы пьете виски?

Маркмен чуть расслабился и сказал:

— Я пью колу, но не прочь в нее что-нибудь добавить.

Гай купил виски и несколько бутылок кока-колы.

В полном молчании они доехали до гостиницы, поднялись на лифте и вошли в номер. Гай уже перебрал и отмел десяток вариантов.

Шли минуты. Оуэн сидел в кресле, положив ногу на ногу, и изучал Гая с равнодушным недоверием, смакуя виски с колой в высоком бокале.

— Как… — нерешительно начал Гай.

— Что как?

— Как бы вы поступили, если бы знали, кто убил Мириам?

Маркмен резко опустил ногу на пол и выпрямился. Брови у него сошлись в прямую черную линию.

— Вы?!

— Нет, но я знаю кто.

— Кто?

Гай пока не понял, что стоит за реакцией Маркмена. Ненависть? Возмущение? Гнев?

— Знаю и намерен в самом скором времени поставить в известность полицию. — Гай помялся. — Ее убил человек из Нью-Йорка по имени Чарльз Бруно. Вчера он погиб. Утонул.

Поза Маркмена стала чуть менее напряженной.

— А откуда вы знаете? Он вам признался?

— Знаю, и уже давно. Моя совесть нечиста, потому что я не сдал убийцу полиции. — Гай облизнул пересохшие губы, каждый слог давался ему нелегко. — Поэтому я чувствую вину за смерть Мириам. Я…

Он осекся, заметив, что Маркмен равнодушно пожимает плечами и допивает остатки из бокала. Машинально Гай поднялся и смешал ему новую порцию.

— Поэтому я чувствую вину за ее смерть, — повторил он, — и должен рассказать вам, как все случилось. История очень запутанная. С Чарльзом Бруно я познакомился в поезде по дороге в Меткалф. В июне, незадолго до убийства. В Меткалф я ехал, чтобы развестись.

Он сглотнул. Вот они, слова, которые он так долго держал в себе и наконец произнес по доброй воле. И как же обыденно, как постыдно они звучат. Гай смотрел на смуглое, внимательное лицо Маркмена. Тот уже не хмурил брови и снова развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Гай вспомнил серые сапоги из оленьей кожи, в которых он пришел в суд. Теперь на ногах у

Маркмена были простые коричневые ботинки с резиновыми вставками по бокам.

— И…

— Ну? — поторопил Маркмен.

— Я говорил с ним о Мириам. О том, что ненавижу ее. У Бруно была идея двойного убийства.

— Господи, — прошептал Маркмен.

Этим восклицанием он напомнил Бруно. У Гая вдруг мелькнула жуткая мысль, что своим признанием он может завести Маркмена в ту же ловушку, что Маркмену понравится идея и он поймает в эту западню другого ничего не подозревающего незнакомца, и так будет продолжаться бесконечно. Гай содрогнулся и сжал кулаки.

— Моя ошибка была в том, что я вообще вступил с ним в беседу. Зачем-то выложил подробности своей личной жизни случайному попутчику.

— Он сказал, что намерен убить ее?

— Нет, конечно, нет! Он просто описывал мне идеальное убийство. Сумасшедший, психопат! Я не стал слушать и послал его к черту. Думал, что навсегда от него отвязался!

Мыслями Гай снова попал в то купе. Он вышел на платформу, за спиной хлопнула тяжелая дверь вагона… — отвязался!

— Вы не просили его это сделать?

— Нет. И он не давал понять, что собирается.

— Знаете, вы бы выпили, а? И сядьте уже наконец.

От флегматичного, скрипучего голоса Маркмена комната перестала плыть у Гая перед глазами. Этот голос был как неказистый камень, накрепко вросший в сухую землю.

Гай не хотел ни пить, ни садиться. Он сидел и пил виски в купе у Бруно. Не хотелось бы, чтобы финал этой истории выглядел так же, как ее начало. Из вежливости он пригубил виски с водой из своего бокала. А когда обернулся, Маркмен наливал себе еще.

— Ну что, — протянул Маркмен, — раз этот тип и правда псих… В суде-то, в общем, так и решили, а?

— Да.

— Ну, то есть я понимаю — на душе у вас, наверно, потом было паршиво. Но если дело ограничилось одним разговором, не вижу, с чего вам так уж себя винить.

Гай изумленно уставился на него. Неужели услышанное для Маркмена ничего не значит? Может, он не до конца понял?

— Просто…

— Когда вы узнали? — Взгляд Маркмена уже

затуманился.

— Примерно через три месяца после убийства. Просто если бы не я, Мириам была бы сейчас жива.

Гай наблюдал, как Маркмен снова заливает в широкий рот омерзительную смесь виски с колой, и буквально чувствовал ее вкус. Что Маркмен сделает, когда поставит бокал? Кинется на него и задушит, как Бруно задушил Мириам? Невероятно, чтобы его признание не вызвало у этого человека никакой реакции… Однако секунды шли, а Маркмен продолжал сидеть как ни в чем не бывало. Гай предпринял еще одну попытку достучаться до него:

— Понимаете, я должен был вам рассказать. Вы единственный, кто мог горевать о ней. Вы хотели пожениться, она носила вашего ребенка. Вы ее любили, вы…

— Да бросьте, не любил я ее, — перебил Маркмен, ничуть не изменившись в лице.

Гай застыл. В его обескураженном мозгу крутилось: «Он ее не любил, не любил, не любил…» Все прежние умопостроения лишились основы.

— Не любили?

— Нет. Ну, по крайней мере не так, как вы думаете. Я неплохо к ней относился, уж точно не желал

ей смерти и… знаете, я сделал бы что угодно, если бы мог ее спасти, но при этом я был рад, что не придется на ней жениться. Я ж не хотел, она сама решила меня охомутать, для того и забеременела. Я вообще считаю, что мужчина в таких вещах не виноват. Вы со мной согласны?

В пьяных глазах Маркмена застыл вопрос, рот сжался в кривую линию, как тогда в суде. Он искренне ожидал от Гая ответа, оценки его поведения с Мириам.

Гай отвернулся, раздраженно махнув рукой. Ничего не сходилось, в его приезде сюда не было никакого смысла, кроме разве что иронического. Напрасно он обливается потом, напрасно мучит себя перед чужим ему человеком, которому все равно на это наплевать.

— Вы со мной согласны? — повторил Маркмен, потянувшись к бутылке.

Гай не мог выдавить ни звука. В нем вскипала горячая, не выразимая словами ярость. Он ослабил галстук, расстегнул ворот рубашки и оглянулся на распахнутые окна в поисках кондиционера.

Маркмен повел плечами, явно чувствуя себя вполне комфортно. Гая накрыло совершенно нерациональное желание забить ему что-нибудь

в глотку, наброситься с кулаками, растоптать, самое главное — вышибить его из состояния расслабленного благодушия, с которым он расположился в кресле.

— Послушайте, — тихо начал Гай. — Я…

Но Маркмен заговорил одновременно с ним и стал монотонно бубнить, не обращая никакого внимания на Гая, стоящего посреди комнаты с раскрытым ртом:

— …второй раз. Женился через пару месяцев после развода, и сразу же началось. Уж не знаю, было бы с Мириам лучше, сдается мне, что только хуже. Луиза месяц назад просто взяла и смоталась, а перед тем чуть не спалила дом — большой дом на много квартир.

Он бубнил, снова по-хозяйски подливая себе из бутылки, и Гай увидел в этом демонстративное неуважение, неприкрытый афронт. Впрочем, сам он на суде вел себя безразлично и едва ли достойно мужа убитой, так за что Маркмену уважать его?

— Самое паскудное, что виноватым считается всегда мужчина. Женщины-то кого хочешь заболтают. Вот Луиза, если пожелает, вернется в тот дом, и ее там примут с распростертыми объятиями. А если я суну туда нос…

— Слушайте! — воскликнул Гай, не в силах терпеть это более ни секунды. — Я тоже убил человека! Я тоже убийца!

И снова Маркмен резко опустил ногу на пол и встрепенулся. Он даже быстро взглянул на окно в поисках пути к отступлению. Но испуг и обескураженное удивление на его лице были настолько вялыми и невыразительными, что выглядели издевкой над серьезным тоном Гая.

— Это как?

— Слушайте! — крикнул Гай. — Слушайте, я пропащий человек! Считайте, мне конец, потому что я намерен сдаться полиции. Немедленно! Потому что я убийца, понимаете? Ну что вы смотрите на меня, как будто вам плевать?! И не смейте опять разваливаться в кресле!

— А чего это мне не разваливаться? — Маркмен обеими руками вцепился в бокал, в который только что долил и виски, и колы.

— Я лишил другого жизни, сделал то, что не дозволено ни одному человеческому существу! А вам плевать?

Вроде бы Маркмен кивнул, а может, и нет. Так или иначе, он продолжал невозмутимо прихлебывать свое пойло.

Перепутанные клубки тысяч слов бурлили

в Гае, сгущая кровь, вызывая прилив жара от сжатых кулаков к плечам. Ругательства в адрес Маркмена, отдельные фразы и целые абзацы из написанного утром признания смешались в одну кучу и перепутались из-за того, что пьяный болван в кресле не пожелал его слушать. Пьяный болван решил напустить на себя равнодушный вид. Наверное, дело в том, что трудно заподозрить убийцу в приличном человеке. Белоснежная рубашка, шелковый галстук, аккуратные синие брюки — все это застит людям глаза, да и лицо его вряд ли похоже на лицо убийцы.

— Вот в чем ошибка, — произнес Гай вслух. — Никто не знает, как выглядит убийца. А выглядеть он может как угодно!

Он резко встал, плеснул в бокал виски на три пальца и залпом выпил.

— Рад, что у меня есть собутыльник, — пробормотал Маркмен.

Гай сел на постель, аккуратно заправленную зеленым покрывалом. На него вдруг навалилась усталость.

— Значит, для вас это ничего не значит?

— Я повидал убийц на своем веку. И мужчин, и женщин. — Маркмен усмехнулся. — На самом деле женщины чаще остаются на свободе. Выходят

сухими из воды.

— Я не свободен и не вышел сухим из воды. Я хладнокровно убил человека без всякой причины. Что может быть хуже? Я сделал это, потому что…

Он хотел сказать: потому что нашлась в нем достаточная мера порока, необходимая червоточина — но где понять это прагматичному Маркмену? Прагматичному настолько, что он не хочет ударить его, спастись бегством, вызвать полицию, оттого что сидеть в кресле и пить гораздо комфортнее.

Маркмен качал головой, полуприкрыв глаза, будто в самом деле размышлял над ответом. Поерзав, он вытащил откуда-то кисет с табаком, затем папиросную бумагу из нагрудного кармана.

Гай долго наблюдал за его манипуляциями, пока наконец не выдержал и протянул свою пачку.

— Возьмите.

Маркмен уставился на нее с сомнением.

— Что за сигареты?

— Канадские. Хорошие. Попробуйте.

— Нет, спасибо. — Маркмен затянул веревочку кисета зубами. — У меня свой любимый сорт. — И следующие три минуты он вертел самокрутку.

— Это было все равно что выхватить пистолет

в общественном парке и застрелить первого встречного. — Гай продолжал говорить, словно обращаясь к неодушевленному предмету, диктофону в кресле.

Впрочем, в диктофон его речь хоть как-то проникла бы, Маркмен же оставался непрошибаем. Интересно, он не задумывается, что в следующую минуту Гай может и его пристрелить?

— Я действовал не по своей воле, меня вынудили. Так я и скажу полиции, хотя это ничего не изменит, потому что я убил человека. Я хочу объяснить вам, в чем состояла идея Чарльза Бруно. — По крайней мере ему удалось добиться внимания Маркмена, хотя бы имитации вежливого интереса в пьяных глазах, но Гаю и этого было довольно. — Бруно решил, что мы должны совершить убийства друг за друга. Он освобождает меня от жены, я его — от ненавистного отца. Втайне от меня он приехал в Техас и убил Мириам. Не предупредив меня и не спросив моего согласия, вы понимаете? — Формулировка вышла чудовищной, но Гай был рад и тому, что вообще может говорить об этом вслух. — Я ничего не знал и поначалу даже не заподозрил его. Однако несколько месяцев спустя он начал меня преследовать. Угрожал свалить на меня

убийство Мириам, если я не доведу до конца его проклятый замысел, то есть если не убью его отца. Суть заключалась в том, что у обоих убийств не было личного мотива. Поэтому нас нельзя было вычислить по отдельности, если мы не будем встречаться. Но я сейчас не об этом, важно другое. Я действительно убил его отца. Меня сломали бесконечные письма Бруно, шантаж и бессонница. Он свел меня с ума. И знаете, я считаю, что сломать можно кого угодно. В тех же обстоятельствах я мог бы сломать вас, принудить вас к убийству. Пусть мне пришлось бы действовать другими методами, но это возможно. А на чем еще, по-вашему, держатся тоталитарные государства? Или вы, Оуэн, об этом не задумываетесь? Хотя я в полиции все объясню, вряд ли ко мне проявят снисхождение. Они скажут, что я сам позволил себя сломать. Что проявил слабость. Но мне наплевать, понимаете?

Гай так и не смог донести ничего до Маркмена, но ему было наплевать и на это.

— Я готов принять любую кару, какую мне назначат. Завтра же я повторю все это в полиции.

— А доказать сможете?

— Что доказать? Доказать, что я убийца?

Бутылка выскользнула из пальцев Маркмена и

упала; впрочем, виски в ней оставалось так мало, что на пол не пролилось почти ничего.

— Вы же архитектор, как я теперь припоминаю?

— Какая разница?

— Да есть некоторые сомнения.

— Какие еще сомнения? — нетерпеливо спросил Гай.

— Да просто если вас послушать, то вы малость тронутый. Так мне кажется. Я не утверждаю, что вы и правда чокнулись.

В затуманенных глазах Маркмена явно читалось опасение, что он может схлопотать за эти слова. Убедившись, что бить его Гай не намерен, он осел в кресле еще глубже.

Гай мучительно искал конкретный пример, который позволил бы объяснить доходчивей.

— Вы говорите, что повидали убийц на своем веку. Как вы к ним относились? Как себя с ними вели? Неужели продолжали общаться как ни в чем не бывало?

Под его пристальным взглядом Маркмен вроде бы напряг мозги. Наконец он улыбнулся и изрек расслабленно:

— Знаете, мой принцип — живи и дай жить другим.

Гая снова охватила ярость, горячими тисками сжав тело и разум. Его чувства не поддавались словесному выражению — или слов для них было слишком много, чтобы выбрать самое емкое. Наконец оно само образовалось на языке и вылетело сквозь стиснутые зубы:

— Болван!

Маркмен чуть заерзал в кресле, но не растерял флегматичного спокойствия.

— Меня это не касается, — твердо сказал он.

— Не касается? Вы же… вы же часть общества!

— Ну так это забота общества, не моя. — Маркмен лениво отмахнулся.

Он смотрел на бутылку, виски в которой оставалось на два пальца.

Гай недоумевал. Он серьезно или попросту пьян? Наверное, серьезно, какой резон ему сейчас лгать? И тут вспомнил, что и сам последовал тому же принципу — подозревал Бруно в убийстве и бездействовал, пока тот не начал его преследовать. Значит, так поступают все? И кто же тогда общество?

Впрочем, ответ на этот вопрос ясен. Обществом, о котором Гай думал применительно к себе, был закон, свод неукоснительных правил. Истинное же общество состояло из людей вроде Маркмена,

вроде его самого, вроде того же Брилхарта из Палм-Бич. Сообщил бы Брилхарт в полицию, если бы знал? Нет. Никто бы не сообщил, все предпочли бы переложить эту задачу на кого-нибудь другого. А в каких отношениях с законом был он сам? Разве не закон держал его привязанным к Мириам? Он переживал из-за того, что убил человека. Но другим-то людям все равно! Если никто, от Маркмена до Брилхарта, не хочет сдавать его, какого черта он сам решил сдаться? К чему этот мазохизм? Нет уж, он передумал. В чем конкретно состоит его вина? Хоть один человек пожелает на него заявить?

— Разве что осведомитель, — проговорил Гай. — Какой-нибудь тайный агент.

— Точно, — поддакнул Маркмен. — Стукач вонючий. — И громко, облегченно расхохотался.

Гай хмуро смотрел перед собой отсутствующим взглядом. Он нащупывал твердую землю, путь, который приведет его к истине, мелькнувшей где-то далеко впереди. Закон не равен обществу. Общество состоит из людей, которые не имеют права отнимать жизнь у других его членов. А закон — имеет.

— Однако считается, что закон по меньшей мере есть воля общества. А он таковой не являет-

ся. Ну, разве что коллективной, — добавил Гай, понимая, что как всегда в самый важный момент идет на попятную и еще больше запутывает то, что хочет сделать простым и ясным.

— М-м-м? — вопросительно промычал Маркмен.

Голова его запрокинулась на спинку кресла, черные волосы спутались на лбу, глаза были почти закрыты.

— Нет, коллективное желание наказать убийцу — это линчевание, и оно как раз противозаконно.

— Что вы все прицепились к линчеванию? — подал голос Маркмен. — Брехня это все! Нечего зря порочить южан!

— Я к тому, что раз у общества нет права отнимать жизнь, то и у закона тоже. Это если рассматривать закон как набор правил, неприкосновенных и данных нам свыше. В конце концов, закон управляет людьми, человеческими существами вроде вас и меня. Но это все логика. Знаете, Оуэн, в отношении людей логика не всегда работает. Логика хороша, чтобы строить дома. Ты знаешь, что материал поведет себя как надо, главное — соблюсти все правила. Однако в случае…

Тут он потерял нить аргументации. Мысль просто оборвалась, словно наткнулась на стену. Он излагал громко и четко, но Маркмен, очевидно, его не слышал, даже если и пытался слушать. И все же пять минут назад вина Гая была ему безразлична.

— Вот только что с судом присяжных… — Гай задумался.

— Чего?

— Является ли суд присяжных совокупностью двенадцати человеческих существ или единым институтом исполнения закона? Любопытный вопрос. — Гай вылил остатки из бутылки себе в бокал и выпил. — Конечно, вас, Оуэн, это вряд ли интересует. А что вас интересует?

Маркмен не издавал ни звука и не шевелился.

— Полагаю, ничего, — заключил Гай.

Большие ноги Маркмена в стоптанных ботинках повисли над ковром. Пятками он упирался в пол, а мыски безвольно завернул внутрь. Гай вдруг увидел в этих дурацких, вялых, бесстыжих ногах квинтэссенцию человеческой глупости. В нем тут же всколыхнулась старая ненависть к пассивной глупости тех, кто мешал его работе, и, прежде чем успел сообразить, что делает, Гай злобно пнул коричневый стоптанный ботинок.

Маркмен не шелохнулся.

Работа. Его ждет работа. Надо скорее возвращаться к ней, а думать он будет потом.

Гай взглянул на часы. Десять минут первого. Здесь ночевать не хочется. Может, в ближайшее время есть какой-нибудь рейс. Или поезд.

Он потряс Маркмена за плечо.

— Оуэн, проснитесь. Оуэн!

Маркмен пробормотал что-то с вопросительной интонацией.

— Нет, спать вам лучше дома.

Маркмен выпрямился и произнес вполне четко:

— Сомневаюсь.

Гай взял с кровати пальто. Огляделся, не забыл ли чего, хотя приехал без вещей. Подумал, что есть смысл позвонить в аэропорт.

— Где туалет? — спросил Маркмен, вставая. — Мне нехорошо.

Гай не мог найти телефон. На тумбочке его не было, там лежал только провод, и тянулся он под кровать. Гай обнаружил аппарат на полу со снятой трубкой. Упасть случайно он не мог, кто-то намеренно установил его у изножья кровати и направил трубку в сторону кресла. Гай медленно подтянул аппарат к себе.

— Здесь туалет-то есть? — вопрошал Маркмен, хлопая дверьми шкафов.

— Наверное, в коридоре, — ответил Гай дрогнувшим голосом.

Он поднес трубку к уху, послушал интеллигентное молчание.

— Алло?

— Здравствуйте, мистер Хэйнс, — произнес густой, вежливый и дружелюбный голос.

Гай предпринял безуспешную попытку раздавить в руках телефон и сдался без единого звука. Словно рухнула крепость, огромное здание безмолвно рассыпалось в пыль.

— Возиться с диктофоном не было времени… Разрешите войти?

Наверняка у Джерарда есть агенты в Нью-Йоркском аэропорту, они оповестили его, увидев Гая в списке пассажиров на рейс в Хьюстон.

— Входите, — прошептал Гай.

Он встал и выпрямился, глядя на дверь. Никогда в жизни сердце не колотилось так бешено, Гай даже испугался, что сейчас упадет замертво. В голове проносились безумные мысли: «Бежать… Атаковать, наброситься с порога… Это последний шанс…» Тем не менее он продолжал стоять неподвижно. За его спиной в углу Маркмена

рвало над умывальником. Раздался стук в дверь, и Гай подумал, что именно так его и должны были взять — врасплох, в обществе пьяного до беспамятства чужого человека, не дав привести в порядок мысли, и, хуже того, ровно в тот момент, когда добрая часть прежних идей утратила для него всякий смысл. Он открыл дверь.

На Джерарде была неизменная шляпа, а руки, как всегда, висели по швам.

— Кто это? — спросил Маркмен.

— Друг мистера Хэйнса, — непринужденно ответил Джерард и с тем же серьезным выражением на круглом лице подмигнул Гаю. — Вы, наверное, планируете сегодня вернуться в Нью-Йорк?

Гай смотрел на знакомую физиономию Джерарда, на большую родинку на его щеке, в яркие, живые глаза. Джерард тоже являл собой закон. И Джерард был на его стороне — как был бы и любой, кто знал Чарльза Бруно. Теперь Гай это понимал; наверное, он чувствовал это с самого начала, просто никогда не задумывался. Понимал он и то, что должен сдаться на милость Джерарда. Это было предопределено и неизбежно, как вращение Земли, и никакая софистика не поможет ему отвертеться.

— А? — поторопил Джерард.

Гай раскрыл рот и сказал вовсе не то, что собирался:

— Забирайте меня.